

Современная библіотека.

Отдѣльныя произведенія выдающихся
русскихъ и иностранныхъ писателей
въ области изящной литературы.

Въ эту серію вошли слѣдующія произведенія:

- Леонидъ Андреевъ: *Черныя маски*, пьеса.
Леонидъ Андреевъ: *Анфиса*, пьеса.
Ф. М. Достоевскій: *Братья Карамазовы*, романъ.
Ф. М. Достоевскій: *Преступленіе и наказаніе*, романъ.
К. Д. Бальмонтъ: *Изъ чужеземныхъ поэтовъ*, сборн. стиховъ.
В. Г. Танъ: *Колымскіе рассказы*, сборн. рассказовъ.
В. Г. Танъ: *На тундрѣ*, сборн. рассказовъ.
В. Г. Танъ: *Жертвы дракона*, романъ.
В. Г. Танъ: *Стихотворенія*.
Б. Лазаревскій: *Дьвушки*, сборн. рассказовъ.
А. В. Амфитеатровъ: *Княжна*, романъ.
А. В. Амфитеатровъ: *Жаръ-цвѣтъ*, романъ.
П. Я. (Якубовичъ-Мельшинъ): *Стихотворенія*, т. I и II.
Вас. И. Немировичъ-Данченко: *Цари биржи*, романъ.
Д. С. Мережковскій: *Стихотворенія*.
Эдв. Штильгебауэръ: *Король биржи*, романъ.
Эдв. Штильгебауэръ: *Райскій уголокъ*, романъ.
Як. Вассерманъ: *Каспаръ Гаузеръ*, романъ.
Эмиль Зола: *Деньги*, романъ.
Эмиль Зола: *Завоеваніе Плассана*, романъ.
Эмиль Зола: *Его Превосходительство Эженъ Ругонь*, романъ.
Эмиль Зола: *Карьера Ругоновъ*, романъ.

С.-Петербургъ.

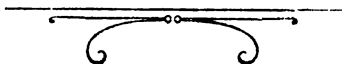
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Д. С. Мережковскій.

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.

1883—1910 г.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Отъ издателей.

Въ это собраніе вошли изъ прежнихъ стихотворныхъ сборниковъ Д. С. Мережковского всѣ стихи, которымъ авторъ придаетъ значеніе, и всѣ, напечатанные имъ за послѣдніе годы.

Оглавление.

Лирика.

	Стр.
Богъ	3
Morituri	5
Дѣти ночи	7
Изгнанники	8
Голубое небо	9
Темный ангель	10
Одиночество	12
И хочу, но не въ силахъ любить я людей	14
Молчаніе	15
Признаніе	16
Любовь-Вражда	18
Одиночество въ любви	20
Проклятiе любви	21
De profundis	22
Пустая чаша	25
Парки	26
Скука	28
Что ты можешь?	29
Старость	30
Волны	31
Двѣ пѣсни шута	33
Природа	36
Нирвана	37
Если розы тихо осыпаются	38
Усни	39
Вечеръ	40
Весеннее чувство	42
Мартъ	44

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Ноябрь	45
Осенью въ Лѣтнемъ саду	46
Успокоенные	47
Осенніе листья	48
Мать	49
Сталь	50
На озерѣ Комо	52
Помпея	53
Смѣхъ боговъ	55
Пареемонъ	57
Титаны	58
Римъ	60
Пантеонъ	61
Будущій Римъ	63
Такъ жизнь ничтожествомъ страшна	64
Двойная бездна	65
О, если бы душа полна была любовью	67
Дѣтское сердце	69
Трубный гласъ	71
Молитва о крыльяхъ	73
Веселыя думы	74

Легенды и поэмы.

Леда	77
Маркъ Аврелій	80
Будда	83
Ювъ	87
Леонардо да Винчи	97
Микель Анжело	99
Франческа Римини	103
Уголино	106
Донъ Кихоть	111
Разслабленный	114
Христось, Ангелы и Душа	118
Протопопъ Аввакумъ	123
Францискъ Ассизскій	138
Старинныя октавы	171

Лирика.

Богъ.

О, Боже мой, благодарю
За то, что даль моимъ очамъ
Ты видѣть мѣръ, Твой вѣчный храмъ,
И ночь, и волны, и зарю...
Пускай мученья мнѣ грозятъ, —
Благодарю за этотъ мигъ,
За все, что сердцемъ я постигъ,
О чемъ мнѣ звѣзды говорятъ...
Вездѣ я чувствую, вездѣ
Тебя, Господь, — въ ночной тиши,
И въ отдаленнѣйшей звѣздѣ,
И въ глубинѣ моей души.
Я Бога жаждалъ — и не зналъ;
Еще не вѣрилъ, но, любя,
Пока разсудкомъ отрицалъ, —
Я сердцемъ чувствовалъ Тебя.
И Ты открылся мнѣ: Ты — мѣръ.
Ты — все. Ты — небо и вода,
Ты — голосъ бури, Ты — эфиръ,
Ты — мысль поэта, Ты — звѣзда...

Пока живу — Тебѣ молюсь.
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — съ Тобой сольюсь,
Какъ звѣзды съ утренней зарей.
Хочу, чтобъ жизнь моя была
Тебѣ немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю!...

Morituri.

Мы бесконечно одиноки,
Боговъ покинутыхъ жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вѣщiе пѣвцы,
Еще невѣдомые міру!
И отдадимъ мы нашу лиру
Тебѣ, божественный поэтъ...
На гласъ твой первые отвѣтимъ,
Улыбкой первой твой разсвѣтъ,
О, Солнце будущаго, встрѣтимъ,
И въ блескъ утреннемъ твоємъ,
Тебя привѣтствуя, умремъ!

„Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri“. Весь нашъ родъ,
Какъ на аренѣ гладіаторъ,
Предъ новымъ вѣкомъ смерти ждетъ.
Мы гибнемъ жертвой искупленья.
Придутъ иныя поколѣнья.
Но въ оный день, предъ ихъ судомъ,

Да не падуть на насъ проклятья:
Вы только вспомните о томъ,
Какъ много мы страдали, братья!
Грядущей вѣры новый свѣтъ,
Тебѣ отъ гибнущихъ привѣтъ!

ДѢТИ НОЧИ.

Устремляя наши очи
На блѣднѣющій востокъ,
Дѣти скорби, дѣти ночи,
Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.

И, съ надеждою въ сердцахъ,
Умирая, мы тоскуемъ
О несозданныхъ мірахъ.
Мы невѣдомое чуемъ

Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.

Погребенныхъ воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Пѣтуха ночное пѣнье,
Холодъ утра — это мы.

Мы — надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ,
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ.

Изгнанники.

Есть радость въ томъ, чтобъ люди ненавидѣли,
Добро считали зломъ,
И мимо шли, и слезъ твоихъ не видѣли,
Назвавъ тебя врагомъ.

Есть радость въ томъ, чтобъ вѣчно быть изгнан-
никомъ,
И, какъ волна морей,
Какъ туча въ небѣ, одинокимъ странникомъ
И не имѣть друзей.

Прекрасна только жертва неизвѣстная :
Какъ тѣнь хочу пройти,
И сладостна да будетъ ноша крестная
Мнѣ на земномъ пути.

Голубое небо.

Я людямъ чуждъ и мало вѣрю
Я добродѣтели земной:
Иною мѣрой жизнь я мѣрю,
Иной, безцѣльной красотой.,

Я вѣрю только въ голубую
Недосягаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, какъ смерть.

О небо, дай мнѣ быть прекраснымъ,
Къ землѣ сходящимъ съ высоты,
И лучезарнымъ и безстрастнымъ,
И всеобъемляющимъ, какъ ты.

Темный ангелъ.

О, темный ангелъ одиночества,
Ты вѣешь вновь,
И шепчешь вновь свои пророчества:
„Не вѣрь въ любовь.

„Узналъ ли голосъ мой таинственный?
„О милый мой,
„Я — ангелъ дѣтства, другъ единственный,
„Всегда — съ тобой.

Мой взоръ глубокъ, хотя не радостенъ,
„Но не горюй:
„Онъ будетъ холоденъ и сладостенъ,
„Мой поцѣлуй.

„Онъ вѣетъ вѣчною разлукою, —
„И въ тишинѣ
„Тебя, какъ мать, я убаюкаю,
„Ко мнѣ, ко мнѣ!“

И совершаются пророчества:
Темно вокругъ.

О, страшный ангель одиночества,
Послѣдній другъ,

Полны могильной безмятежностью
Твои шаги.

Кого люблю съ безсмертной нѣжностью,
И тѣ — враги!

Одиночество.

Повѣрь мнѣ: — люди не поймутъ
Твоей души до дна!..
Какъ полонъ влагою сосудъ, —
Она тоской полна.

Когда ты съ другомъ плачешь, — знай:
Сумѣешь, можетъ быть,
Лишь двѣ-три капли черезъ край
Той чаши перелить.

Но вѣчно дремлетъ въ тишинѣ
Вдали отъ всѣхъ друзей, —
Что тамъ, на днѣ, на самомъ днѣ
Больной души твоей.

Чужое сердце — мнръ чужой,
И нѣтъ къ нему пути!
Въ него и любящей душой
Не можемъ вы войти.

И что-то есть, что глубоко
Горитъ въ твоихъ глазахъ,

И отъ меня — такъ далеко,
Какъ звѣзды въ небесахъ...

Въ своей тюрьмѣ, — въ себѣ самомъ,
Ты, бѣдный человѣкъ,
Въ любви, и въ дружбѣ, и во всемъ
Одинъ, одинъ навѣкъ!..

* * *

И хочу, но не въ силахъ любить я людей:
Я чужой среди нихъ; сердцу ближе друзей —
Звѣзды, небо, холодная, синяя даль
И лѣсовъ, и пустыни нѣмая печаль...
Не наскучить мнѣ шуму деревьевъ внимать,
Въ сумракъ ночи могу я смотрѣть до утра
И о чемъ-то такъ сладко, безумно рыдать,
Словно вѣтеръ мнѣ братъ, и волна мнѣ сестра,
И сырая земля мнѣ родимая мать...
А межъ тѣмъ не съ волной и не съ вѣтромъ мнѣ
жить,
И мнѣ страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели навѣкъ мое сердце мертво?
Дай мнѣ силы, Господь, моихъ братьевъ любить!

Молчаніе.

Какъ часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умѣю,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Какъ будто стыдно мнѣ — я говорить не смѣю.

И въ близости ко мнѣ живой души твоей
Такъ все таинственно, такъ все необычайно, —
Что слишкомъ страшною божественною тайной
Мнѣ кажется любовь, чтобъ говорить о ней.

Въ насъ чувства лучшія стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлетъ тишина:
Пока шумятъ вверху сверкающія волны,
Безмолвствуетъ морская глубина.

Признаніе.

Не утѣшай, оставь мою печаль
Нетронутой, великой и безгласной.
Обоимъ намъ порой свободы жаль,
Но цѣль любви порвать хотимъ напрасно.

Я чувствую, что такъ любить нельзя,
Какъ я люблю, что такъ любить безумно,
И страшно мнѣ, какъ будто смерть, грозя,
Надъ нами вѣетъ близко и безшумно...

Но я еще сильнѣй тебя люблю,
И безконечно я тебя жалѣю, —
До ужаса сливаю жизнь мою,
Сливаю душу я съ душой твоею.

И безъ тебя я не умѣю жить.
Мы отдали другъ другу слишкомъ много,
И я прошу, какъ милости, у Бога,
Чтобъ научилъ Онъ сердце не любить.

Но какъ порой любовь ни проклинаю —
И жизнь, и смерть съ тобой я раздѣлю,

Не знаешь ты, какъ я тебя люблю,
Быть можетъ, я и самъ еще не знаю.

Но словъ не надо: сердце такъ полно,
Что можемъ только тихими слезами
Мы выплакать, что людямъ не дано
Ни рассказать, ни облегчить словами.

Любовь — Вражда.

Мы любимъ и любви не цѣнимъ,
И жаждемъ оба новизны,
Но мы другъ другу не измѣнимъ,
Мгновенной прихотью полны.

Порой, стремясь къ свободѣ прежней,
Мы думаемъ, что цѣпь порвемъ,
Но каждый разъ все безнадежнѣй
Мы наше рабство сознаемъ.

И не хотимъ конца предвидѣть,
И не умѣемъ вмѣстѣ жить, —
Ни всей душой возненавидѣть,
Ни безпредѣльно полюбить.

О, эти вѣчные упреки!
О, эта хитрая вражда!
Тоскуя — оба одиноки,
Враждуя — близки навсегда.

Въ борьбѣ съ тобой изнемогая
И все жъ мучительно любя,
Я только чувствую, родная,
Что жизни нѣтъ, гдѣ нѣтъ тебя.

Съ какимъ коварствомъ и обманомъ
Всю жизнь другъ съ другомъ споръ ведемъ,
И каждый хочетъ быть тираномъ,
Никто не хочетъ быть рабомъ.

Межъ тѣмъ, забыться не давая,
Она растеть всегда, вездѣ,
Какъ смерть, могучая, слѣпая
Любовь, подобная враждѣ.

Когда другой сойдетъ въ могилу,
Тогда пойметъ одинъ изъ насъ
Любви безжалостную силу —
Въ тотъ страшный часъ, послѣдній часъ!

Одиночество въ любви.

Темнѣть. Въ городѣ чужомъ
Другъ противъ друга мы сидимъ,
Въ холодномъ сумракѣ ночномъ,
Страдаемъ оба и молчимъ.

И оба поняли давно,
Какъ рѣчь безсильна и мертва:
Чѣмъ сердце бѣдное полно,
Того не выразять слова.

Не виновать никто ни въ чемъ:
Кто гордость побѣдить не могъ,
Тотъ будетъ вѣчно одинокъ,
Кто любить, — долженъ быть рабомъ.

Стремясь къ блаженству и добру,
Влача томительные дни,
Мы всѣ — одни, всегда — одни:
Я жилъ одинъ, одинъ умру.

На стеклахъ блѣднаго окна
Потухъ вечерній полусвѣтъ. —
Любить научить смерть одна
Все то, къ чему возврата нѣтъ.

Проклятіе любви.

Съ усильемъ тяжкимъ и бесплоднымъ
Я цѣпь любви хочу разбить.
О, если бѣ вновь мнѣ быть свободнымъ,
О, если бѣ могъ я не любить!

Душа полна стыда и страха,
Влечится въ прахъ и крови.
Очисти душу мнѣ отъ праха,
Избавь, о Боже, отъ любви!

Ужель непобѣдима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежнѣе усталость,
Все безконечнѣе люблю.

И нѣтъ свободы, нѣтъ прощенья,
Мы всѣ рабами рождены,
Мы всѣ на смерть, и на мученья,
И на любовь обречены.

De Profundis.

(Изъ дневника.)

...Въ тѣ дни будетъ такая скорбь какой не было отъ начала творенія, которое сотворилъ Богъ, да же донынѣ, и не будетъ. И если бы Господь не сократилъ тѣхъ дней, то не спаслась бы никакая плоть (Ев. Марка, гл. XIII, 19, 20).

I.

Усталость.

Мнѣ самого себя не жаль.
 Я принимаю всѣ дары Твои, о Боже,
 Но кажется порой, что радость и печаль,
 И жизнь, и смерть — одно и то же

Спокойно жить, спокойно умереть —
 Моя послѣдняя отрада.
 Не стоитъ ни о чемъ жалѣть,
 И ни на что надѣяться не надо.

Ни мукъ, ни наслажденій нѣтъ.
 Обманъ — свобода и любовь, и жалость.

Въ душѣ — безцѣльной жизни слѣдъ —
Одна тяжелая усталость.

II.

De profundis.

Изъ преисподней вопію
Я, жаломъ смерти уязвленный:
Росу небесную Твою
Пошли въ мой духъ ожесточенный.

Люблю я смрадъ земныхъ утѣхъ,
Когда въ устахъ къ Тебѣ моленья —
Люблю я зло, люблю я грѣхъ,
Люблю я дерзость преступленья.

Мой Врагъ глумится надо мной:
„Нѣтъ Бога: жаръ молитвъ безплоденъ“.
Паду ли ницъ передъ Тобой,
Онъ молвить: „встань и будь свободенъ“.

Бѣгу ли вновь къ Твоей любви, —
Онъ искушаетъ, гордъ и злобенъ:
„Дерзай, познанья плодъ сорви,
„Ты будешь силой мнѣ подобенъ“.

Спаси, спаси меня! Я жду,
Я вѣрю, видишь, вѣрю чуду,
Не замолчу, не отойду
И въ дверь Твою стучаться буду.

Во мнѣ горитъ желаньемъ кровь,
Во мнѣ таится сѣмя тлѣнья.
О, дай мнѣ чистую любовь,
О, дай мнѣ слезы умиленья.

И окаяннаго прости,
Очисти душу мнѣ страданьемъ —
И разумъ темный просвѣти
Ты немерцающимъ сіяньемъ!

Пустая чаша.

Отцы и дѣти, въ играхъ шумныхъ
Все истожили вы до дна,
Не берегли въ пирахъ безумныхъ
Вы драгоценнаго вина.

Но хмѣль прошелъ, слѣпой отваги
Потухъ огонь, и кубокъ пусть.
И вашимъ дѣтямъ каплей влаги
Не омочить горящихъ усть.

Послѣднимъ ароматомъ чаши —
Лишь тѣнью тѣни мы живемъ,
И въ страхъ думаемъ о томъ,
Чѣмъ будутъ жить потомки наши.

Парки.

Будь, что будетъ — все равно.
Парки дряхлыя, прядите
Жизни спутанныя нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Тремъ богинямъ, вѣщимъ пряхамъ:
Было прахомъ, будетъ прахомъ, —
Ты шуми, веретено.

Нити вѣчныя судьбы
Тянутъ Парки изъ кудели,
Безъ начала и безъ цѣли.
Не склоняютъ ихъ мольбы,

Не плѣняется красота:
Головой онѣ качають,
Правду горькую вѣщаютъ
Ихъ поблеклыя уста.

Мы же лгать обречены:
Роковымъ узломъ отъ вѣка
Въ слабомъ сердцѣ человѣка
Правда съ ложью сплетены.

Лишь уста открою — лгу,
Я разсѣчь узловъ не смѣю,
А распутать не умѣю,
Покориться не могу.

Лгу, чтобъ вѣрить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цѣпи рабства и любви,
Все, предъ чѣмъ я полонъ страхомъ,
Разсѣкуть единымъ взмахомъ,
Парка, ножницы твои!

Скука.

Страшнѣй, чѣмъ горе, эта скука.
Гдѣ ты, послѣдній тернъ вѣнца,
Освобождающая мука
Давно желаннаго конца?

Съ ея безмысленнымъ мученьемъ,
Съ ея томительной игрой,
Невыносимымъ оскорбленьемъ
Вся жизнь мнѣ кажется порой.

Хочу простить ее, но знаю,
Уродства жизни не прощу,
И горечь слезъ моихъ глотаю
И умираю, и молчу.

* * *

Что ты можешь? Въ безумной борьбѣ
Человѣкъ не достигнетъ свободы:
Покорись же, о духъ мой, судьбѣ
И невѣдомымъ силамъ природы!

Если надо, — смирись и живи!
Объ одномъ только помни, страдая:
Ненадолго — страданья твои,
Ненадолго — и радость земная.

Если надо, — покорно вернись,
Умирая, къ небесной отчизнѣ,
И у смерти, у жизни учись —
Не бояться ни смерти, ни жизни!

Старость.

Чѣмъ больше я живу — тѣмъ глубже тайна жизни,
Тѣмъ призрачнѣе мѣръ, страшнѣй себѣ я самъ,
Тѣмъ больше я стремлюсь къ покинутой отчизнѣ,
Къ моимъ безмолвнымъ небесамъ.

Чѣмъ больше я живу — тѣмъ скорбь моя сильнѣе
И неотзывчивѣй на голосъ дольнихъ бурь,
И смерть моей душѣ все ближе и яснѣе,
Какъ вѣчная лазурь.

Мнѣ юности не жаль: прекраснѣй солнца мая,
Мой золотой сентябрь, твой блескъ и тишина,
Я не боюсь тебя, приди ко мнѣ, святая,
О, Старость, лучшая весна!

Тобой обвѣянный, я снова буду молодъ
Подъ свѣтлымъ инеемъ безгрѣшной сѣдины,
Какъ только укротить во мнѣ твой мудрый холодъ
И боль, и бредъ, и жаръ весны!

ВОЛНЫ.

О, если бъ жить, какъ вы живете, волны,
Свободныя, безстрастіе храня,
И холодомъ, и вѣчнымъ блескомъ полны!..
Не правда ль, вы — счастливѣе меня?

Не знаете, что счастье — ненадолго...
На вольную, холодную красу
Гляжу съ тоской: всю жизнь любви и долга
Святую цѣпь покорно я несу.

Зачѣмъ вашъ смѣхъ такъ радостенъ и молодъ?
Зачѣмъ я цѣпь тяжелую несу?
О, дайте мнѣ невозмутимый холодъ
И вольный смѣхъ, и вѣчную красу!..

Смирение!.. Какъ трудно жить подъ игомъ!
Уйти бы къ вамъ и съ вами отдохнуть,
И лишь однимъ, однимъ упиться мигомъ,
Потомъ навѣкъ безропотно уснуть!..

Ни женщинѣ, ни Богу, ни отчизнѣ,
О, никому отчета не давать
И только жить для радости, для жизни
И въ пѣнѣ брызгъ на солнцѣ умирать!..

Но нѣтъ во мнѣ глубокаго безстрастья :
И родину, и Бога я люблю,
Люблю мою любовь, во имя счастья
Все горькое покорно я терплю.

Мнѣ страшенъ долгъ, любовь моя тревожна.
Чтобъ вольно жить — увы! я слишкомъ слабъ...
О, неужель свобода невозможна,
И человѣкъ до самой смерти — рабъ?

ДВѢ ПѢСНИ ШУТА.

I.

Если бъ капля водяная
Думала, какъ ты,
Въ часъ урочный упадая
Съ неба на цвѣты,
И она бы говорила:
„Не бессмысленная сила
Управляетъ мной.
„По моей свободной волѣ
„Я на жаждающее поле
Упаду росой!“
Но ничто во всей природѣ
Не мечтаетъ о свободѣ,
И судьбѣ слѣпой
Все покорно — влага, пламень,
Птицы, звѣри, мертвый камень;
Только весь свой вѣкъ
О невѣдомомъ тоскуетъ
И на рабство негодуетъ
Гордый человекъ.
Но увы! лишь тѣ блаженны,
Сердцемъ чисты тѣ,

Кто безпечны и смиренны
 Въ дѣтской простотѣ.
 Насъ, глупцовъ, природа любитъ,
 И ласкаетъ, и голубитъ,
 Мы безъ думъ живемъ,
 Безъ борьбы, послушны року,
 Внизъ по вѣчному потоку,
 Какъ цвѣты, плывемъ.

II.

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
 Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя:
 То короны и митры сметаетъ, шутя,
 Всемогущая Смерть, пролетая.
 Смерть приходитъ къ шуту: „собирайся, Дуракъ,
 „Я возьму и тебя въ мою ношу,
 „И къ вѣнцамъ и тиарамъ твой пестрый колпакъ
 „Въ мою общую сумку я брошу“.
 Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ
 И колотить онъ Смерть погремушкой,
 По костлявому черепу бьетъ, что есть силь,
 И смѣется надъ бѣдной старушкой.
 Стонетъ жалобно Смерть: „ой, голубчикъ, постой!“
 Но герой нашъ уняться не хочетъ;
 Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ
 пустой,
 И кричитъ, и безумно хохочетъ:
 „Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
 „Жизнь, и солнце, и смѣхъ всей душою любя,

„Буду жить-поживать, припѣвая:

„Громъ побѣдъ отзвучить, красота отцвѣтеть,

„Но Дуракъ никогда и нигдѣ не умретъ, —

„Но безсмертна лишь глупость людская!“

Природа.

Ни зломъ, ни враждою кровавой
Донынѣ затмить не могли
Мы неба чертогъ величавый
И прелесть цвѣтущей земли.

Насъ прежнею лаской встрѣчаютъ
Долины, цвѣты и ручьи,
И звѣзды все такъ же сіяютъ,
О томъ же поютъ соловьи.

Не вѣдаетъ нашей кручины
Могучій, таинственный лѣсъ,
И нѣтъ ни единой морщины
На ясной лазури небесъ.

Нирвана.

И вновь, какъ въ первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ страданья,
Какъ будто въ сердцѣ нѣтъ грѣха.
Не надо мнѣ любви и славы:
Въ молчаньи утреннихъ полей
Дышу, какъ дышать эти травы...
Ни прошлыхъ, ни грядущихъ дней
Я не хочу пытаться и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастье — не мыслить,
Какая нѣга — не желать!

* * *

Если розы тихо осыпаются,
Если звѣзды меркнуть въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ,

Это смерть, — но безъ борьбы мучительной,
Это смерть, плѣняя красотой,
Объщаетъ отдыхъ упоительный, —
Лучшій даръ природы всеблагой.

У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать.

1883.

Усни.

Уснуть бы мнѣ навѣкъ, въ травѣ, какъ въ колыбели,
Какъ я ребенкомъ спалъ въ тѣ солнечные дни,
Когда въ лучахъ полуденныхъ звенѣли
Веселыхъ жаворонковъ трели
И пѣли мнѣ они:
„Усни, усни!“

И крылья пестрыхъ мухъ съ причудливой окраской
На вѣнчикахъ цвѣтовъ дрожали, какъ огни.
И шумъ деревъ казался чудной сказкой.
Мой сонъ лелѣя, съ тихой лаской
Баюкали они:
„Усни, усни!“

И убѣгая въ даль, какъ волны золотыя,
Давали мнѣ приютъ въ задумчивой тѣни,
Подъ кущей вербъ, поля мои родныя,
Склонивъ колосья наливные
Шептали мнѣ они:
„Усни, усни!“

1884.

Вечеръ.

(Посвящ. С. Я. Надсону.)

Горять и блещутъ съ вышины
Зарей рассыпанныя розы
На блѣдной зелени березы,
На темномъ бархатѣ сосны.
По красной глинѣ съ тощимъ мохомъ
Бреду я скользкою тропой;
Струится вечеръ надо мной
Благоуханнымъ, теплымъ вздохомъ.
Поникнувъ, дремлютъ тростники;
Сверкаетъ пѣнистой пучиной,
Разбито въ дребезги плотиной
Стекло прозрачное рѣки.
Колосья зрѣющаго хлѣба
Глядятъ съ обрыва на меня;
Тамъ колья ветхаго плетня
Чернѣютъ на лазури неба...
Ужъ пламень меркнушаго дня
Блѣднѣй, торжественнѣй и тише...
Онъ подымается все выше...

Погибшій день, ты былъ ничтоженъ
И пусть, и мелочно-тревоженъ;
За что жъ на тихій твой конецъ
Самой природою возложенъ
Такой блистательный вѣнецъ?

1884.

Весеннее чувство.

Съ улыбкою безстрастія
Ты жизнь благослови:
Не нужно намъ для счастья
Ни славы, ни любви,

Но почки благовонныя
Нужны, — и небеса,
И дымкой опушенные
Прозрачныя лѣса.

И пусть все будетъ молодо,
И зыбь волны, порой,
Какъ трепетное золото
Сверкаетъ чешуей,

Какъ въ дѣтствѣ, все невиданнымъ
Покажется тогда
И снова неожиданнымъ —
И небо, и вода

Надъ первыми цвѣточками
Жужжанье первыхъ пчель,

И съ клейкими листочками
Березы тонкій стволь.

Съ младенчества любезное,
Намъ дорого — пойми —
Одно лишь бесполезное,
Забытое людьми.

Вся мудрость въ томъ, чтобъ радостно
Во славу Богу пѣть.
Равно да будетъ сладостно
И жить, и умереть.

Мартъ.

Больной, усталый ледъ,
Больной и талый снѣгъ...
И все течетъ, течетъ...
Какъ весель вешній бѣгъ
Могучихъ, мутныхъ водъ!
И плачетъ дряхлый снѣгъ,
И умираетъ ледъ.
А воздухъ полонъ нѣгъ,
И колоколь поетъ.
Отъ стрѣлъ весны падетъ
Тюрьма свободныхъ рѣкъ,
Угрюмыхъ зимъ оплогъ, —
Больной и темный ледъ
Усталый, талый снѣгъ...
И колоколь поетъ,
Что живъ мой Богъ вовѣкъ,
Что Смерть сама умереть!

Ноябрь.

Блѣдный мѣсяць — на ущербѣ,
Воздухъ — звонокъ, мертвъ и чистъ,
И на голой, зябкой вербѣ
Шелестить увядшій листь,

Замерзаетъ, тяжелѣетъ
Въ безднѣ тихаго пруда,
И чернѣетъ, и густѣетъ
Неподвижная вода.

Блѣдный мѣсяць на ущербѣ
Умирающій лежитъ,
И на голой черной вербѣ
Лучъ холодный не дрожить.

Блещетъ небо, догорая,
Какъ волшебная земля,
Какъ потеряннаго рая
Недоступныя поля.

Осенью въ Лѣтнемъ саду.

Въ аллеѣ нѣжной и туманной,
Шурша осеннею листвою,
Дитя букетъ собираетъ странный,
Съ улыбкой жизни молодой...

Все ближе тѣнь октябрьской ночи,
Все ярче мертвенный букетъ,
Но радуетъ живыя очи
Увядшихъ листьевъ пышный цвѣтъ...

Чѣмъ блѣдный вечеръ неутѣшнѣй,
Тѣмъ смѣхъ ребенка веселѣй,
Подобенъ пѣнью птицы вешней
Въ холодномъ сумракѣ аллеи.

Находить въ увяданьи сладость
Его блаженная пора:
Ему паденье листьевъ — радость,
Ему и смерть еще — игра!..

Успокоенные.

Успокоенныя Тѣни,
Тѣ, что любящими были,
Бродятъ жалобной толпой
Тамъ, гдѣ вояны полны лѣни,
Тамъ, надъ урной мертвой пыли,
Тамъ, надъ Летою гробовой.

Успокоенныя Тучи,
Тѣ, что днемъ, въ дыханьи бури,
Были мракомъ и огнемъ, —
Тамъ, вдали, гдѣ лѣсъ дремучій,
Спятъ въ безжизненной лазури
Въ слабомъ отблескѣ ночномъ.

Успокоенныя Думы,
Тѣ, что прежде были страстью,
Возмущеньемъ и борьбой, —
Стали кротки и угрюмы,
Не стремятся больше къ счастью,
Полны мертвой тишиной.

Осенніе листьѧ.

Падайте, падайте, листьѧ осенніе,
Нѣкогда въ теплыхъ лучахъ зеленѣвшіе,
Легкіѧ дѣти весенніѧ,
Сладко шумѣвшія!..
Въ утреннемъ воздухѣ дымъ, —
Пахнетъ пожаромъ лѣснымъ,
Гарью осеннею.
Молча люблюсь на вашу красу,
Позднимъ лучемъ позлащенные!
Падайте, падайте, листьѧ осенніе...
Пѣсни поетъ похоронныѧ
Вѣтеръ въ лѣсу.
Тихихъ небесъ поблѣднѣвшая твердь
Дышитъ безсмертною радостью,
Сердце чаруетъ мнѣ смерть
Неизреченною сладостью.

МАТЬ.

Съ еще безсильными крылами
Я видѣлъ птенчика во ржи,
Межъ голубыми васильками,
У непротоптанной межи.

Надъ нимъ и надо мной витала,
Боялась мать — не за себя,
И отъ него не улетала,
Тоскуя, плача и любя.

Предъ этимъ маленькимъ твореньемъ
Я понялъ благодать Вышнихъ Силь,
И въ сердцѣ, съ тихимъ умиленьемъ,
Тебя, Любовь, благословилъ.

Сталь.

Гляжу съ улыбкой на обломокъ
Могучей стали, — и меня
Быть сильнымъ учишь ты, потомокъ
Воды, желѣза и огня!

Твоя краса — необычайна
О, темно-голубая сталь...
Твоя мерцающая тайна
Отраднa сердцу, какъ печаль.

А между тѣмъ твое сіянье
Нѣжнѣй, чѣмъ въ полѣ вешній цвѣтъ:
На немъ и дѣтскихъ устъ дыханье
Оставить можетъ легкій слѣдъ.

О, сердце! стали будь подобно —
Нѣжнѣй цвѣтовъ и тверже скаль, —
Возстань на силу черни злобной,
Прими таинственный закаль!

Не бойся ни врага, ни друга,
Ни мертвой скуки, ни борьбы,

Неуязвимо и упруго
Подъ страшнымъ молотомъ Судьбы.

Дерзай же, полное отваги,
Живую двойственность храня:
Безстрастный, мудрый холодъ влаги
И пыль мятежнаго огня.

На озерѣ Комо.

Кому страданіе знакомо,
Того ты сладко усыпишь,
Тому понятно будетъ, Комо,
Твоя безвѣтренная тишь.

И по водѣ, изъ церкви дальной,
Въ селеньи бѣдныхъ рыбаковъ,
Ave Maria — стонъ печальный,
Вечерній звонъ колоколовъ...

Здѣсь горы въ зелени пушистой
Уютно заслонили даль,
Чтобы волной своей тѣнистой
Ты убаюкало печаль.

И обѣщанье такъ прекрасно,
Такъ миль обманчивый привѣтъ,
Что вотъ опять я жду напрасно,
Чего, я знаю, въ мірѣ нѣтъ.

Помпея.

Надъ городомъ вѣка неслышно протекли,
И царства рушились; но пепломъ сохраненный,
Донинѣ онъ лежитъ, какъ трупъ непогребенный,
Среди безрадостной и выжженной земли.
Кругомъ — послѣдняго мгновенья ужась вѣчный, —
Въ низверженныхъ богахъ съ улыбкой ихъ безпечной,
Въ остаткахъ отъ одеждъ, отъ хлѣба и плодовъ,
Въ безмолвныхъ комнатахъ и опустѣлыхъ лавкахъ
И даже въ ларчикѣ съ флакономъ для духовъ,
Въ коробочкѣ румянъ, въ запястьяхъ и булавахъ;
Какъ будто бы вчера прорыть глубокой слѣдъ
Тяжелымъ колесомъ повозокъ нагруженныхъ,
Какъ будто мраморъ бань былъ только что согрѣтъ
Прикосновеньемъ тѣлъ, елеемъ умащенныхъ.
Воздушнѣе мечты — картины на стѣнѣ:
Тритонъ на водяномъ чешуйчатомъ конѣ,
И въ ризахъ вѣющихъ божественныя Музы.
Здѣсь все кругомъ полно могильной красоты
Не мертвой, не живой, но вѣчной, какъ Медузы
Окаменѣлыя отъ ужаса черты...

.

А въ голубыхъ волнахъ бѣлѣютъ паруса,
И дымъ Везувія, красою безмятежной,
Блестя на зарѣ, восходитъ въ небеса,
Подобно облаку, и розовый, и нѣжный...

1891 г.

СМѢХЪ БОГОВЪ.

Легокъ, свѣтель, какъ блаженный
Олимпійскій смѣхъ боговъ,
Многошумный, неизмѣнный
Смѣхъ безчисленныхъ валовъ!

Страшенъ былъ ихъ гимнъ побѣдный
Въ бурной тѣмѣ, когда по нимъ
Одиссей, скиталецъ бѣдный,
Мчался, ужасомъ томимъ.

И покрытый черной тиной,
Какъ обломокъ корабля,
Царь былъ выброшенъ пучиной,
Нелюдимая земля, —

На пески твоей пустыни,
И среди холодныхъ скалъ
Съ благодарностью Аѳинѣ
Онъ молитвы возсылалъ...

Въ Провидѣнье вѣры полный,
Ты не видишь, Одиссей,

Какъ смѣются эти волны
Надъ молитвою твоей.

Многошумный, неизмѣнный
Смѣхъ безчисленныхъ валовъ —
Легокъ, свѣтелъ, какъ блаженный
Олимпійскій смѣхъ боговъ.

На Черномъ морѣ.
1889 г.

Парөенонъ.

Мнѣ будетъ вѣчно дорогъ день,
Когда вступилъ я, Пропилеи,
Подъ вашу мраморную сѣнь,
Что пѣны волнъ морскихъ бѣлѣе,
Когда, священный Парөенонъ,
Я увидалъ въ лазури чистой
Впервые мраморъ золотистый
Твоихъ божественныхъ колоннъ,
Твой камень, солнцемъ весь облитый,
Прозрачный, теплый и живой,
Какъ тѣло юной Афродиты,
Рожденной пѣною морской.
Здѣсь было все душѣ родное,
И Саламинъ, и Геликонъ,
И это море голубое
Межъ бѣлыхъ, дѣвственныхъ колоннъ,
Съ тѣхъ поръ душѣ моей святыня,
О скудной Аттики земля,
Твоя печальная пустыня,
Твои сожженные поля!

Титаны.

(Къ мраморамъ пергамскаго жертвенника.)

Обида! Обида!
Мы — первые боги,
Мы — древнія дѣти
Праматери-Геи, —
Великой Земли!
Измѣною братьевъ,
Боговъ Олимпійцевъ,
Низринуты въ Тартаръ,
Отвыкли отъ солнца,
Оглохли, ослѣпли
Во мракѣ подземномъ,
Но все еще помнимъ
И любимъ лазурь.
Обуглены крылья,
И ногъ змѣвидныхъ
Раздавлены кольца,
Тройными цѣпями
Обвиты тѣла, —
Но все еще дышимъ,
И наше дыханье

Колеблетъ громаду
Дымящейся Этны,
И землю, и небо,
И храмы боговъ.
А боги смѣются,
Высоко надъ нами,
И люди страдаютъ,
И время летить.
Но здѣсь мы не дремлемъ:
Мы мщенье готовимъ,
И землю копаемъ,
И гложемъ, и роемъ
Когтями, зубами,
И нѣтъ намъ покоя,
И смерти намъ нѣтъ.
Источимъ, пророемъ
Глубокіе корни
Хребтовъ неподвижныхъ
И вырвемся къ солнцу, —
И боги воскликнуть,
Блѣднѣя, какъ воры:
„Титаны! Титаны!“
И выронять кубки,
И будетъ ужаснѣй
Громовъ Олимпійскихъ,
И землю разрушить
И небо — нашъ смѣхъ.

РИМЪ.

Кто тебя создалъ, о Римъ? Геній народной свободы!

Если бы смертный, навѣкъ выю подъ игомъ скло-
нивъ,

Въ сердцѣ своемъ потушилъ вѣчный огонь Прометея,

Если бы въ мѣрѣ вездѣ духъ человѣческой паль, —

Здѣсь возопили бы древняго Рима священные камни:

„Смертный, безсмертенъ твой духъ; равенъ бо-
гамъ человѣкъ!

Пантеонъ.

Путникъ съ печальнаго Сѣвера къ вамъ, Олимпійскіе
боги,

Сладостнымъ страхомъ объять, въ древній вхожу
Пантеонъ.

Духъ вашъ, о люди, лишь здѣсь спорить въ величьи
съ богами:

Гдѣ же безсмертные, гдѣ—Рима всемірный Олимпъ?
Нынѣ кругомъ запустѣніе, нынѣ царить въ Пантеонѣ
Древнему сонму боговъ чуждый, невѣдомый Богъ!
Вотъ Онъ, распятый, пронзенный гвоздями, въ коронѣ
терновой.

Мука — въ безкровномъ лицѣ, въ кроткихъ очахъ
Его — смерть.

Знаю, о боги блаженные, мука для васъ ненавистна.

Вы отвернулись, рукой очи въ смятеньи закрывъ.
Вы улетаеете прочь, Олимпійскія свѣтлыя тѣни!...

О, подождите, молю! Видите: это — мой Братъ,
Это — мой Богъ!... Передъ Нимъ я невольно скло-
няю колѣни!...

Радостно муку и смерть принялъ Благой за меня...

Вѣрю въ Тебя, о Господь, дай мнѣ отречься отъ жизни,
Дай мнѣ во имя любви вмѣстѣ съ Тобой умереть!...

Я оглянулся назадъ; солнце, открытое небо..
Льется изъ купола свѣтъ въ древній языческій храмъ.

Въ тихой лазури небесъ — нѣтъ ни мученья, ни смерти:

Сладокъ намъ солнечный свѣтъ, жизнь — драгоценнѣйшій даръ!...

Гдѣ же ты, истина?... Въ смерти, въ небесной любви и страданьяхъ,

Или, о тѣни боговъ, въ вашей земной красотѣ? Спорять въ душѣ чловѣка, какъ въ этомъ божественномъ храмѣ, —

Вѣчная радость и жизнь, вѣчная тайна и смерть.

Римъ.
1891 г.

Будущій Римъ.

Римъ — это міра единство: въ республикѣ древней — свободы

Строгій языческій духъ объединялъ племена.

Пала свобода, — и мудрые Кесари вѣчному Риму

Мыслью о благѣ людей вновь покорили весь міръ.

Паль императорскій Римъ, и во имя Всевышняго
Бога

Въ храмѣ великомъ Петра весь человѣческій родъ
Церковь хотѣла собрать. Но, вслѣдъ за языческимъ
Римомъ,

Римъ христіанскій погибъ: вѣра потухла въ сердцахъ.

Нынѣ въ развалинахъ древнихъ мы, полные скорби,
блуждаемъ.

О, неужель не найдемъ вѣры такой, чтобы вновь
Объединить на землѣ всѣ племена и народы?

Гдѣ ты, невѣдомый Богъ, гдѣ ты, о будущій
Римъ?

1891 г.

* * *

Такъ жизнь ничтожествомъ страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только безконечной скукой
И тихимъ ужасомъ полна,
Что кажется — я не живу,
И сердце перестало биться,
И это только наяву
Мнѣ все одно и то же снится.
И если тамъ, гдѣ буду я,
Господь меня, какъ здѣсь, накажетъ —
То будетъ смерть, какъ жизнь моя,
И смерть мнѣ новаго не скажетъ.

Двойная бездна.

Не плачь о неземной отчизнѣ,
И помни, — болѣе того,
Что есть въ твоей мгновенной жизни,
Не будетъ въ смерти ничего.

И жизнь, какъ смерть необычайна...
Есть въ мірѣ здѣшнемъ — мірѣ иной.
Есть ужасъ тотъ же, та же тайна —
И въ свѣтѣ дня, какъ въ тьмѣ ночной.

И смерть и жизнь — родныя бездны:
Онѣ подобны и равны,
Другъ другу чужды и любезны,
Одна въ другой отражены.

Одна другую углубляетъ,
Какъ зеркало, а человѣкъ
Ихъ соединяетъ, раздѣляетъ
Своею волею навѣкъ.

И зло, и благо, — тайна гроба.
И тайна жизни — два пути —
Ведутъ къ единой цѣли оба.
И все равно, куда идти.

Будь мудръ, — иного нѣтъ исхода.
Кто цѣпь послѣднюю расторгъ,
Тотъ знаетъ, что въ цѣпяхъ свобода,
И что въ мученіи — восторгъ.

Ты самъ — свой Богъ, ты самъ свой ближній,
О, будь же собственнымъ Творцомъ,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своимъ началомъ и концомъ.

* * *

О, если бы душа полна была любовью,
Какъ Богъ мой на крестѣ — я умеръ бы любя.
Но ближнихъ не люблю, какъ не люблю себя,
И все таки порой исходить сердце кровью.

О, мой Отецъ, о, мой Господь,
Жалѣю всѣхъ живыхъ въ ихъ слабости и силѣ,
Въ блаженствѣ и скорбяхъ, въ рожденьи и могилѣ.
Жалѣю всякую страдающую плоть.

И кажется порой — у всѣхъ одна душа,
Она зоветъ Тебя, зоветъ и умираетъ,
И бредитъ въ шелестѣ ночного камыша,
Въ глазахъ больныхъ дѣтей, въ огняхъ зарницъ сіяетъ.

Душа моя и Ты — съ Тобою мы одни.
И смертною тоской и ужасомъ объятый,
Какъ нѣкогда съ креста Твой Первенецъ Распятый,
Міръ вопіеть: Ламма! Ламма! Савахѣани.

Душа моя и Ты — съ Тобой одни мы оба,
Всегда лицомъ къ лицу, о, мой послѣдній Врагъ.

Къ Тебѣ мой каждый вздохъ, къ Тебѣ мой каж-
дый шагъ
Въ мгновенномъ блескѣ дня и въ вѣчной тайнѣ гроба,

И въ буйномъ ропотѣ Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я — одно и то же,
И вопію къ Тебѣ, какъ сынъ твой: Боже, Боже,
За что оставилъ Ты меня?

ДѢТСКОЕ СЕРДЦЕ.

Я помню, какъ въ дѣтствѣ неожиданную сладость
Я въ горечи слезъ находилъ иногда,
И странную нѣгу, и новую радость —
Въ мученьи послѣднихъ обидъ и стыда.

Въ постели я плакалъ, припавъ къ изголовью;
И было прощеніемъ сердце полно,
Но все жъ не людей, — безконечной любовью
Я Бога любилъ и себя, какъ одно.

И словно незримый слеталъ утѣшитель,
И съ ласкою тихой склонялся ко мнѣ;
Не зналъ я, то мать или ангель-хранитель,
Ему я, какъ ей, улыбался во снѣ.

Въ послѣдней обидѣ, въ предсмертной пустынѣ,
Когда и въ тебѣ измѣняетъ мнѣ все,
Не ту же ли сладость находить и нынѣ
Покорное, дѣтское сердце мое?

Безумье иль мудрость, — не знаю, но чаще,
Все чаще той сладостью сердце полно,
И такъ, — что чѣмъ сердцу больнѣе, тѣмъ слаще,
И Бога люблю и себя, какъ одно.

16 августа 1900 г.

Трубный глась.

Подъ землю слышенъ ропоть,
Тихій шелестъ, шорохъ, шопоть.
Слышенъ въ небѣ трубный глась:
— Братъ, вставай же, будячь насъ.
— Нѣтъ, темно еще повсюду,
Спать хочу и спать я буду,
Не мѣшай же мнѣ, молчи,
Въ стѣну гроба не стучи.
— Не заснешь теперь, ужъ поздно.
Зовъ раздался слишкомъ грозно,
И встають вблизи, вдали,
Изъ развершейся земли,
Какъ изъ матерней утробы,
Мертвецы, покинувъ гробы.
— Не могу и не хочу,
Я закрылъ глаза, молчу,
Не повѣрю я обману,
Я не встану, я не встану.
Братъ, мнѣ стыдно — весь я пыль,
Пыль и тлѣнь, и смрадъ, и гниль.

— Братъ, мы Бога не обманемъ,
Всѣ проснемся, всѣ мы встанемъ,
Всѣ пойдемъ на Страшный судъ.
Вотъ, престолъ уже несутъ
Херувимы, серафимы.
Вотъ нашъ царь доиносимый.
О, вставай же, — радъ не радъ,
Все равно, ты встанешь, братъ.

МОЛИТВА О КРЫЛЬЯХЪ.

Ницъ простертыя, унылыя,
Безнадежныя, безкрылыя,
Въ покаяніи, въ слезахъ, —
Мы лежимъ во прахъ прахъ,
Мы не смѣемъ, не желаемъ,
И не вѣримъ, и не знаемъ,
И не любимъ ничего.
Боже, дай намъ избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О спаси насъ отъ безсилья,
Дай намъ крылья, дай намъ крылья,
Крылья духа Твоего!

Веселыя думы.

Безъ вѣры давно, безъ надеждъ, безъ любви,
О странно веселыя думы мои!

Во мракѣ и сырости старыхъ садовъ —
Унылая яркость послѣднихъ цвѣтовъ.

Легенды и поэмы.

Леда.

I.

„Я — Леда, я — бѣлая Леда, я — мать красоты.
Я сонныя воды люблю и ночные цвѣты.

Каждый вечеръ, жена соблазненная,
Я ложусь у пруда, тамъ, гдѣ пахнетъ водой, —

Въ душиной тьмѣ грозовой,
Вся преступная, вся обнаженная, —
Тамъ, гдѣ сырость, и нѣга, и зной,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой и купавами,
Влажными, блѣдными травами,
И таинственнымъ иломъ въ пруду, —
Тамъ я жду.

Вся преступная, вся обнаженная,
Изнеможенная,

Въ сырость теплую, въ мягкія травы ложусь
И горю, и томлюсь.
Въ душиной тьмѣ грозовой,
Тамъ, гдѣ пахнетъ водой,
Жду — и въ страстномъ безсиліи,

Я блѣднѣе, прозрачнѣе сломанной лиліи.
Тамъ я жду, а въ пруду только звѣзды блестать,
И въ тиши камыши шелестятъ, шелестятъ“.

II.

„Вотъ и крикъ, и шумъ пронзительный,
 Словно плескъ могучихъ рукъ:
 Это — Лебедь ослѣпительный,
 Бѣлый Лебедь — мой супругъ!
 Съ грозной нѣжностью змѣиною,
 Онъ, обвивъ меня, ласкалъ
 Тонкой шеей лебединою, —
 Влажныхъ губъ моихъ искалъ...
 Крылья воду бьютъ,
 Грозенъ темный прудъ, —
 На спинѣ его щетиною
 Перья блѣдныя встаютъ, —
 Такъ онъ гордъ своей побѣдою.
 Гдѣ я, что со мной — не вѣдаю:
 Это — смерть, но не боюсь,
 Вся блѣднѣя,
 Страстно млѣя,
 Какъ въ ночной грозѣ лилея,
 Ласкамъ бога предаюсь:
 Гдѣ я, что со мной, — не вѣдаю“.
 Все покрыто тьмой,
 Только надъ водой —
 Бѣлый Лебедь съ бѣлой Ледою.

III.

И вотъ рождается Елена.
 Съ невинной прелестью лица,
 Но еся — коварство, вся — измѣна,

Бѣлѣ, чѣмъ морская пѣна, —
Изъ лебединаго яйца.
И слышенъ вопль Гекубы въ Троѣ
И Андромахи вѣчный стонъ,
Сразились боги и герои,
И палъ священный Иліонъ.
А ты, Елена, клятвы мира
И долгъ нарушивъ, — ты чиста.
Тебя прославить пѣснь Омира,
Затѣмъ что вся надежда міра
Дочь бѣлой Леды — Красота.

Маркъ Аврелій.

Вѣка, разрушившіе Римъ,
Тебя не тронувъ, пролетѣли
Надъ изваяніемъ твоимъ,
Безсмертный Маркъ Аврелій!

Въ благословенной тишинѣ
Донынѣ ты, какъ триумфаторъ,
Сидишь на бронзовомъ конѣ,
Философъ-императоръ.

И въ складкахъ падаетъ съ плеча
Простая риза, не порфира.
И нѣтъ въ рукѣ его меча,
Онъ — провозвѣстникъ мира.

Невозмутимъ его покой,
И все въ немъ просто и велико.
Но вѣтъ грустью неземной
Отъ царственного лика.

Въ тяжелый вѣкъ онъ жилъ, какъ мы,
Онъ жилъ во дни борьбы мятежной,

И надвигающейейся тьмы,
И грусти безнадежной.

Онъ зналъ: погибнетъ Римъ отцовъ.
Но предъ толпой не лицемѣрилъ.
Чѣмъ меньше вѣрилъ онъ въ боговъ,
Тѣмъ больше въ правду вѣрилъ.

Владѣя міромъ, никого
Онъ даже словомъ не обидѣлъ,
За Римъ, не вѣря въ торжество,
Онъ умеръ и предвидѣлъ,

Что Риму не воскреснуть вновь,
Но отдалъ все, что было въ жизни —
Свою послѣднюю любовь,
Послѣдній вздохъ отчизнѣ.

Въ душѣ правдивой и простой,
Навѣки чуждой ослѣпленья,
Была не вѣра, а покой
Великаго смиренья.

Онъ, исполняя долгъ, страдалъ
Безъ вдохновенья, безъ отрады,
И за добро не ожидалъ
И не хотѣлъ награды.

Теперь стоитъ онъ, одинокъ,
Подъ голубыми небесами
На Капитоліи, какъ богъ,
И ясными очами

Глядитъ на будущее, въ даль:
Онъ сбросилъ дольней жизни тягость.
Въ лицѣ — спокойная печаль
И неземная благодать.

Будда.

I.

Онъ лежитъ подъ навѣсомъ пурпурнаго ложа
 Въ блѣдно-розовомъ свѣтѣ вечернихъ огней;
 Молодого чела золотистая кожа
 Оттѣняется мракомъ глубокихъ очей.
 Смотритъ Будда, какъ дѣвы проносятся въ пляскѣ
 И вино изъ кувшиновъ серебряныхъ льютъ;
 Вызывающій взоръ — полонъ огненной ласки;
 Ударяя въ тимпанъ, баядеры поютъ.
 И зовутъ онѣ къ радостямъ нѣги безпечной
 Тѣхъ, кто молодъ, прекрасенъ, могучъ и богатъ.
 Но, какъ звонъ погребальный, какъ стонъ беско-
 нечный,
 Переливы тимпановъ для Будды звучать:

„Все стремится къ разрушенью —
 „Всѣ міры и всѣ вѣка,
 „Словно близится къ паденью
 „Необъятная рѣка.
 „Все живое смерть погубить,
 „Все, что мило, — смерть возьметъ.

„Кто любилъ тебя — разлюбить,
 „Радость призракомъ мелькнетъ.
 „Нѣтъ спасенья! Слава, счастье,
 „И любовь, и красота —
 „Исчезаютъ, какъ въ ненастье
 „Яркой радуги цвѣта.
 „Духъ безумно къ небу рвется,
 „Плоть прикована къ землѣ:
 „Какъ пчела — въ сосудѣ, бьется
 „Человѣкъ въ глубокой мглѣ!“

II.

Передъ ложемъ царя баядеры плясали;
 Но для Будды звучалъ тотъ же грустный напѣвъъ
 Въ этихъ гимнахъ, что жизнь и любовь прославляли,
 Въ тихой музыкѣ струнъ, въ нѣжномъ голосѣ дѣвъ:

„Въ цвѣтѣ жизни, въ блескѣ счастья
 „Вкругъ тебя — толпы друзей.
 „Сколько мнимаго участья,
 „Сколько ласковыхъ рѣчей!
 „Но дохнетъ лишь старость злая,
 „Розы юности губя,
 „И друзья, какъ волчья стая,
 „Къ новой жертвѣ убѣгая,
 „Отшатнутся отъ тебя.
 „Ты, отверженный богами,
 „Будешь нищъ и одинокъ,
 „Какъ покинутый стадами
 „Солнцемъ выжженный потокъ.

„Словно дерево въ пустынь,
 „Опаленное грозой,
 „Въ поздней, старческой кручинѣ
 „Ты поникнешь головой.
 „И погрязнешь ты въ заботѣ,
 „Въ тинѣ мелочныхъ обидъ,
 „Словно дряхлый слонъ въ болотѣ,
 „Всѣми брошенъ и забытъ.
 „Что намъ дѣлать? Страсти, горе
 „Губятъ тысячи людей,
 „Какъ пожаръ — траву степей,
 „И печаль растеть, какъ море!
 „Что намъ дѣлать? Меркнетъ умъ,
 „И толпимся мы безъ цѣли —
 „Такъ испуганныхъ газелей
 „Гонить огненный самумъ!“

III.

Баядеры поютъ про надежды и счастье,
 Но напрасно тимпаны и лютни гремятъ;
 Какъ рыдающій вѣтеръ въ ночное ненастье,
 Пѣсни, полная жизни, для Будды звучать:

„Близокъ страшный день возмездья:
 „Задрожитъ земля и твердь,
 „И потушитъ всѣ созвѣзды
 „Торжествующая смерть.
 „Миръ исчезнетъ, какъ зарница
 „Въ полуночныхъ небесахъ;
 „Все, что есть, намъ только снится,

„Вся природа — дымъ и прахъ!
„Наши радости — мгновенны,
„Какъ обманчивые сны,
„Какъ въ пучинѣ брызги пѣны,
„Какъ надъ моремъ блескъ луны.
„Всѣ желанія, какъ сѣти,
„Какъ свѣча для мотыльковъ:
„Мы кидаемся, какъ дѣти,
„За видѣньемъ лживыхъ сновъ.
„Страсти, нѣга, наслажденья —
„Никому и никогда
„Не приносятъ утоленья,
„Какъ соленая вода...
„Что намъ дѣлать? Гдѣ спаситель?
„Какъ защитника найти?
„Бодизатва-Утѣшитель!
„Пробиль часъ, — пора идти!
„Въ этотъ пламень необъятный
„Мукъ, желаній и страстей
„Ты, какъ ливень благодатный,
„Слезы жалости пролей!...“
• • • • •

ІОВЪ.

I.

...И непорочнаго Іова струпьями лютой проказы
Богъ поразилъ отъ подошвы ноги и по самое темя.
Іовъ сидѣлъ далеко за оградой селенья на пеплѣ.
Острую взялъ онъ себѣ черепицу скоблить свои
раны.

Молвить жена ему: „Все еще твердъ ты въ своемъ
благочестьи?

Встань и Творца похули, чтобъ тебѣ умереть“. Но
смиренно

Іовъ женѣ отвѣчаетъ: „Я доброе принялъ отъ Бога.
„Должно и злое принять: да исполнится воля Го-
сподня!“

Мудрый Софаръ, Елифазъ изъ Темани, Валдатъ изъ
Савхеи

Вмѣстѣ сошлись, чтобы сѣтовать съ нимъ, утѣшая
страдальца.

Очи поднявъ, издали не узнали несчастнаго друга.
Жалобный голосъ возвысили, ризы свои разодрали,
Стали рыдать, неутѣшные, пыль надъ главами бросая.
Съ Іовомъ рядомъ семь дней и ночей просидѣли въ
молчаньи:

Слова никто не сказалъ, оттого что страданіе было Слишкомъ велико. И первый открылъ онъ уста и промолвилъ:

II.

Іовъ.

Да будетъ проклятымъ навѣкъ
Тотъ день, какъ я рожденъ для смерти и печали,
Да будетъ проклятой и ночь, когда сказали:

„Зачался человѣкъ“.

Теперь я плачу и тоскую:

Зачѣмъ сосалъ я грудь родную,
Зачѣмъ не умеръ я: лежалъ бы въ тишинѣ,
Дремалъ — и было бы спокойно мнѣ.

И почивалъ бы я съ великими царями,
Съ могучими владыками земли, —
Побѣдоносными вождями,
Что войны нѣкогда вели,

Копили золото и строили чертоги...

Я былъ бы тамъ, гдѣ нѣтъ тревоги,
Гдѣ больше нѣтъ вражды земной,
Гдѣ равень малому великій,
Вкушаютъ узники покой,

И рабъ свободенъ отъ владыки.

На что мнѣ жизнь, на что мнѣ свѣтъ?

Какъ знойнымъ полднемъ изнуренный,

Тоскуя, тѣни ждетъ работникъ утомленный,

Я смерти жду, — а смерти нѣтъ.

О, если бъ на меня простеръ Ты, Боже, руку

И больше страхомъ не томилъ, —

Чтобъ кончить сразу жизнь и муку,

Однимъ ударомъ поразилъ.

Елифазъ.

Ужель ты праведнѣй Отца вселенной,
 Ужель на судъ Его зовешь?
 Зачѣмъ же съ рѣчью дерзновенной
 Ты противъ Бога возстаешь?
 Безумецъ тотъ, кто не склоняетъ
 Во прахъ главы передъ Творцомъ.

Когда и небеса нечисты предъ лицомъ
 Всевышняго, когда не довѣряетъ
 Онъ даже ангеламъ Своимъ, —
 То какъ же чистымъ быть предъ Нимъ
 Тому, кто рвется на свободу,
 Въ темницу плоти заключенъ,
 Тому, кто женщиной рожденъ
 И беззаконье пьетъ, какъ воду?

Іовъ.

О да, надъ бездной Богъ грядетъ,
 Столпы земли передвигаетъ,
 Печать на звѣзды налагаетъ,
 Прикажетъ — солнце не взойдетъ.
 Онъ пронесется, — не замѣчу,
 Захочетъ взять, — кто запретить?
 Онъ спросить, — какъ Ему отвѣчу?
 Накажетъ, — кто меня простить?
 Предъ взоромъ мудрости Господней
 Открыты тайны преисподней,
 И херувимы, падши ницъ,
 Не открывая въ страхъ лицъ,

Трепещуть у Его подножья,
 И полонъ міръ Его чудесь,
 И все величіе небесъ —
 Отъ дуновенья Духа Божья.
 Живъ мой Создатель, живъ Господь,
 Мой Богъ, суда меня лишившій,
 Мнѣ душу скорбью омрачившій;
 Его нельзя мнѣ побороть.
 Но пусть страдаю, неутѣшный, —
 Я вашей лжи не потерплю,
 И правоты моей безгрѣшной,
 Пока я живъ, не уступлю.

Голодныхъ я кормилъ, я утолялъ печали,
 Я утѣшалъ больныхъ, для сиротъ былъ отецъ,
 И чресла бѣдняковъ меня благословляли,

Согрѣтыя руномъ моихъ овецъ.

За щедрость въ дни былые славилъ
 По всей землѣ меня народъ.
 Въ тѣни вечерней у воротъ
 Мое сѣдалище я ставилъ.

И юноши ко мнѣ, и старцы, приходя,
 Въ благоговѣнїи молчали,
 И словъ моихъ смиренно ждали,
 Какъ благодатнаго дождя.
 За что же нынѣ я въ позорѣ,
 Людьюми отвергнутый, живу,
 Не знаю, гдѣ въ слезахъ и горѣ
 Склонить бездомную главу?

Въ пыли, со струпьями на почернѣлой кожѣ,
 Сижу и думаю: меня утѣшитъ ложе.
 Но Богъ видѣньями пугаетъ и во снѣ.

И ночью холодно въ разодранныхъ одеждахъ,
 Во мнѣ страдаетъ духъ, и плоть болитъ на
 мнѣ,

Тѣнь смерти — на усталыхъ вѣждахъ.
 И все-таки я правъ, я чистъ передъ Тобой,
 Не вѣдаю, Господь, за что терплю мученье.
 Земля, ты кровь мою невинную не скрой, —
 Да вопіетъ она о мщеньи!

Валдатъ.

Скажи, ты видѣлъ ли, чтобъ Богъ вознагра-
 ждалъ

Людей жестокихъ и лукавыхъ,
 Чтобъ Онъ поддерживалъ неправыхъ
 И непорочныхъ отвергалъ?
 О нѣтъ, — въ шатрѣ у беззаконныхъ
 Померкнетъ радостный очагъ,
 Онъ возстановитъ угнетенныхъ,
 И будетъ къ праведному благъ,
 И судъ рабамъ своимъ даруетъ.
 Но кары Божьей не минуетъ
 Творящій темныя дѣла:
 Когда въ бронѣ онъ бесполезной
 Уйдетъ отъ палицы желѣзной,
 Настигнетъ мѣдная стрѣла!
 За грѣхъ твой скорбь вошла въ обитель,
 И за вину твоихъ дѣтей
 Рукою любящей Своей
 Тебя караетъ Вседержитель.
 Терпи, смирайся и молчи.

Иовъ.

Всѣ утѣшенія напрасны,
 О бесполезные врачи!
 Шатры злодѣевъ — безопасны,
 Дома грабителей полны
 Благословенной тишины.

Я знаю: правдѣ нѣтъ, и все жъ о ней тоскую,
 Безъ правды жить я не хочу,
 Лишь только вспомню, — негодую
 И содрогаюсь и ропщу.

Не буду я молчать, не буду покоряться,
 Невиненъ я, — и пусть меня накажетъ Богъ.

О, еслибъ съ Нимъ я только могъ,
 Какъ равный съ равнымъ состязаться!
 Но нѣтъ возмездья, нѣтъ суда.
 Ужель Онъ праведныхъ не любитъ,
 И злыхъ, и добрыхъ вмѣстѣ губить?

Зачѣмъ, о Господи, не вѣдаетъ труда
 И богатѣетъ нечестивый?

Зачѣмъ обильный плодъ ему приносятъ нивы,
 И множатся въ поляхъ его стада?

Зачѣмъ преступные живутъ среди веселій,
 Пируютъ, смерти не боясь?
 Ихъ дѣти прыгаютъ, смѣясь,
 Подъ звукъ тимпана и свирѣли?
 Господь забылъ Своихъ рабовъ,
 Онъ не поможетъ угнетеннымъ.
 Онъ не утѣшитъ бѣдняковъ, —
 Онъ землю отдалъ беззаконнымъ.
 И отторгаютъ отъ сосцовъ

Младенцевъ плачущихъ, живутъ подъ кровомъ неба
Нагіе безъ одеждъ, голодные безъ хлѣба.

Межъ тѣмъ, какъ долженъ быть злодѣй
Соломенкой, Господь, въ живой рукѣ Твоей,
Былинкой, вѣтромъ уносимой,—
Онъ жизнь кончаетъ невредимый.

„Его потомству Богъ возмездье бережетъ“, —
Такъ кто-нибудь изъ васъ мнѣ скажетъ.

Но пусть и самъ злодѣй отъ мести Божьей пьетъ,
Пускай Господь самихъ грабителей накажетъ,

А до дѣтей и до грядущихъ бѣдъ
Имъ послѣ смерти — дѣла нѣтъ.
Скопилось въ мірѣ слишкомъ много
Неотомщаемыхъ обидъ, —
И это видятъ очи Бога,
Онъ это терпитъ и молчитъ!

Софаръ.

Не говори, что Богъ несправедливъ,
Но люди Вѣчнаго постигнуть не умѣютъ.
Лишь сердцемъ мудрые, гордыню укротивъ,

Предъ Нимъ благоговѣютъ, —
Затѣмъ, что святъ Его законъ,
И въ сонмѣ ангеловъ небесныхъ
Онъ страшнымъ для очей тѣлесныхъ
Великолѣпьемъ окруженъ.

И если бъ отнялъ Онъ на мигъ Свое дыханье,
И сердце обратилъ къ Себѣ Господь,
Погибъ бы человѣкъ и всякое созданье,
И возвратилась бы во прахъ живая плоть

Ты самъ избралъ свою дорогу:
 На бремя жизни не ропщи.
 Будь добрымъ для себя, не угождая Богу,
 И за добро свое награды не ищи.
 Мы по землѣ пройдемъ, какъ тѣни,
 Учись у древнихъ мудрецовъ,
 Учись у прошлыхъ поколѣній,
 У нашихъ дѣдовъ и отцовъ.
 А мы — вчерашніе и ничего не знаемъ,
 Во всемъ ничтожные — во благѣ и во злѣ,
 Мы, не достигнувъ на землѣ
 Ни мудрости, ни счастья, — умираемъ.

Іовъ.

О, если бъ могъ судьбой я помѣняться съ вами,
 Не такъ же ли, какъ вы, главой бы я киваль,
 Старался бы помочь въ страданіяхъ словами,
 Движеньемъ губъ васъ утѣшалъ.
 Но тотъ, чье сердце въ счастья дремлетъ,
 Понять чужую скорбь не можетъ никогда.
 Кричу: обида! Богъ не внемлетъ,
 Я вопію, — и нѣтъ суда.
 И что мы — для Него? Зачѣмъ подстерегаетъ,
 Зачѣмъ испытываетъ насъ
 Онъ каждый день и каждый часъ,
 И мститъ, и горечью намъ душу пресыщаетъ?
 Не Ты ль образовалъ, скрѣпилъ костями плоть,
 И жизнь не Самъ ли Ты вдохнулъ въ меня, Господь,
 Не Ты ли надо мной трудился, какъ ваятель?
 За что невиннаго губить?

Ужели хочешь истребить
 Ты дѣло рукъ Твоихъ, Создатель?
 И въ нескончаемой борьбѣ

Зачѣмъ меня врагомъ поставилъ ты Себѣ?
 Кого преслѣдуешь? Какъ ураганъ — пылинку,
 Меня похитить смерть. Я слабъ и одинокъ.
 Не гонишь ли, Господь, Ты сорванный листокъ,
 Не сокрушаешь ли увядшую былинку?
 Кто знаетъ, доживу ль до завтрашняго дня.
 Вотъ скоро я умру, — поищешь, — нѣтъ меня.
 Уйду — и не вернусь — въ страну могильной
 сѣни,

Въ страну безмолвія и ужаса, и тѣни.
 Когда могучій стволъ повалить дровосѣкъ,
 Еще надежда есть, что вновь зазеленѣтъ
 Полуизсохшій пень и дастъ живой побѣгъ,
 Какъ только брызнетъ дождь и сыростью по-
 вѣтъ;

А если человѣкъ съ лица земли исчезъ, —
 Онъ не вернется вновь, изъ гроба не восприя-
 нетъ,

Во прахѣ ляжетъ и не встанетъ
 Онъ до скончанія небесъ.
 О, если у Тебя — могущество и благодать,
 Господь, что значить грѣхъ людей,
 Зачѣмъ бы не простить и осужденій тягость
 Не снять съ души моей?

Отвѣтъ же, выслушай, Владыка, оправданье,
 Иль лучше — нѣтъ, оставь, оставь меня, забудь,
 Чтобъ мнѣ опомниться, перевести дыханье,
 Не мучай, отступи и дай мнѣ отдохнуть!

III.

Смертному Богъ отвѣчалъ несказаннымъ глаголомъ
изъ бури.

Иовъ лежалъ предъ лицомъ Иеговы во прахѣ и
пеплѣ:

„Вотъ я ничтоженъ, о Господи! Мнѣ ли съ Тобою
бороться?

„Руку мою на уста полагаю, умолкнувъ навѣки“.

Но прстивъ воли, межъ тѣмъ какъ лежалъ онъ во
прахѣ и пеплѣ, —

Ненасыщенное правдою сердце его возмущалось.

Богъ возвратилъ ему прежнее счастье, богатство
умножилъ.

Новыя дѣти на праздникѣ свѣтломъ опять пи-
ривали.

Овцы, быки и верблюды въ долинахъ паслись без-
мятежныхъ.

Умеръ онъ въ старости, долгими днями внолнѣ на-
сыщенный,

И до колѣна четвертаго внуковъ и правнуковъ
видѣлъ.

Только въ морщинахъ лица его вѣчная дума таилась,
Только и въ радости взоръ омраченъ былъ невѣдо-
мой скорбью.

Тщетно за всѣхъ угнетенныхъ алкала душа его
правды, —

Правды Господь никому никогда на землѣ не
откроетъ.

Леонардо да Винчи.

О Винчи, ты во всемъ — единый:
Ты побѣдилъ старинный плѣнь.
Какою мудростью змѣиной
Твой страшный ликъ запечатлѣнь!

Уже, какъ мы, разнообразный,
Сомнѣняемъ дерзкимъ ты великъ,
Ты въ глубочайшіе соблазны
Всего, что двойственно, проникъ.

И у тебя во мглѣ иконы
Съ улыбкой Сфинкса смотрять вдаль
Полуязыческія жены, —
И не безгрѣшна ихъ печаль.

Пророкъ, иль демонъ, иль кудесникъ,
Загадку вѣчную храня,
О Леонардо, ты — предвѣстникъ
Еще невѣдомаго дня.

Смотрите вы, больныя дѣти
Больныхъ и сумрачныхъ вѣковъ:

Во мракъ будущихъ столѣтій
Онъ, непонятенъ и суровъ, —

Ко всѣмъ земнымъ страстямъ безстрастный,
Такимъ останется навѣкъ —
Боговъ презрѣвшій, самовластный,
Богopodobный человѣкъ.

Микель-Анжело.

Тебѣ навѣки сердце благодарно,
Съ тѣхъ поръ, какъ я, раздуміемъ томимъ,
Бродилъ у волнъ мутно-зеленыхъ Арно,

По галереямъ сумрачнымъ твоимъ,
Флоренція! И статуи нѣмыя
За мной слѣдили: подходилъ я къ нимъ

Благоговѣнно. Стѣны вѣковыя
Твоихъ дворцовъ объаты были сномъ,
А мраморные люди, какъ живые,

Стояли въ нишахъ каменныхъ кругомъ:
Здѣсь былъ Челлини, полный жаж дой славы,
Боккачю съ привѣтливымъ лицомъ,

Макіавели, другъ царей лукавый,
И нѣжная Петрарки голова,
И выходецъ изъ Ада величавый,

И тотъ, кого прославила молва,
Не разгадавъ, — да-Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древняго волхва

Похожій и во всемъ необычайный.
Какъ счастливъ былъ, храня смущенный видъ,
Я — гость межъ ними, робкій и случайный.

И, попирая пыль священныхъ плитъ,
Какъ юноша, исполненный тревоги,
На мудраго наставника глядитъ, —

Такъ я глядѣлъ на нихъ: и были строги
Ихъ лица блѣдныя, и предо мной,
Великіе, безстрастные, какъ боги,

Они сіяли вѣчной красотой.
Но больше всѣхъ межъ древними мужами
Я возлюбилъ того, кто головой

Поникъ на грудь, подавленный мечтами,
И опытный въ добръ, какъ и во злѣ,
Взиралъ на міръ усталыми очами:

Напечатлѣла дума на челѣ
Такую скорбь и отвращенье къ жизни,
Какихъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ на землѣ

Я никогда, и къ собственной отчизнѣ
Презрѣнье было горькое въ устахъ,
Подобное печальной укоризнѣ.

И я замѣтилъ въ жилистыхъ рукахъ,
Въ уродливыхъ морщинахъ, въ поворотѣ
Широкихъ плечъ, въ нахмуренныхъ бровяхъ —

Твое упорство вѣчное въ работѣ,
Твой гнѣвъ, создатель Страшнаго Суда,
Твой беспощадный духъ, Буонаротти.

И скукою безцѣльнаго труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушалъ покоя никогда.

Усиьемъ тяжкимъ воли напряженной
За міромъ міръ ты создавалъ, какъ Богъ,
Мучительными снами удрученный,

Нетерпѣливъ, угрюмъ и одинокъ.
Но въ исполинскихъ глыбахъ изваяній,
Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ

Осуществить чудовищныхъ мечтаній
И, красоту безмѣрную любя,
Порой не успѣвалъ кончать созданій.

Упорный камень молотомъ дробя,
Испытывалъ лишь ярость, утоленья
Не зналъ во-вѣкъ, — и были у тебя

Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
Являютъ намъ могучія творенья

Страданій человѣческихъ предѣль.
Одной судьбы ты понялъ неизбежность
Для злыхъ и добрыхъ: плодъ великихъ дѣлъ —

Ты чувствовалъ покой и безнадежность.
И проклиая, падая къ ногамъ Христа,
Земной любви обманчивую нѣжность,

Искусство проклиая, но, пока уста,
Безъ вѣры, Бога въ мукахъ призывали, —
Душа была угрюма и пуста.

И Богъ не утолилъ твоей печали,
И отъ людей спасенья ты не ждалъ:
Уста навѣкъ съ презрѣньемъ замолчали.

Ты больше не молился, не ропталъ,
Ожесточенъ въ страданьи одинокомъ,
Ты, ни во что не вѣря, погибалъ;

И вотъ стоишь, непобѣдимый рокомъ,
Ты предо мной, склоняя гордый ликъ,
Въ отчаяньи спокойномъ и глубокомъ,

Какъ демонъ безобразенъ — и великъ.

Франческа Римини.

Порой чета голубокъ надъ полями
Межъ черныхъ тучъ мелькнетъ передъ грозою,
Во мгль сіяя бѣлыми крылами;

Такъ въ царствѣ вѣчной тьмы передо мною
Сверкнули двѣ обняшіяся тѣни,
Озарены печальной красотою.

И въ ихъ чертахъ былъ прежній слѣдъ мученій,
И въ ихъ очахъ былъ прежній страхъ разлуки,
И въ граціи медлительныхъ движеній,

Въ томъ, какъ онѣ другъ другу жали руки,
Лицомъ къ лицу поникнувъ съ грустью нѣжной,
Былой любви высказывались муки.

И волновалась грудь моя мятежно,
И я спросилъ ихъ, тронутый учащемъ,
О чемъ они тоскуютъ безнадежно.

И былъ отвѣтъ: „Съ жестокимъ самовластьемъ
„Любовь, одна любовь насъ погубила,
„Не давъ упиться мимолетнымъ счастьемъ;

„Но смерть — ничто, ничто для насъ — могила,
„И намъ не жаль потеряннаго рая,
„И муки въ рай любовь преобразила.

„Завидуютъ намъ ангелы, взирая
„Съ лазури въ темный адъ на наши слёзы,
„И плачутъ втайнѣ, безъ любви скупая.

„О пусть Творецъ намъ шлетъ свои угрозы,
„Всѣ эти муки — слаще поцѣлуя,
„Всѣ угли ада искрятся, какъ розы!“

— „Но гдѣ и какъ, — страдальцамъ говорю я, —
„Впервый межъ вами пламень страстной жажды
„Преграды свергъ, на цѣпи негодуя?“

„И былъ отвѣтъ: „Читали мы однажды
„Наединѣ о страсти Ланчелотта,
„Но о своей лишь страсти думалъ каждый.

„Я помню книгу, бархатъ переплета,
„Я даже помню, какъ въ зарѣ румяной
„Заглавныхъ буквъ мерцала позолота.

„Открыты были окна, и туманный,
„Нагрѣтый воздухъ въ комнату струился;
„Ронялъ цвѣты жасминъ благоуханный.

„И мы прочли, какъ Ланчелоттъ склонился
„И, поцѣлуемъ скрывъ улыбку милой,
„Уста къ устамъ, въ рукахъ ея забылся.

„Увы! насъ это мѣсто погубило,
„И въ этотъ день мы больше не читали.
„Но сколько счастья солнце озарило!..“

И тѣнь умолкла, полная печали.

УГОЛИНО.

(Легенда изъ Данте.)

Въ послѣднемъ кругѣ ада передъ нами
Во мглѣ поверхность озера блистала
Подъ ледяными твердыми слоями.

На эти льды безвредно бы упала,
Какъ пухъ, громада каменной вершины,
Не раздробивъ ихъ вѣчнаго кристалла.

И какъ лягушки, вынырнувъ изъ тины,
Среди болотъ виднѣются порою, —
Такъ въ озерѣ той сумрачной долины

Безчисленные грѣшники толпою,
Согнувшіеся, голые сидѣли
Подъ ледяной, прозрачною корою.

Отъ холода ихъ губы посинѣли,
И слезы на ланитахъ замерзали,
И не было кровинки въ блѣдномъ тѣлѣ.

Ихъ мутный взоръ поникъ въ такой печали,
Что мысль моя отъ страха цѣпенѣтъ,
Когда я вспомню, какъ они дрожали, —

И солнца лучъ съ тѣхъ поръ меня не грѣтъ.
Но вотъ земная ось ужъ недалеко:
Скользить нога, въ лицо мнѣ стужей вѣтъ...

Тогда увидѣлъ я во мглѣ глубоко
Двухъ грѣшниковъ; безумьемъ пораженный,
Одинъ схватилъ другого и жестоко

Впился зубами въ черепъ раздробленный,
И грызъ его, и вытекалъ струями
Изъ черной раны мозгъ окровавленный.

И я спросилъ дрожащими устами,
Кого онъ пожираетъ. Подымая
Свой обагранный ликъ и волосами

Несчастной жертвы губы вытирая,
Онъ отвѣчалъ: „Я, призракъ Уголино,
„А эта тѣнь — Руджьеръ; земля родная

„Злодѣя прокляла... Онъ былъ причиной
„Всѣхъ мукъ моихъ: онъ заточилъ въ оковы
„Меня съ дѣтьми, гонимаго судьбиной.

„Тюремный сводъ давилъ, какъ гробъ свинцовый;
„Сквозь щель его не разъ на тверди ясной
„Я видѣлъ, какъ рождался мѣсяцъ новый —

„Когда тотъ сонъ приснился мнѣ ужасный:

„Собаки волка стараго травили;

„Руджьерь ихъ плетью гналъ, и звѣрь несчастный

„Съ толпой волчатъ своихъ по сѣрой пыли

„Влачилъ кровавый слѣдъ, и онъ свалился,

„И гончія клыки въ него вонзили.

„Услышавъ плачь дѣтей, я пробудился:

„Во снѣ, полны предчувственной тоскою,

„Они молили хлѣба, и тѣснился

„Мнѣ въ грудь невольный ужась предъ бѣдою.

„Ужель въ тебѣ нѣтъ искры сожалѣнья?

„О если ты не плачешь надо мною,

„Надъ чѣмъ же плачешь ты!... Среди томленья

„Тотъ часъ, когда намъ пищу приносили,

„Давно прошелъ; ни звука, ни движенья...

„Въ нѣмыхъ стѣнахъ — все тихо, какъ въ могилѣ.

„Вдругъ тяжкій молотъ грянулъ за дверями...

„Я понялъ все: то входъ тюрьмы забили.

„И пристально безумными очами

„Взглянулъ я на дѣтей; передо мною

„Они рыдали тихими слезами.

„Но я молчалъ, поникнувъ головою;

„Мой Анзельмучіо мнѣ съ лаской милой

„Шепталъ: „О, какъ ты смотришь, что съ тобою?“ ..

„Но я молчалъ, и мнѣ такъ тяжело было,
„Что я не могъ ни плакать, ни молиться.
„Такъ первый день прошелъ, и наступило

„Второе утро: кроткая денница
„Блеснула вновь, и въ трепетномъ мерцаньи
„Узнавъ ихъ блѣдныя, худыя лица,

„Я руки грызъ, чтобъ заглушить страданье.
„Но дѣти кинулись ко мнѣ, рыдая,
„И я затихъ. Мы провели въ молчаньи

„Еще два дня... Земля, земля нѣмая,
„О для чего ты насъ не поглотила!..
„Къ ногамъ моимъ упалъ, ослабѣвая,

„Мой бѣдный Гаддо, простонавъ уныло:
„„Отецъ, о, гдѣ ты, сжался надо мною!..“
„И смерть его мученья прекратила.

„Какъ сынъ за сыномъ падалъ чередою,
„Я видѣлъ самъ своими же очами,
„И вотъ одинъ, одинъ подъ вѣчной мглою

„Надъ мертвыми, холодными тѣлами —
„Я звалъ дѣтей; потомъ въ изнеможеньи
„Я ошупью, безсильными руками,

„Когда въ глазахъ уже померкло зрѣнье,
„Искалъ ихъ труповъ, ужасомъ томимый,
„Но голодь, голодь побѣдилъ мученье!..“

И онъ умолкъ, и вновь, неутомимый,
Схватилъ зубами черепъ въ дикой злости
И грызъ его, палачъ неумолимый:

Такъ алчный песь грызеть и гложеть кости.

ДОНЪ КИХОТЪ.

Шлемъ — надтреснутое блюдо,
Щитъ — картонный, панцырь жалкій...
Въ стременахъ висятъ, качаясь,
Ноги тощія, какъ палки.

Для него хромая кляча —
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья —
Руки мощнаго гиганта.

Видитъ онъ въ тавернѣ грязной
Роскошь царскаго чертога.
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

Санхо Панца ѣдетъ рядомъ;
Гордый видъ его серьезень:
Какъ прилично копыеносцу,
Онъ величественъ и грозень.

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза, —

Эта царственная дама —
Дульцинея де-Тобозо...

Страстно, съ юношескимъ жаромъ,
Онъ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

„Люди добрые, ликуйте, —
„Наступаетъ праздникъ вѣчный:
„Миръ не солнцемъ озарится,
„А любовью безконечной...

„Будутъ всѣ равны; другъ друга
„Перестанутъ ненавидѣть;
„Ни алькады, ни бароны
„Не посмѣютъ васъ обидѣть.

„Пойте, братья, гимнъ побѣдный!
„Этотъ мечъ несетъ свободу,
„Справедливость и возмездье
„Угнетенному народу!“

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохочутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

Аплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется;
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весь отъ хохота трясется.

И почтенный патерь смотритъ,
Изумленіемъ объятый,
И громить безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

Изъ окна глядитъ цырульникъ,
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой,
И кричитъ онъ Донъ Кихоту:

„Благороднѣйшій изъ смертныхъ,
„Я желаю вамъ успѣха!..“
И не въ силахъ кончить слова,
Задышается отъ смѣха.

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его — такъ свѣтель,
Очи — полны вдохновенья.

Онъ смѣшонъ; но столько дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной,
И въ лицѣ худомъ и блѣдномъ
Столько вѣры безмятежной.

И любовь и вѣра святы,
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты.

Разслабленный.

(Легенда.)

Схоластикъ нѣкій, именемъ Евлогій,
Подвинутый любовью, міръ презрѣлъ
И въ монастырь ушелъ, раздавъ имѣнье,
Но, ремесла не вѣдая, межъ братій
Въ бездѣйствіи невольномъ пребывалъ.
Однажды онъ разслабленнаго встрѣтилъ,
Лежавшаго на улицѣ, безъ рукъ,
Безъ ногъ: молилъ онъ гласомъ лишь и взоромъ
О помощи. Евлогій же сказалъ:
„Возьму къ себѣ разслабленнаго, буду
„Любить его, покоить до конца,
„И такъ спасусь. Терпѣнья дай, о, Боже,
„Мнѣ, грѣшному, чтобъ брату послужить!“
Онъ, приступивъ къ разслабленному, молвилъ:
„Не хочешь ли, возьму тебя къ себѣ
„И твой недугъ и старость упокою?“
— „Ей, Господи!“ разслабленный въ отвѣтъ,
Тогда Евлогій: „Приведу осла,
Чтобъ отвезти тебя въ мою обитель“.
И съ радостью великой ожидалъ

Его бѣднякъ. Привель осла Евлогій,
Больного взялъ, отвезъ къ себѣ домой
И сталъ о немъ заботиться, и пробылъ
Пятнадцать лѣтъ разслабленный въ дому
Евлогія, и тотъ его покоиль,
Служиль ему, какъ дряхлому отцу,
Кормиль его, какъ малаго ребенка,
На собственныхъ рукахъ его носиль.

Но дьяволъ сталъ завидовать обоимъ:
Хотѣлъ онъ мзды Евлогія лишить.
И, развративъ разслабленнаго, ярость
Вдохнулъ въ него, и началъ тотъ во гнѣвѣ
Евлогія хулить: „Ты — бѣглый рабъ,
„Похитившій имѣнье господина!
„Ты чрезъ меня спасаешься, ты принялъ
„Калѣку въ домъ, чтобъ назвали тебя
„И праведнымъ, и милосерднымъ люди!..“
Но съ кротостью отвѣтствовалъ Евлогій:
„Не будь ко мнѣ несправедливымъ, братъ,
„И лучше ты скажи, какое зло
„Я сотворилъ тебѣ, — и я покаюсь“.
Но возопилъ калѣка: „Не хочу
„Любви твоей! Неси меня изъ дома,
„На улицѣ повергни! Не хочу
„Ни ласкъ твоихъ, ни твоего покоя!“
Евлогій же: „Молю тебя, утѣшься!“
Но въ ярости разслабленный кричалъ:
„Мнѣ скучно здѣсь, противна эта жизнь!
„И не терплю я твоего лукавства...
„Дай мяса мнѣ!.. Я мясо ѣсть хочу!..“

Тогда принесть ему Евлогій мяса.

„Одинъ съ тобою быть я не могу:

„Хочу живыхъ людей, хочу народа!“

— „Я много братій приведу тебѣ...“

— „О, горе мнѣ, — большой ему въ отвѣтъ, —

„О горе, окаянному! Противно

„И на твое лицо смотрѣть: ужель

„Еще толпу такихъ же праздноядцевъ

„Ты приведешь ко мнѣ?..“ И разъярился,

И голосомъ онъ дикимъ возопилъ:

„Нѣтъ, не хочу я, не хочу! Повергни

„Опять меня туда, откуда взялъ:

„На улицу хочу я, на распутье!

„Тамъ — пыль и солнце, пролетаютъ птицы,

„И по камнямъ грохочутъ колесницы,

„Тамъ вѣтеръ пахнетъ моремъ, и вдали

„Крылатые бѣлѣютъ корабли...

„Мнѣ скучно здѣсь, гдѣ лишь лампы, тлѣя,

„Коптятъ нѣмые лики образовъ,

„Гдѣ — ладана лишь запахъ, да еля,

„И душный мракъ, и звонъ колоколовъ...

„О, если бъ были руки, — удавился

„Иль закололъ бы я себя ножомъ!..“

Въ смятеніи пошелъ Евлогій къ братьямъ.

„Что дѣлать мнѣ?“ онъ старцевъ спросилъ.

Они его къ Антонію послали.

И на корабль онъ посадилъ больного,

И выѣхаль, и прибылъ къ той землѣ,

Гдѣ жилъ Антоній, схимникъ, и съ калѣкой

Пришелъ къ нему Евлогій и сказалъ:

„Пятнадцать лѣтъ больному я служилъ, —
„Онъ за любовь меня возненавидѣлъ.
„И я спросить пришелъ къ твоей святынѣ,
„Что сотворю я съ нимъ?“ Тогда въ отвѣтъ
Проговорилъ Антоній гласомъ тяжкимъ
И яростнымъ: „Евлогій, если ты
„Отвергнешь брата, — помни, что Спаситель
„Бездомнаго во-вѣки не отвергнетъ:
„Его въ раю высоко надъ тобой
„Онъ вознесетъ“. Евлогій ужаснулся;
Антоній же — разслабленному: „Рабъ,
„Земли и неба недостойный, ты ли
„Дерзнулъ хулу на Господа изречь?..
„Такъ помни же, что Самъ тебѣ Спаситель
„Во образѣ Евлогія служилъ!“
Потомъ онъ сталъ учить обоихъ: „Дѣти,
„Не разлучайтесь другъ отъ друга, — нѣтъ:
„Отъ сатаны пришло вамъ искушенье.
„Идите съ миромъ, отложивъ печаль.
„Я вѣдаю, что при концѣ вы оба,
„Что близко смерть: вы у Христа вѣнцовъ
„Заслужите, ты — имъ, и онъ — тобою.
„Но если бѣ Ангель Смерти прилетѣлъ
„И на землѣ васъ не нашелъ бы вмѣстѣ, —
„То лишены вы были бы вѣнцовъ.
„Такъ тѣ, кто любятъ, — мученики оба,
„Прикованы другъ къ другу навсегда:
„И большаго нѣтъ подвига предъ Богомъ,
„Нѣтъ въ мірѣ большей казни, чѣмъ любовь!“

Христосъ, Ангелы и Душа.

(Мистерія XIII вѣка.)

I.

Ангелы.

Какъ нищій съ сумкой бѣдной,
Куда идешь, Христосъ,
Ты, горестный и блѣдный,
Одинъ въ юдоли слезъ?

Христосъ.

Иду я въ міръ унылый
Къ возлюбленной моей,
Назвавъ невѣстой милой,
Я сердце отдалъ ей.
Она Меня любила,
Но, клятвы не храня,
Невѣста измѣнила,
Покинула Меня.
И все о ней тоскую,
И все ее люблю,
Люблю Я дочь земную
Избранницу Мою.

Я далъ ей духъ свободный,
Ее одну любя,
Я сдѣлалъ благородной,
Похожей на Себя.
Я далъ ей плоть въ рабыни
И волю для борьбы,
Она же стала нынѣ
Рабой своей рабы.
Она — во власти тѣла
И, Господа забывъ,
Дары Мои презрѣла,
Отвергла Мой призывъ.

Ангелы.

Но той, кто всѣхъ дороже,
Кого Ты такъ любилъ,
Сказать ли намъ, о Боже,
Что Ты ее простишь?

Христось.

Скорѣй несите вѣсти
Возлюбленной Моей,
Что Я простилъ невѣстѣ,
Что Я грущу о ней!
Зачѣмъ же длить разлуку?
Скажите, чтобъ пришла,
Чтобъ милаго на муку,
На смерть не обрекла.
И брачныя одежды
Я возвращу ей вновь,

И всѣ Мои надежды,
И всю Мою любовь!

II.

Ангелы.

Душа въ оковахъ тѣла
И смерти, и грѣха,
Ты Господа презрѣла,
Отвергла Жениха.
Поднять не смѣешь вѣжды,
Не можешь встать съ земли,
Разорваны одежды,
Чело твое — въ пыли.

Душа.

Изгнанницею рая
Живу я во грѣхѣхъ,
Скорбя и вспоминая
О миломъ Женихѣ.
И тщетно, умирая
Въ порокѣхъ и во злѣхъ,
Покинутаго рая
Ищу я на землѣ.

Ангелы.

Омой слезами очи,
Съ надеждой подымись,
Скорѣй изъ мрака ночи
Ты къ Господу вернись.

Тебя онъ приметъ снова,
Забудь печаль и страхъ,
Не скажетъ Онъ ни слова,
Не вспомнить о грѣхахъ.

Душа.

О гдѣ же Онъ?... Далеко
Отъ Бога моего,
Я плачу одиноко,
Умру я безъ Него...
Скажите мнѣ, скажите,
Видалъ ли кто-нибудь,
Гдѣ Милый, укажите
Къ Возлюбленному путь!

Ангелы.

Мы видѣли: распятый,
Одинъ на высотѣ
Голгоѡы, тьмой объятаой,
Страдалъ Онъ на крестѣ.
Въ тоскѣ изнемогая,
Но все еще любя,
Спаситель, умирая,
Молился за тебя...

Душа.

Я плакать буду вѣчно.
За мiръ Онъ пролилъ кровь,

Любилъ такъ безконечно,
И умеръ за любовь!..
Въ любви — какая сила!..
Любовь, о для чего,
Безумная, убила
Ты Бога моего?

Протопопъ Аввакумъ.

I.

Горе вамъ, Никоніане! вы глумитесь надъ Христомъ,—
Утверждаете вы церковь пыткой, плахой да кнутомъ!

Но Господь за угнетенныхъ въ гнѣвѣ праведномъ
возсталъ,
И прольется надъ землею Божьей ярости фіаль.

Нашу свѣтлую Россію отдавъ дьяволу Господь:
Пусть же выкупятъ отчизну наши кости, кровь и
плоть.

Укрѣпи меня, о Боже, на великую борьбу,
И пошли мнѣ мощь Самсона, недостойному рабу...

Какъ въ пустынѣ вопіющій, я на торжищахъ взывалъ
И въ палатахъ, и въ лачугахъ сильныхъ міра обличалъ.

Помню, помню дни гоненья: — вотъ въ цѣпяхъ меня
ведутъ
Къ нечестивому синклиту, какъ разбойника, на судъ.

Сорокъ мудрыхъ іереевъ издѣвались надо мной.
И разжегся духъ мой гнѣвомъ — поднялъ крестъ я
надъ головой

И въ лицо злодѣямъ плюнулъ, и, какъ зайцы по
кустамъ,
Все антихристово войско разбѣжалось по угламъ.

„Будьте прокляты! — я крикнулъ — вамъ позоръ
изъ рода въ родъ:
„Задушили правду Божью, погубили вы народъ!“

Но стрѣльцовъ они позвали, ополчились на меня.
Рѣчи полны дикой брани, очи — лютаго огня.

И какъ волки обступили, кулаками мнѣ грозятъ:
„Еретикъ насъ обезчестилъ, на костерьъ его!“ кричатъ.

То не бѣсы мчатся съ крикомъ чрезъ болото и
пустырь, —
Чернецы везутъ разстригу Аввакума въ монастырь.

Привезли меня въ Андроньевъ, — тутъ и бросили
въ тюрьму,
Какъ скотину, безъ соломы — прямо въ холодъ,
срадъ и тьму.

Тамъ, глубоко подъ землею, въ этой сумрачной
норѣ
Думалъ съ завистью я, грѣшный, о собачьей ко-
нурѣ.

II.

Я три дня лежалъ безъ пищи, — наступалъ четвер-
тый день...

Быль то сонъ, или видѣнье, — я не вѣдаю...
Сквозь тѣнь —

Вижу двери отворились, и волною хлынулъ свѣтъ,
Кто-то чудный мнѣ явился, въ ризы бѣлыя одѣтъ.

Онъ принесъ коврижку хлѣба, онъ мнѣ далъ немного
щецъ:

„На, Петровичъ, ѣшь, родимый!“ и любовно, какъ
отецъ,

Смотрить въ очи, тихо пальцы онъ кладеть мнѣ на
чело,

И руки прикосновенье братски-нѣжно и тепло.

И счастливый, и дрожащій, я припалъ къ его но-
гамъ,

И края святой одежды прижималъ къ моимъ устамъ.

И шепталъ я, какъ безумный: „дай мнѣ муки пре-
терпѣть,

Свѣтъ-Христось, родной, желанный, — за Тебя бы
умереть!..“

III.

Это было на Устюгѣ: разъ — я помню — ввечеру
Старца божьяго Кирилла привели мнѣ въ конуру.

Надъ твоей могилой тихой херувимы сторожатъ;
Спи же, другъ, легко и сладко, отдохни, усталый
братъ!

IV.

Въ конурѣ моей подземной я покинуть былъ опять
Цѣлымъ міромъ. Даже время пересталъ я различать.

Поглупѣлъ совсѣмъ отъ горя: день и ночь въ углу
сидишь,
Да замерзшими ногами въ землю до крови стучишь.

Если жъ солнце въ щель заглянетъ и блеснетъ на
кирпичѣ,
И закружатся пылинки въ золотомъ его лучѣ, —

Я смотрѣлъ, какъ паутина сѣткой радужной горитъ,
И паукъ летунью-мошку терпѣливо сторожитъ.

На зарѣ я слушалъ часто, ухо къ щели приложивъ,
Какъ въ лазури крикъ касатокъ беззаботенъ и сча-
стливъ.

Сердцу воля вспоминалась, шумъ деревьевъ, небеса,
И далекая деревня, и родимые лѣса.

V.

Изъ Москвы велятъ указомъ, чтобъ на самый край
земли
Аввакума протопопа въ ссылку вѣчную везли.

Десять тысячъ верстъ въ Сибири, въ тундрахъ, де-
бряхъ и лѣсахъ
Волочился я на дровняхъ, на телѣгахъ и плотахъ.

Помню — Пашковъ на Байкалѣ разъ призвалъ меня
къ себѣ;
Окруженный казаками, онъ сидѣлъ въ своей избѣ.

Какъ у бѣлаго медвѣдя, взоръ пылалъ; суровый ликъ,
Обрамленъ сѣдою гривой, налить кровью былъ и
дикъ.

Грозно крикнулъ воевода: „Покорись мнѣ, протопопъ!
„Брось ты дьявольскую вѣру, а не то — вгоню во
гробъ!“

— „Человѣкъ, побойся Бога, Вседержителя-Творца!
Я страдалъ уже не мало — пострадаю до конца!“

— „Эй, ребята, начинайте!“ закричалъ онъ гайду-
камъ...
Повалили и связали по рукамъ и по ногамъ.

Свистнулъ кнутъ... — Окровавленный, полумертвый
я твержу:
„Помоги, Господь!“ — а Пашковъ: „Отрекайся —
пощажу“.

Нѣтъ, Иусе, Сыне Божій, лучше — думаю — не
жить,
Чѣмъ злодѣя передъ смертью о пощадѣ мнѣ просить.

Все исчезло... и казалось, что я умеръ... чей-то
вздохъ
Мнѣ слышался, и кто-то молвилъ: „Кончено, —
издохъ!“

VI.

Я въ дощеникѣ очнулся... Тишь и мракъ... Лежу
на днѣ,
Хлещетъ мокрый снѣгъ да ливень по израненной
спинѣ.

Тянетъ жилы, кости ноютъ... Тяжко! страхъ меня
объяля;
Обезумѣвъ отъ страданій, я на Бога возроптавъ:

„Горько мнѣ, Отецъ небесный, я молиться не
могу:
„Ты забылъ меня, покинулъ, предалъ лютому
врагу!“

„Гдѣ найти мнѣ судъ и правду? Чѣмъ Христа я
прогнѣвилъ,
„И за что, за что я гибну?..“ Такъ я, грѣшный,
говорилъ.

Вдругъ на небѣ какъ-то чудно просвѣтлѣло, и порой
Словно ангельское пѣнье проносилось надъ землей...

Вѣютъ крылья серафимовъ, и кадилаицы звенять,
Сквозь холодный дождь и вьюгу дышитъ теплый
ароматъ.

Ты, Исусе мой сладчайшій, муки въ счастье превра-
тилъ,
Пристыдилъ меня любовью, окаяннаго простилъ!

И свѣтло въ душѣ, и тихо: темной ночью, подь
дождемъ,
Какъ дитя въ спокойной люлькѣ, — я въ дощеникѣ
моемъ.

Хорошо мнѣ, и не знаю — въ небесахъ, или во
мнѣ —
Словно ангельское пѣнье раздается въ тишинѣ.

VII.

По скаламъ — орелъ да кречеть, въ мракѣ дѣвствен-
ныхъ лѣсовъ —
Чернобурая лисица, стаи дикихъ кабановъ.

Тамъ и стерлядь, и осетры ходять густо подь водой,
Таймень жирная сверкаетъ серебристой чешуей.

Все тамъ есть, но все чужое, — люди, вѣра... И
тоской
Ноетъ сердце, вспоминая обь отчизнѣ дорогой.

Повстрѣчали мы однажды у Байкальскихъ береговъ
Соболиную станицу нашихъ русскихъ земляковъ.

Это край счастливый. Горы тамъ уходятъ въ небеса,
Ихъ подножья осѣнили кедровъ темные лѣса.

Тамъ, посѣянные Богомъ, разрослись въ тиши долинъ
Сладкій лукъ, чеснокъ и мята, и душистый розмаринъ.

Плачутъ миленькіе, смотрятъ, не посмотрятся на
насъ,
Обнимаютъ и жалѣютъ, подхватили мой карбасъ,

И хлопчутъ, и смѣются: каждый жизнь отдать го-
товъ;
Привезли мнѣ на телѣгѣ сорокъ свѣжихъ осетровъ.

Вмѣстѣ кашу заварили, пѣли пѣсни за костромъ;
На чужбинѣ Русь святую поминали мы добромъ.

Въ эту ночь, съ улыбкой тихой очи скорбныя сме-
живъ,
Засыпали мы подъ шорохъ золотыхъ, родимыхъ
нивъ.

VIII.

Ты одинъ, Владыка, знаешь, сколько мукъ я пере-
несъ:

Хлѣбъ не сладокъ былъ отъ горя, и вода — горька
отъ слезъ.

На Шаманскихъ водопадахъ, на Тунгузкѣ я тонулъ,
Замерзалъ въ сугробахъ, ляжку съ бурлаками я
тянулъ.

Безъ пріюта, безъ одежды насыщался я порой
То поганюю кониной, то сосновою корой. —

Пять недѣль мы шли по Нерчи, пять недѣль — все
голый ледъ.

Дѣтокъ съ рухлядью въ обозѣ лошаденка чуть ве-
зеть.

Мы съ женою вслѣдъ за ними, убиваючись, идемъ;
Скользко, ноги еле держать. Полумертвые бредемъ.

Протопопица бывало поскользнется, упадетъ.
На нее мужикъ усталый изъ обоза набредетъ,

Тоже валится, и оба на снѣгу они лежатъ,
И барахтаются въ шубахъ, встать не могутъ и кри-
чатъ:

„Задавилъ меня ты, батько!“ — „Государыня, прости!“
Что тутъ дѣлать, — смѣхъ и горе! я спѣшу къ
нимъ подойти,

И бранить меня съ улыбкой, и бредетъ она опять:
„Протопопъ ты горемычный, долго ль намъ еще
страдать?“

— „Видно, Марковна, до смерти!“ Тихо, съ ласко-
вымъ лицомъ:

— „Что жъ, Петровичъ, отвѣчаетъ, съ Богомъ
дальше побредемъ!“

На саняхъ у насъ, въ обозѣ, помню, курочка была;
Два яйца для нашихъ дѣтокъ каждый день она
несла.

Чудо-птица! и за деньги намъ такой бы не найти.
Жалко, бѣдную въ обозѣ раздавили на пути.

До сихъ поръ объ ней я помню: я привыкъ ее ла-
скать;
Мы крупу въ котлѣ семейномъ позволяли ей клевать:

Божья тварь! Создатель любитъ всѣхъ животныхъ,
какъ людей;
Онъ не брезгаетъ, Пречистый, и послѣднимъ изъ
звѣрей,

Онъ изъ рукъ Своихъ питаетъ все, что дышитъ и
живетъ,
Онъ и птицу пожалѣетъ, и былинку сбережетъ.

IX.

Собрались мы плыть на лодкахъ; кормчій парусъ
подымалъ;
Изъ тайги въ ту пору бѣглый къ намъ бродяга за-
бѣжалъ.

Онъ, дрожа и задыхаясь, палъ на землю предо мной
И глядѣлъ мнѣ прямо въ очи съ боязливою моль-
бой:

„Я скитался дикимъ звѣремъ тридцать дней въ глуши
лѣсовъ,
„Сжался, батюшка, не выдай, скрой отъ лютыхъ
казаковъ!..“

Вижу — лобъ съ клеймомъ позорнымъ, обручь сло-
манныхъ цѣпей,
Но прощенья страшно молить взоръ испуганныхъ
очей.

Плачетъ, ноги мнѣ цѣлуеть, окровавленный, въ
пыли:
До чего созданье Божье, человѣка, довели!..

Я забылъ, что онъ преступникъ, я хотѣлъ его под-
нять,
И какъ брату, кто бъ онъ ни былъ, слово доброе
сказать.

Но жена меня торопитъ: „Спрячемъ бѣднаго ско-
рѣй!..“
И голубка отвернулась, — льются слезы изъ очей.

Скрылъ я миленькаго въ лодкѣ, да подушекъ нава-
лилъ;
Протопопицу и дѣтокъ на постелю положилъ.

Казаки къ намъ скачутъ вихремъ и съ пищалями въ
рукахъ.
Какъ затравленнаго звѣря, ищутъ бѣглаго въ ку-
стахъ.

И кричатъ намъ: „Гдѣ бродяга? — ужъ не спря-
танъ ли у васъ?“
— „Никого мы не видали, — обыщите нашъ кар-
бась!“

Ищутъ, роютъ, но съ постели бѣдной Марковны
моей
Не согнали: „Спи, родная, не тревожься!“ молвятъ
ей, —

„Вдоволь мукъ ты натерпѣлась!“ — Такъ его и не
нашли.

Обмануль я ихъ, сердечныхъ. Дѣлать нечего — ушли.

Пусть же Богъ меня накажетъ: какъ мнѣ было не
солгать?

Согрѣшилъ я противъ воли: я не могъ его предать.

Х.

Вижу — меркнетъ Божья вѣра, тьма полночная ра-
стетъ,

Вижу — льется кровь невинныхъ, братъ на брата
возстаетъ.

Что же дѣлать мнѣ? Боротся и неправду обличать,
Иль, скрываясь отъ гоненій, покориться и молчать?

Жаль мнѣ Марковны и дѣтокъ, жаль мнѣ свѣтиковъ
моихъ:

Какъ ихъ бросить безъ защиты; горько, страшно
мнѣ за нихъ!

И сидѣлъ въ нѣмомъ раздумьи я, поникнувъ головой.
Но жена ко мнѣ подходитъ, тихо молвитъ: „Что съ
тобой?“

„Отчего ты такъ кручинень?“ — „Дорогая, жаль,
мнѣ васъ!

„Чуетъ сердце: я погибну, близокъ мой послѣдній
часъ.

„На кого тебя оставлю?..“ Съ нѣжной ласкою въ
въ очахъ —

„Что ты, Богъ съ тобой, Петровичъ, — молвить, —
тамъ, на небесахъ

„Есть у насъ Ходатай вѣчный, ты же — бранный
человѣкъ.

„Онъ — Заступникъ вдовъ и сиротъ, не покинетъ
насъ во-вѣкъ.

„Будь же весель и спокоень, насъ въ молитвахъ
поминай.

„Еретическую блудню предъ народомъ обличай.

„Встань, родимый, что тутъ думать, встань, поди
скорѣй во храмъ,

„Проповѣдуй слово Божье!“ ...

XI.

Смерть пришла... Сегодня утромъ предъ народомъ
поведутъ

На костерь меня, разстригу, и съ проклятыями сожгутъ

Но звучить мнѣ чей-то голосъ и зоветъ онъ въ
тишинѣ:

„Аввакумушка мой бѣдный, ты усталъ, приди ко
Мнѣ!“

Дай мнѣ, Боже, хоть послѣдній уголокъ въ святомъ
раю,
Только бѣ видѣть милыхъ дѣтокъ, видѣть Марковну
мою.

Потрудился я для правды, не берегъ послѣднихъ силъ:
Тридцать лѣтъ, Никоніане, я жестоко васъ бранилъ.

Если чѣмъ-нибудь обидѣлъ, — вы простите дураку:
Вѣдь и мнѣ пришлось не мало натерпѣться, старику...

Вы простите, не сердитесь, — всѣ мы братья о
Христѣ:
И за всѣхъ насъ, злыхъ и добрыхъ, умиралъ Онъ
на крестѣ.

Такъ возлюбимъ же другъ друга, — вотъ послѣдній
мой завѣтъ.
Все въ любви, — законъ и вѣра... Выше заповѣди
нѣтъ.

Францискъ Ассизскій.

Часть первая.

I.

Это было въ Средніе Вѣка.
На высотахъ Умбріи лѣсистой,
Гдѣ смолою пахнетъ воздухъ чистый,
И въ затишьи сонномъ городка
Только ласточки поютъ въ карнизѣ
Вѣковыхъ бойницъ, поросшихъ мхомъ, —
Бернадоне Пьетро жилъ въ Ассизи.
Торговалъ онъ шелкомъ и сукномъ.
У него былъ сынъ. Веселый, нѣжный,
Въ темной лавкѣ стараго купца
Мальчикъ росъ, мечтательный, небрежный
Къ деньгамъ, счетамъ строгаго отца.
Онъ не могъ понять его заботы
О товарахъ, цѣнахъ, и въ тоскѣ
Все слѣдилъ, какъ Пьетро сводитъ счеты
Съ важнымъ видомъ мѣломъ на доскѣ.
Скучно! Онъ глядитъ изъ-за прилавка,

Улыбаясь, въ глубину небесъ...
Поскорѣй бы за городъ, и въ лѣсъ,
На поля, гдѣ зеленѣетъ травка!..
Иногда про сына своего
Думалъ Пьетро хитрый, скопидомный:
„Мой Франческо — мальчикъ добрый, скромный,
„Но купца не выйдетъ изъ него:
„Слишкомъ нѣженъ, слишкомъ ручки бѣлы;
„Все бѣ ему наряды и духи,
„Все бѣ ему романы да новеллы,
„И стихи, проклятые стихи!
„Охъ, ужъ эти мнѣ поэты — манятъ
„Грезы славы. Признавался самъ,
„Что однажды, глупой риѳмой занявъ,
„Онъ едва не продалъ господамъ
„Изъ Кремоны мнѣ въ убытокъ полку
„Лучшихъ свитковъ голубого шолку.
„Надо мѣры строгія принять!“
И на сына Пьетро негодуетъ.
А межъ тѣмъ его, какъ прежде, мать,
Потихоньку отъ отца, балуетъ.
Мальчикъ выросъ; деньгамъ не узналъ
Онъ цѣны: чтобъ только видѣть вѣчно
Радостныя лица, онъ бросалъ
Золото пригоршнями безопасно.
Онъ любилъ веселье, жизнь, людей
И родную зелень сосенъ, воду,
Пиршествъ шумную свободу.
За столомъ, когда въ кругу гостей
Онъ смѣялся и шутилъ бывало —
Въ шуткахъ что-то дѣтское звучало

И такое милое, что всѣхъ
Побѣждалъ невольню этотъ смѣхъ.

II.

По лугамъ, росистымъ, полнымъ мира,
Шли друзья однажды утромъ съ пира.
Вдругъ они Франциска у Креста
Въ брошенной часовнѣ увидали,
Блѣднаго, поникшаго въ печали.
Онъ у ногъ распятаго Христа
Горько плакалъ. Въ праздничной одеждѣ
Въ дни веселья, роскоши и нѣгъ
Никогда такимъ онъ не былъ прежде;
Передъ ними — новый человекъ.
„Что съ тобой, о чемъ ты плачешь?“ — „Братья,
„Плачу я о Господѣ моемъ!..
„Бѣдный!.. Посмотрите на Распятые,
„Онъ страдаетъ!.. Слезъ моихъ о Немъ
„Не стыжусь, предъ цѣлымъ міромъ, всюду
„О Христѣ я громко плакать буду!..
И обнявъ подножіе Креста,
Онъ припалъ къ нему еще любовнѣй:
Въ это утро, въ брошенной часовнѣ
Понялъ онъ страданія Христа.

III.

Собиралось въ лавкѣ у Франциска
Много знатныхъ рыцарей и дамъ.
Шляпу снявъ, онъ кланялся имъ низко:

„Есть обновки, заходите къ намъ!“
И встрѣчалъ ихъ ласково у двери.
Подражая ловкому купцу,
Онъ развертывалъ куски матерій,
Говорилъ: „Вотъ это вамъ къ лицу!“
Своему усердью самъ не вѣрилъ,
Думалъ объ итогахъ барыша,
Торговался, ткань аршиномъ мѣрилъ,
И волною мягкою шурша,
Падалъ желтый шелкъ подъ блескомъ солнца.
Дамы деньги вынули. Въ лучѣ
Заиграло золото червонца.
У одной былъ соколъ на плечѣ.
Пахло тонкими духами. Мѣтки
Ихъ остроты, легокъ разговоръ;
И ласкаются у ногъ сеньоръ
Съ острой мордой бѣлыя ливретки.
Но Францискъ на улицу взглянулъ:
Тамъ, подъ знойнымъ солнцемъ, у порога
Робко нищій руку протянулъ
И сказалъ: „Подайте, ради Бога!“ —
„Богъ подастъ“, рукой онъ сдѣлалъ знакъ,
Но какъ только отошелъ бѣднякъ,
Сердце сжалось отъ стыда и боли.
„Что я сдѣлалъ!“ блѣдный, онъ умолкъ,
И не въ силахъ притворяться долѣ,
Онъ за полцѣны имъ отдалъ шолкъ.
И потомъ онъ днемъ и ночью видѣлъ
Бѣдняка молящій, кроткій взоръ,
И скорбѣлъ, и золото съ тѣхъ поръ
Онъ еще сильнѣй возненавидѣлъ.

IV.

Для отца онъ сдѣлать все готовъ;
Взялъ изъ лавки суконъ разноцвѣтныхъ
И товаръ навьючилъ на ослось.
Мимо бѣдныхъ сель, долинъ привѣтныхъ,
Сосень, виноградниковъ и скаль
Онъ ослось на ярмарку погналъ.
Смотрить важно, говорить онъ съ вѣсомъ,
На базаръ торопится купецъ,
И тюки, какъ опытный дѣлецъ,
Разложилъ на рынкѣ подъ навѣсомъ.
Онъ въ дѣлахъ выказываетъ жаръ,
Сердится и спорить. Весь товаръ
Проданъ выгодно. Но отъ заботы
Онъ всю ночь въ гостиницѣ не спалъ.
Въ головѣ — итоги, цифры, счеты...
Утромъ возвращается домой.
Онъ ушелъ бы въ лѣсъ дышать прохладой,
И смотрѣть, какъ блещетъ мохъ росой.
Но въ лѣсу ограбить могутъ: надо
Торопиться. Въ страхъ и тоскѣ
Щупаетъ онъ деньги въ кошелькѣ...
Онъ бы легъ въ траву подъ эти клены,
Чтобъ надъ нимъ былъ листьевъ сводъ зеленый,—
Только страшно деньги потерять,
И едва лишь вспомнилъ ихъ — опять
Все померкло...

Нищіе толпою
За вожатаемъ идутъ. У нихъ
Лица неподвижны, словно тьмою

Взоръ подернуть. Онъ узналъ слѣпыхъ
И смутился, и скорбѣлъ душою, —
Совѣсти почувствовавъ упрекъ:
„Нѣтъ ли мѣдныхъ денегъ?“ въ кошелекъ
Руку опустилъ, червонецъ вынулъ,
Думалъ спрятать вновь — и нищимъ кинулъ.
Вотъ второй и третій, и дождемъ
Сыплются монеты золотыя.
Онъ кидаетъ съ радостнымъ лицомъ.
Споръ и драку подняли слѣпые.
Отдалъ все Францискъ, и у него
Вмѣстѣ съ деньгами съ души усталой
Словно бремя тяжкое спадало,
И въ улыбкѣ доброй — торжество.
Бѣдетъ дальше: каждая былинка,
Небо, птицы, рѣзвый мотылекъ,
И смолы янтарная слезинка
На соснѣ, и трепетный цвѣтокъ,
Полны радости великой, снова
Встрѣтили Франциска, какъ родного.
Онъ съ довѣрьемъ смотритъ въ небеса,
Господу поетъ хвалу простую.
И долины, горы и лѣса
Повторяютъ пѣснь его святую.

V.

„Гдѣ червонцы? Гдѣ мои товары?..
„Нищимъ роздалъ, нищимъ сто монеть!..
„Такъ не сынъ же ты мнѣ больше, нѣтъ!..
„Будь ты проклятъ!..“ Бернадоне старый

Палку въ ярости схватилъ: „Ты воръ,
Извергъ, роду нашему позоръ!“
Истошивъ угрозы и упреки,
Подаль въ судъ отецъ его жестокий.
Но Францискъ, когда его зовутъ
Къ городскимъ старѣйшинамъ на судъ,
Отвѣчаетъ, кроткій и спокойный:
„Я предъ Богомъ грѣшникъ недостойный...
„Вы простите мнѣ, но признаю
„Одного я въ мірѣ Судію.
„Надъ людьми поставленъ Онъ отъ вѣка,
„И во всемъ я дамъ ему отвѣтъ:
„Человѣкъ не судитъ человѣка,
„Между мной и Богомъ судей нѣтъ!“

VI.

И его къ епископу призвали.
Долго съ жаромъ говорилъ отецъ
И не могъ утѣшиться въ печали
О своихъ червонцахъ. Наконецъ
Онъ умолкъ; тогда Францискъ смиренный,
Перстень снявъ, предъ старикомъ кладетъ:
„Это матери подарокъ. Вотъ —
„Долгъ мой отданъ: камень драгоцѣнный
„Стоитъ больше денегъ взятыхъ мной!“
Такъ Францискъ, исполненный надежды,
Обручился съ бѣдностью святой:
Снялъ съ себя онъ обувь и одежды,
Положилъ на землю предъ отцомъ
И воскликнулъ съ радостнымъ лицомъ:

„Все земное, все, что я имѣю, —
 „Даже ризу прежнюю мою
 „Я отцу земному отдаю.
 „Больше здѣсь ничѣмъ я не владѣю!
 „Одного хочу любить Христа,
 „Одному хочу служить я Богу:
 „Я избралъ тернистую дорогу, —
 „И теперь душа моя чиста,
 „И мечты мои свободнѣй вѣтра!
 „Я могу воскликнуть наконецъ:
 „Не отецъ мой — Бернадоне Пьетро,
 „А Господь — Небесный мой Отецъ!
 „Будьте же свидѣтелями, братья,
 „Я хочу быть бѣднымъ, и такимъ
 „Какъ родился — слабымъ и нагимъ —
 „Кинуться Спасителю въ объятя!“

VII.

У него ни палки, ни мѣшка.
 Опясаный веревкой, нищій,
 Онъ въ одеждѣ грубой мужика
 Просить именемъ Христовымъ пищи.
 По глухимъ селеньямъ, городамъ,
 По большимъ дорогамъ и полямъ
 Ходить, проповѣдуя народу:
 „Вы найдете въ бѣдности свободу:
 „Прежде вашихъ просьбъ Создатель самъ
 „Знаетъ, братья, все, что нужно вамъ.
 „Для чего жъ печетесь вы безъ мѣры
 „Объ единомъ хлѣбѣ, маловѣры?
 „Вы не лучше ль лилій полевыхъ?

„А межъ тѣмъ не ткуть онѣ, не сѣютъ,
„Но цари одѣться не умѣютъ,
„Какъ одѣта каждая изъ нихъ.
„Въ Божьемъ мѣрѣ — людямъ мѣста много.
„Что жъ вы спорите — „мое“, „твое“?
„Не тому чилъ Спаситель: все,
„Что прекрасно, намъ дано отъ Бога.
„Не одна ли общая земля,
„Какъ одинъ небесный сводъ надъ нами?
„Для чего жъ вы дѣлите межами
„Господа цвѣтущія поля?
„Кто же въ тѣни путнику откажетъ,
„На чужую ниву не прикажетъ
„Падать росамъ, кто про золотой
„Солнца лучъ дерзнетъ сказать: „онъ мой“?
„У тебя Создатель твой на лозахъ
„Наливныя гроздья позлатилъ,
„У тебя Онъ въ благодатныхъ грозахъ
„Твой поникшій колось напоилъ,
„Онъ скорбитъ о бѣдномъ и богатомъ,
„Воздаетъ за зло тебѣ добромъ,
„Отчего жъ и ты не хочешь съ братомъ
„Подѣлиться хлѣбомъ и виномъ?
„О, помиримся, окончимъ битву,
„Пусть навѣки общимъ будетъ все,
„И сольемъ сердца въ одну молитву:
„Да придетъ царствіе Твое!“

VIII.

Жилъ Сильвестръ въ горахъ, на дикой кручѣ,
Словно звѣрь, въ расщелинѣ скалы.

Вкругъ него ходили только тучи,
Да летали съ клеткотомъ орлы.
На полу пергаментныя книги,
Бичъ желѣзный, цѣпи и вериги.
Вдоль стѣны уступъ гранитныхъ скалъ
По ночамъ подушку замѣнялъ.
Не согнувшись встать нельзя, такъ низко
Въ тѣсной кельѣ... Въ безднѣ, глубоко
Лишь потокъ гремитъ, и далеко
Все земное, только небо близко.

IX.

И Францискъ мечтаетъ: „Не уйти ли
„Отъ людей, отъ шумныхъ городовъ,
„Отъ тревоги, суеты и пыли
„Въ свѣжесть и безмолвіе лѣсовъ?
„Тамъ, въ горахъ, гдѣ не было донинѣ
„И слѣда людского, — въ тишинѣ
„Жить и умереть наединѣ
„Съ Господомъ, лицомъ къ лицу въ пустынѣ“.
Говорилъ Сильвестръ Франциску: „Плоть,
„Плоть проклятую смири цѣпями
„И бичемъ желѣзнымъ, и постами,
„Чтобъ простилъ грѣхи твои Господь.
„У тебя, мой сынъ, въ умѣ лишь радость,
„Пѣсенки веселенькія, смѣхъ?..
„Словно пчелки на цвѣты — на грѣхъ
„Мы летимъ и пьемъ мірскую сладость!..
„Смѣхомъ люди бѣсовъ лишь зовуть.
„И внимая радостному кличу,

„Дьяволы на грѣшника бѣгутъ,
 „Какъ борзья въ полѣ на добычу...
 „А потомъ, когда умреть онъ — въ адъ
 „Крючьями да вилами влачатъ
 „Господомъ отринутую душу,
 „И копятъ, и жарятъ надъ огнемъ,
 „Какъ на святкахъ мы свиную тушу
 „На желѣзномъ вертелѣ печемъ:
 „Вельзевулъ углей обложить грудой,
 „Уксусомъ и желчью обольеть,
 „И на столъ онъ лакомое блюдо
 „Самодержцу ада подаетъ.
 „Люциферъ на тронѣ лучезаренъ
 „За роскошной трапезой сидитъ,
 „И, отвѣдавъ грѣшника, кричитъ
 „Повару сердито: „недожаренъ!“
 „Бѣсы вновь въ огонь его влекутъ
 „И крутя на вертелѣ пекутъ.
 „Прежде радость ты любилъ земную,
 „Прежде пѣсни пѣлъ ты на пирахъ,
 „Погоди жъ — у дьявола въ когтяхъ
 „Запоешь ты пѣсенку другую!“
 И умолкъ отшельникъ. Замиралъ
 На устахъ его зловѣщій хохоть,
 Въ тишинѣ пустыни отвѣчалъ
 Лишь потока дальній, вѣчный грохотъ...

Х.

Отъ него Францискъ въ раздумьи шель:
 Онъ жалѣлъ монаха всей душою.

Темный, свѣжій боръ и ясный долъ
 Манять къ счастью, миру и покою.
 Понималъ онъ все, о чемъ въ листвѣхъ
 Радостныя птицы щебетали,
 Понималъ, о чемъ въ сырой травѣхъ
 Мошки въ солнечномъ лучѣ жужжали,
 Все, что ключъ шепталъ на ложѣ мха;
 Сердце чисто, духъ его свободенъ,
 Нѣтъ! не вѣрять онъ во власть грѣха,
 Въ смерть, и въ адъ, и вѣчный гнѣвъ Госпо-
 день.

Ликованья больше въ Небесахъ
 Объ единомъ грѣшникѣ спасенномъ,
 Чѣмъ о многихъ праведныхъ мужахъ.
 Только въ сердцѣ злобой омраченномъ —
 Скорбь и ужасъ, только лица злыхъ
 Полны грустныхъ думъ въ молчаньи строгомъ,
 А въ душѣ у добрыхъ и простыхъ —
 Радость безконечная предъ Богомъ!

XI.

Папа Инокентій утвердилъ
 Орденъ нищихъ братьевъ. Мало вѣрилъ
 Онъ во все, чему Францискъ училъ.
 Но умомъ расчетливымъ измѣрилъ
 Выгоду возможную для папъ:
 „Пусть — онъ думалъ — мысль невыполнима,
 „Жить нельзя безъ денегъ, но для Рима
 „Во Францискъ будетъ вѣрный рабъ!..“
 Проповѣдывать по всей вселенной

Миноритамъ папа разрѣшилъ.
Десять лѣтъ съ тѣхъ поръ Францискъ смирен-
ный,

Нищій, по Италиі ходилъ.
И когда родныя Аппенины
Скрылись за далекій горизонтъ,
Обошелъ Испанію, Пьемонтъ,
Францію, Савойскія долины.
Тотъ, кто видѣлъ разъ его, не могъ
Позабыть: идутъ къ нему крестьяне,
Женщины, сеньоры, горожане
И разбойники съ большихъ дорогъ.
Всѣ они въ одно сливались братство
И въ одну великую семью,
Покидали родину свою,
Домъ, дѣтей, и славу, и богатство.

ХІІ.

Было разъ великое собранье
Нищихъ братьевъ. Сотнями пришли
Воины Христа на совѣщанье,
Босоногіе, со всей земли.
Въ Умбріи, въ благословенномъ краѣ,
Собрались толпы учениковъ
На равнинѣ у Сполетто, въ маѣ,
Межъ зеленыхъ сосенъ и цвѣтовъ.
Тамъ, въ поляхъ — не гнѣзда птицъ небесныхъ,
Это — кельи иноковъ святыхъ,
Это — кущи изъ вѣтвей древесныхъ
И зеленыхъ листьевъ молодыхъ.

Все кругомъ объято тишиною, —
Только гуль божественныхъ псалмовъ
Издали сливается порою
Съ пѣньемъ птицъ и шелестомъ дубровъ.
Тамъ, подъ кровлей изъ вѣтвей душистыхъ,
Пахнетъ влажной зеленью въ тѣни,
Тамъ въ молитвахъ и бесѣдахъ чистыхъ
Протекаютъ сладостные дни.
Ни о чемъ не споря, не жалѣя,
На землѣ свободны лишь они —
Межъ царей и межъ рабовъ — одни,
Ничего земного не имѣя.
И въ волненьи весь окрестный край,
Къ нимъ народъ собрался отовсюду,
Хвалятъ Бога и дивятся чуду,
Говорятъ: „сошелъ на землю рай“.
Тамъ, въ поляхъ, за трапезой въ смиреньи
Гордые бароны и князья
Служатъ нищимъ. Люди на мгновенье
Во Христѣ — единая семья.
Въ небѣ солнце грѣетъ и сіяетъ, —
На землѣ Блаженный, простъ и тихъ,
Ходитъ, смотритъ на дѣтей своихъ,
Любитъ всѣхъ и всѣхъ благословляетъ.

Часть вторая.

I.

Онъ скорбѣль и думалъ: „Льется кровь
„Вотъ ужъ третій вѣкъ за гробъ Господень.
„Братъ на брата возстаетъ, любовь
„Угасаетъ, и раздоръ безплоденъ.
„Неужель не кончится во-вѣкъ
„Брань народовъ, стоны жертвъ и крики?
„Не пойметъ безумный человѣкъ,
„Что война — предъ Богомъ грѣхъ великій?..“
Онъ садится на корабль, спѣшитъ
Въ лагерь крестоносцевъ, къ Діаметтѣ,
И мечтаетъ, сердцемъ простъ, какъ дѣти,
Что людей словами убѣдитъ
Кончить брань. А въ лагерьѣ солдаты
И вожди веселіемъ объяты:
Оттого у добрыхъ христіанъ —
Праздникъ, что вчера, во славу Бога
И Святой Пречистой Дѣвы, — много
Перебили плѣнныхъ мусульманъ.
Со словами мира и съ молитвой
Онъ идетъ къ невѣрнымъ въ грозный станъ.

Межъ двумя войсками передъ битвой
По дорогѣ встрѣтился отрядъ
Сарацынъ, и въ плѣнъ святой былъ взятъ.
За шпіона приняли, схватили,
Безоружнаго, связавъ, избили,
Къ полководцу привели въ шатеръ.
Предъ вождемъ довѣрчивый, спокойный,
Онъ, поднявъ свой дѣтски-ясный взоръ,
Говорилъ, что надо кончить войны,
Что у всѣхъ народовъ Богъ одинъ.
Этой рѣчью доброй и простою
Тронуть былъ суровый Мелединъ.
Онъ поникъ въ раздумьи головою
И сказалъ: „Кто бъ ни былъ ты, монахъ, —
„Я тебя обидѣть не позволю:
„Мудрость Господа — въ твоихъ рѣчахъ.
„Съ миромъ отпущу тебя на волю!
„Все, что хочешь, у меня возьми...
„Ты гяуръ иль нѣтъ, но межъ людьми
„Больше всѣхъ ты истиннаго Бога
„Сердцемъ чтишь!“ Францискъ не уходилъ.
Онъ владыку робко спросилъ,
И мольба во взорѣ и тревога:
„Кончитъ ли султанъ войну?“ Въ отвѣтъ
Грозный вождь съ улыбкой молвилъ: „Нѣтъ“.
Но въ подарокъ, пожалѣвъ о гостѣ,
Предложилъ онъ изъ казны своей
Много золота, слоновой кости
И парчи, и дорогихъ камней.
На сокровища не бросивъ взгляда,
Нищій отвернулся и молчалъ,

Головой лишь грустно покачалъ
И шепнулъ: „Миѣ ничего не надо“.
Но готовы слезы изъ очей
Хлынуть, губы у него дрожали,
Какъ порой у маленькихъ дѣтей
Отъ обиды жгучей и печали...
Онъ въ послѣдній разъ съ мольбой взглянулъ
И тихонько вышелъ отъ султана...
Трубный звукъ и топотъ, громъ и гулъ,
Ужъ готовы къ битвѣ оба стана.
„Богъ и Магөметъ Его пророкъ!“
Мусульмане съ вѣрой восклицали,
И съ такой же вѣрой: „Съ нами Богъ!“
Паладины грозно отвѣчали.
Въ жизни первый разъ онъ одинокъ
Межъ людьми. И скорбный, и безмолвный
Онъ уходитъ на морской песокъ,
Гдѣ шумятъ въ пустынѣ только волны.
Палъ на землю, волю давъ слезамъ,
Поднялъ взоръ къ далекимъ небесамъ:
„Господи, они не понимаютъ!“
Шепчетъ, жгучей жалостью объять:
Но ему лишь волны отвѣчаютъ,
Только волны синія шумятъ...

II.

Возвратясь изъ Африки далекой
Къ берегамъ Италиі родной,
Шелъ Францискъ въ печали одинокой
Межъ скалами горною тропой.

Тамъ, въ лазури утренней сія,
Ярче снѣга, — посреди камней
Обнаженныхъ, ворковала стая
Бѣлокрылыхъ, нѣжныхъ голубей.

И сказалъ онъ, подойдя къ подножью
Этихъ горъ, раздуміемъ объять:

„Если люди слушать не хотятъ,
„Пусть же внемлютъ птицы слову Божью!“

И межъ нихъ онъ радостный стоялъ:
Всѣхъ животныхъ въ простотѣ сердечной,
Какъ дѣтей одной природы вѣчной,
Братьями и сестрами онъ звалъ.

„Сестры-птицы, миръ да будетъ съ вами!“

Такъ онъ началъ проповѣдь, и вдругъ
Все затихло. На землѣ рядами,
Слушая, сидятъ онѣ вокругъ.

„Сестры-птицы, громкими хвалами

„Вы должны съ любовью безъ конца

„Каждый день благодарить Творца, —

„Потому что радостно живете,

„Не собирая въ житницы плодовъ,

„Вы въ поляхъ не сѣете, не жнете,

„А Господь подъ зеленую дубровъ

„Васъ укрылъ, заботится о пищѣ,

„Онъ вамъ далъ прекраснѣйшій удѣлъ —

„Свѣтлый, чистый воздухъ, какъ жилище,

„Перьями, какъ ризою, одѣлъ!

„Вотъ за что весь день, лишь лучъ денницы

„Заблестить сквозь утреннюю мглу —

„И до звѣздъ вечернихъ, — пойте, птицы,

„Пойте Богу вѣчную хвалу!“

Онъ умолкъ, — и голуби ликують,
И къ нему головки протянувъ,
Крыльями трепещуть и воркують,
Смотрятъ въ очи, открывая клювъ.
И одинъ въ лазури необъятной
Съ этой стаей бѣлыхъ голубей,
Онъ межъ ними ходитъ, благодатный,
Какъ отецъ — среди своихъ дѣтей.
Ризою касается смиренной
Ихъ головокъ ласковыхъ. Потомъ,
Отпуская Божьихъ птицъ, Блаженный
Осѣнилъ съ любовью ихъ крестомъ.
И взвилась ликующая стая,
И слѣдилъ онъ съ радостнымъ лицомъ
Долго, долго, какъ она, блистая,
Словно бѣлый снѣгъ, подъ солнцемъ тая,
Исчезала въ небѣ голубомъ.

III.

Такъ Францискъ ни отъ кого на свѣтѣ
Съ гордостью не отвращалъ лица:
Божьи твари — всѣ равны, какъ дѣти
Одного Небеснаго Отца.
И онѣ къ нему приходятъ сами,
Къ людямъ позабывъ вражду свою.
Сердцемъ чистъ, онъ въ дружбѣ со звѣрями
Жиль, какъ первый человѣкъ въ раю.

IV.

Разъ въ пещерѣ, въ зимній холодъ, поздно
Ночью, съ молодымъ ученикомъ,

Въ Риво-Торто, надъ стремниной грозной
Онъ сидѣлъ за тлѣющимъ огнемъ.
Все мертво. Надъ пеленою снѣжной
Только звѣзды блѣдныя дрожатъ.
Отрока спросилъ учитель нѣжный:
„Отчего ты грустенъ, милый братъ?“
— „О прости мнѣ, отче! Я горюю
„О семьѣ. Я вспомнилъ мать родную,
„Братьевъ, маленькихъ сестеръ моихъ.
„Скучно мнѣ, душа болитъ о нихъ...“
И Францискъ съ улыбкой состраданья,
Не сказавъ ни слова, но спѣша,
Вышелъ поскорѣй изъ шалаша,
Сталъ лѣпить изъ снѣга изваянья.
Кончивъ, съ торжествующимъ лицомъ,
Онъ, смѣясь, ихъ обошелъ кругомъ
И воскликнулъ: „Гдѣ же ты, Руффино,
„Братецъ, люди снѣжные!.. взгляни,
„Какъ блестятъ надъ бѣлою равниной,
„Какъ тебя привѣтствуютъ они!“
И Руффино вышелъ, грусти полный;
Искрятся при свѣтѣ звѣздъ ночныхъ
Изваянья, блѣдны и безмолвны;
И Францискъ указывалъ на нихъ:
„Вотъ—отецъ твой, мать вотъ—сестры, братья...
„Что жъ ты медлишь? Подойди скорѣй!
„Видишь, какъ имъ холодно, согрѣй,
„Поцѣлуй ихъ, заключи въ объятья!
„Но когда къ груди прижмешь — въ теплѣ
„Изваянья снѣжныя растають
„И умрутъ они, какъ умирають

„Всѣ, кого мы любимъ на землѣ.
 „Не помогутъ ласки и лобзанья!
 „И уйдутъ, уйдутъ они отъ насъ,
 „Исчезая каждый день и часъ,
 „Словно снѣгъ отъ теплаго дыханья!“

V.

Сорокъ дней былъ постъ въ монастырѣ.
 По обѣту братья не вкушали
 Ни плодовъ, ни рыбы. На зарѣ
 Всталъ Францискъ. Еще монахи спали.
 Рядомъ съ нимъ былъ въ кельѣ братъ больной:
 Долгими постами изнуренный,
 Жаждою томясь, во снѣ порой
 Онъ шепталъ, видѣніемъ смущенный:
 „Если бъ могъ я жажду утолить,
 „Подъ зеленой, свѣжей тѣнью сада,
 „Отъ янтарныхъ гроздій винограда,
 „Сокомъ переполненныхъ, вкусить!..“
 Бредъ его послушавъ, къ изголовью
 Подошелъ Францискъ: „Проснись, мой братъ“.
 И заботливѣй, чѣмъ мать, съ любовью,
 Онъ ведетъ его тихонько въ садъ,
 Прямо къ спѣлымъ гроздьямъ винограда.
 Но больной поднять не смѣетъ взгляда:
 Ягоды подъ розовымъ лучемъ,
 Налитыя сокомъ золотистымъ,
 Подъ листомъ широкимъ и росистымъ
 Свѣтятся прозрачнымъ янтaremъ.
 И Блаженный первый къ нимъ склонился,

Немощь плоти съ братомъ раздѣлилъ,
Вмѣстѣ съ нимъ онъ отъ плода вкусилъ.
Чтобъ монахъ нарушить не стыдился
Свой обѣтъ. „Не бойся прогнѣвить
„Господа, — сказала Францискъ, — чтобъ душу
„Брата отъ страданій облегчить,
„Тысячи обѣтовъ я нарушу!
„На себя беру твой грѣхъ. Готовъ
„Дать отвѣтъ во всемъ: я знаю, Боже,
„Милосердые — для Тебя дороже
„Всѣхъ молитвъ, обрядовъ и постовъ!“

VI.

Отъ служенья въ мрачномъ, душномъ храмѣ
Въ садъ порой Блаженный уходилъ.
Тамъ, подъ голубыми небесами,
Цѣлый день съ улыбкой онъ слѣдилъ,
Какъ изъ сердца розы темно-алой,
Изъ тюльпановъ огненныхъ — пчела
Сладкій, ароматный сокъ пила,
И какъ солнце въ ульяхъ озаряло
Восковыя грани нѣжныхъ сотъ,
Гдѣ струился теплый, свѣтлый медъ.
Въ ихъ строены мудрости такъ много,
Что Францискъ у пчелокъ золотыхъ,
Умныхъ маленькихъ сестеръ своихъ,
Познавать учился благость Бога.
И когда въ стыдливой красотѣ
Лилии порой предъ нимъ блистали,
Дольніе цвѣты напоминали

О Цвѣткѣ Небесномъ, о Христѣ —
 Этой блѣдной, сладостной Лилеѣ,
 Выросшей въ долинахъ Галилеи
 И цвѣтущей нынѣ въ небесахъ.
 Тотъ цвѣтокъ наполнилъ, умирая,
 Міръ такимъ благоуханьемъ рая,
 Что проснулись мертвые въ гробахъ.
 Такъ вселенная душъ святого
 Кажется въ гармоніи своей
 Символомъ Единого, Благого,
 Вѣчнаго таящагося въ ней.
 И зоветъ, зоветъ онъ всю природу,
 Бездны, горы, тучи, небеса,
 Землю, воздухъ и огонь, и воду —
 Слить въ одну молитву голоса.
 Чувствуя душой прикосновенье
 Безконечнаго, онъ весь горѣлъ
 И любилъ, и полный вдохновенья,
 Свой великій гимнъ передъ Богомъ пѣлъ:

VII.

„Тебѣ — хвала, Тебѣ — благодаренье,
 „Тебя Единого мы будемъ прославлять,
 „И недостойно ни одно творенье
 „Тебя по имени назвать!

„Хвалите Вѣчнаго за всѣ Его созданья:
 „За брата моего, за Солнце, чье сіянье,
 „Рождающее день —
 „Одна лишь тѣнь,

„О Солнце солнць, о мой Владыко,
„Одна лишь тѣнь —
„Отъ Твоего невидимаго лика!

„Да хвалить Господа сестра моя Луна, —
„И звѣзды, полныя таинственной отрады,
„Твои небесныя лампы,
„И благодатная ночная тишина!
„Да хвалить Господа и братъ мой Вѣтръ летучій,
„Не знающій оковъ, и грозовыя тучи,
„И каждое дыханье черныхъ бурь,
„И утренняя, нѣжная лазурь!

„Да хвалить Господа сестра моя Вода:
„Она — тиха, она — смиренна,
„И цѣломудренно-чиста, и драгоцѣнна!

„Да хвалить Господа мой братъ Огонь — всегда
„Веселый, бодрый, ясный,
„Товарищъ мирнаго досуга и труда,
„Непобѣдимый и прекрасный!

„Да хвалить Господа и наша мать Земля:
„Въ ея родную грудь, во влажныя поля
„Бразды глубокия желѣзный плугъ врѣзаетъ,
„А между тѣмъ она съ любовью осыпаетъ
„Своихъ дѣтей кошницами плодовъ,
„Колосьевъ золотыхъ и радужныхъ цвѣтовъ!

„Да хвалить Господа и Смерть, моя родная,
„Моя великая, могучая сестра!

„Для тѣхъ, кто шель стезей добра,
 „Кто умеръ, радостно враговъ своихъ прощая,
 „Для тѣхъ, ужъ смерти больше нѣтъ,
 „И смерть — имъ жизнь, и тьма могилы — свѣтъ!

„Да хвалить Господа вселенная въ смиренѣ:
 „Тебѣ, о Солнце солнць, — хвала и пѣснопѣнье!“

VIII.

Надъ горами тихо пролетая,
 Въ красотѣ торжественной своей
 Вся дрожитъ и блещетъ ночь нѣмая
 Мириадами живыхъ огней.
 Въ полуснѣ, недвижимый надъ бездной,
 На горахъ Альверно онъ стоялъ,
 Окруженный небомъ ночи звѣздной,
 Одинокій на вершинѣ скалъ,
 И молился горячо. Свѣтлѣло
 Передъ нимъ въ полночной темнотѣ,
 Словно въ блескѣ солнца на Крестѣ,
 Блѣдное, страдальческое тѣло.
 Каплями изъ ранъ сочилась кровь,
 Алая, во мракѣ черной ночи.
 Долу ликъ склоненъ, закрыты очи,
 А въ улыбка — все еще любовь.
 Онъ покорно, тихо умираетъ.
 И Блаженный къ Богу своему
 Поднялъ взоръ. Отъ жалости къ Нему,
 Отъ любви душа изнемогаетъ:
 „О какъ мало я Тебя любилъ,

„Какъ обидѣлъ! Это я гвоздями
„Члены жалкіе пронзивъ, убилъ
„Моего Спасителя грѣхами.
„Господи, я не могу смотрѣть
„Но Твои мученья! Дай мнѣ то же,
„Дай страдать съ Тобою вмѣстѣ, Боже,
„И съ тобою вмѣстѣ умереть.
„Лучше пусть Христось меня осудить,
„Пусть отвергнетъ, — сердцу легче будетъ,
„Только бы не умеръ Онъ, храня
„Кроткій видъ, исполненный смиренья...
„Боже, я не вынесу прощенья,
„Нѣтъ, не надо, не прощай меня!..“

Но Спаситель открываетъ очи,
На Франциска Онъ взглянулъ: въ тотъ мигъ
Взоръ такой любви изъ мрака ночи
Въ глубину души его проникъ,
Что какъ будто въ первый разъ Блаженный
Понялъ, какъ Господь его любилъ,
Понялъ, что за всѣ грѣхи вселенной
Умирая, Онъ людей простилъ.
И Христось къ нему все ближе, ближе,
Онъ — казалось — обнималъ его,
И Францискъ шепталъ съ мольбой: „Возьми же,
„Господи, возьми меня всего!“
И почувствовалъ онъ тѣ же муки,
Какъ Распятый, боль онъ ощутилъ,
Словно кто-нибудь гвоздями руки
И ступени ногъ ему пронзилъ.
Во Христа душой преобразившись,
Вмѣстѣ въ Нимъ былъ распятъ на Крестѣ,

Вмѣстѣ съ Нимъ страдалъ и, съ Богомъ слившись,
 За людей онъ умеръ во Христѣ.
 Къ Небу громкимъ голосомъ взывая,
 Онъ упалъ: „Тебѣ я жизнь мою,
 „Отче, нынѣ въ руки предаю!“
 А надъ нимъ, попрежнему блистая,
 Въ непонятной красотѣ своей,
 Вся дрожить и блещетъ ночь нѣмая
 Мириадами живыхъ огней. .

.

Рано утромъ изъ окрестныхъ келій
 Братья иноки пришли за нимъ.
 Онъ лежалъ на скалахъ недвижимъ,
 И какъ будто отъ гвоздей алѣли
 Язвы на ногахъ, ладоняхъ рукъ,
 На худомъ, прозрачно-блѣдномъ тѣлѣ.
 Въ ужасѣ стояли всѣ вокругъ...

.

Но потомъ открылъ онъ очи вновь.
 Взоръ его былъ полонъ тайнъ небесныхъ,
 Несказанныхъ, и сочилась кровь
 Каплями изъ ранъ глубокихъ, крестныхъ...

IX.

Съ этихъ поръ страданья начались
 Тяжкаго, смертельнаго недуга.
 Разъ отъ всеобщей, полны испуга,
 Блѣдные монахи собрались
 И смотрѣли на его мученья.
 И не въ силахъ боли превозмочь,

Полумертвый, истощивъ терпѣнье,
Онъ метался и стоналъ всю ночь.
Юный братъ въ порывѣ состраданья,
Слыша безконечныя стенанья,
Видя, что ничѣмъ нельзя помочь —
„Господи, — воскликнулъ, — неужели
„Такъ несправедливо и безъ цѣли
„Ты казнишь избранниковъ Твоихъ?“
Услыхалъ больной и вдругъ затихъ,
На монаха поглядѣлъ онъ строго,
И отвѣтъ раздался въ тишинѣ:
„Братъ, какъ смѣешь ты судить во мнѣ
„Милосердые праведнаго Бога?“
Всталъ Францискъ отъ ложа, и съ трудомъ
Опустившись, ницъ упалъ челомъ,
Крѣпко всѣми членами своими,
Трепетными, слабыми, нагими,
Онъ къ землѣ припалъ и цѣловалъ
Землю, руки къ персямъ прижималъ,
Полный безконечнаго смиренья:
„О, Создатель мой, благодарю
„Я за всѣ, за всѣ мои мученья!
„Объ одномъ еще Тебя молю:
„Боль сильнѣе сдѣлай, если надо,
„Я перенесу ее, любя, —
„Потому что все, что отъ Тебя,
„Даже муки — для меня отрада!
„Развѣ не у Господа въ рукахъ —
„Жизнь и смерть, и вся земная доля?
„О Твоя, Твоя да будетъ воля,
„Отче, на землѣ и въ небесахъ!“

X.

Такъ великій духъ въ страданьяхъ росъ.
И огнемъ любви неуголимой
Сердце чистое зажегъ Христось.
Между тѣмъ, какъ духъ неугасимо
Предъ лицомъ Твоимъ горѣлъ, Господь, —
Какъ свѣча предъ образомъ, — сгорала
Отъ болѣзни немощная плоть,
Таяла, какъ воскъ, и умирала.

XI.

Передъ смертью онъ ослѣпъ. Мученье
Каждый день росло. Когда порой
Становилось легче, въ садъ больной
Выходилъ: одно лишь утѣшенье —
На крыльцѣ у двери посидѣть,
И на мигъ измученное тѣло,
Что теряя силы холодѣло, —
Въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ согрѣть.
Разъ, когда въ вечернемъ, кроткомъ свѣтѣ
Онъ дремалъ, монахи принесли
Пару дикихъ горлицъ. Ихъ нашли
Въ полѣ. Бѣдныя попались въ сѣти.
Чтобъ вскормить могли онѣ птенцовъ,
Гнѣздышко подъ кровлей, надъ дверями
Онъ слѣпилъ изъ глины и сучковъ
Слабыми, дрожащими руками.
И веселью не было конца,
Только-что изъ перваго яйца

Вылупился птенчикъ и неловкой
Обнаженной маленькой головкой
Скорлупу пробилъ... Раздался пискъ
Жалобный... Благословилъ Францискъ
Господа за то, что, умирая,
Видѣлъ, какъ рождалась молодая
Жизнь, и свѣтъ еще сильнѣй любя,
Окруженный мракомъ вѣчной ночи,
Къ солнцу поднялъ онъ слѣпыя очи:
„Господи, благодарю Тебя!..“

XII.

Только плоти слабою преградой
Духъ его, какъ тонкою стѣной,
Отдѣленъ отъ Бога. Онъ порой
Говорилъ: „Мнѣ ничего не надо,
„Хорошо и умереть, и жить!“
Такъ Блаженный, землю покидая,
Счастье высшее позналъ — любить,
На любовь въ отвѣтъ любовь встрѣчая.
Чтобы къ Богу въ мирѣ отойти,
Въ темную часовню подъ землю
Онъ велѣлъ себя перенести.
Утѣшаясь бѣдностью святою,
Ризы снялъ и легъ на голый полъ,
И, какъ въ юности, когда одежды
Снявъ съ себя, отъ міра онъ ушелъ, —
Такъ теперь, исполненный надежды.
Онъ съ печатью смерти на челѣ
Все земное отдаетъ землѣ

Незакатный свѣтъ предъ нимъ сіяетъ,
Въ лонѣ Бога духъ его исчезъ, —
Такъ въ лазури утреннихъ небесъ
Бѣлокрылый лебедь утопаетъ.

Старинныя октавы.

(Octaves du passé.)

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

Хотѣлъ бы я начать безъ предисловья,
Но критики на полѣ брани ждуть,
Какъ вороны, добычи для злословья,
Слетаются на каждый новый трудъ
И каркають. Пошли имъ Богъ здоровья.
Я ихъ люблю, хотя въ ихъ толкъ и судь
Не вѣрю: все имъ только брани поводъ...
Пусть вьется надъ Пегасомъ жадный оводъ.

II.

Оболь — Харону: сразу дань плачу
Врагамъ моимъ. — Въ отвагѣ безразсудной
Писать романъ октавами хочу.
Отъ стройности, отъ музыки ихъ чудной
Я безъ ума; поэму заключу
Въ стѣсненныя границы мѣры трудной.
Попробуемъ, — хотъ вольный нашъ языкъ
Къ тройнымъ цѣпямъ октавы не привыкъ.

III.

Чѣмъ цѣль труднѣй — тѣмъ больше намъ отрады:
Коль женщина сама желаетъ ласть,
Побѣдѣ слишкомъ легкой мы не рады.
Зато надъ сердцемъ непокорнымъ власть,
Сопротивленье, холодъ и преграды
Рождаютъ въ насъ мучительную страсть:
Такъ не для всѣхъ доступна, величава,
Подобно гордой женщинѣ, — октава.

IV.

Ужъ я давно мечталъ о ней: рѣзецъ
Ваятеля плѣняетъ мраморъ твердый.
Поборемся же съ риѣмой, наконецъ,
Чтобъ побѣдить языкъ простой и гордый.
Твою печаль баюкають, пѣвецъ,
Тройныхъ созвучій полные аккорды,
И мысль они, какъ волны въ даль несутъ,
Одна другой, звуча, передають.

V.

Но чтобы трудъ былъ легокъ и приятенъ,
Я долженъ знать, что есть въ толпѣ людей
Душа, которой близокъ и понятенъ
Я съ Музою отвергнутой моей.
Да будетъ же союзъ нашъ благодатенъ,
Читатель мой: для двухъ иль трехъ друзей
Безхитростный дневникъ пишу, не повѣсть.
Зову на судъ я жизнь мою и совѣсть.

VI.

И не боюсь оружье дать врагу:
Не всѣ ли мы у смерти, — у преддверья
Верховнаго Суда? — я не солгу,
Въ словахъ моихъ не будетъ лицемѣрья:
Что видѣлъ я, что знаю, какъ могу,
Безъ гордости, стыда иль недовѣрья,
Тому, кто хочетъ слышать, расскажу, —
Живымъ — живое сердце обнажу.

VII.

Тревоги страстной, бурной и весенней
Я не люблю: душа моя полна
И ясностью, и тишиной осенней...
О, вѣчная, святая тишина:
Часть отъ часу свѣтлѣй и вдохновеннѣй
Мнѣ прошлой темной жизни глубина:
Тамъ, въ сумеркахъ горитъ воспоминанье,
Какъ тихое, вечернее сіянье.

VIII.

Отъ шума дня, отъ клеветы людской,
Отъ глупыхъ ссоръ полемики журнальной
Я уношусь къ младенчеству душой —
Туда, туда къ зарѣ первоначальной.
Ужъ кроткая Богиня надо мной
Поникла вновь съ улыбкою печальной,
И я, какъ въ небо, въ очи ей смотрю,
О чистыхъ дняхъ, о дѣтствѣ говорю.

IX.

.Отъ Невскаго съ его толпою чинной
Я уожу къ Невѣ, прозрачнымъ льдомъ
Окованной: люблю гранить пустынный
И Лѣтній Садъ въ безмолвіи ночномъ.
Мнѣ памятенъ печальный и старинный,
Тамъ, рядомъ съ мостомъ двухъэтажный домъ:
Во дни Петра вельможею построень,
Онъ — неуклюжь, и мраченъ, и спокоень.

X.

Свидѣтель грустный юныхъ лѣтъ моихъ,
Вдали отъ жизни, суеты и грома
Столичнаго, попрежнему онъ тихъ.
Тамъ сердцу мелочь каждая знакома:
Узоръ обоевъ въ комнатахъ большихъ,
Подъѣздъ стеклянный, дворъ и окна дома.
Нерадостный, но милый мнѣ пріютъ,
Гдѣ блѣдныя видѣнія встають.

XI.

Забытыя молитвы, сказки няни,
Съ улыбкою твержу я наизусть,
Родныя лица вижу, какъ въ туманѣ...
Тамъ, въ дѣтствѣ счастья было мало, — пусть!
Какъ сумракъ, лунный, даль воспоминаній
Въ поэзію, въ плѣнительную грусть
Все обращаетъ — радость и мученье:
Въ душѣ моей — великое прощенье.

XII.

Чиновникомъ усерднымъ былъ отецъ,
Въ дѣлахъ, въ бумагахъ канцелярскихъ мѣру
Земныхъ трудовъ свершилъ и наконецъ,
Черезъ всѣ ступени, трудную карьеру
Пройдя, упорной воли образецъ,
Былъ опытенъ, зналъ жизнь, людей и вѣру,
Ничѣмъ не сокрушимую, питалъ
Въ практической суровой идеаль.

XIII.

Любилъ семью, — для насъ онъ жилъ на свѣтѣ;
Былъ сердцемъ добръ, но дѣловитъ и строгъ.
Когда порой къ нему являлись дѣти,
Онъ съ ними быть какъ съ равными не могъ.
Я помню дымъ сигары въ кабинетѣ,
Прикосновенье желтыхъ бритыхъ щекъ,
Холодный поцѣлуй, — вся нѣжность наша —
Въ словахъ „bonjour“ иль „bonne nuit, papasha“.

XIV.

И скукою томительной царилъ
Въ семьѣ казенный духъ, порядокъ вѣчный.
Онъ все копилъ, онъ все для насъ копилъ,
Но нашихъ игръ и болтовни безпечной,
И хохота, и шума не любилъ,
Подозрѣвая въ нѣжности сердечной
Лишь баловства избытокъ иль причудъ,
Смотря на жизнь, какъ на печальный трудъ.

XV.

Не тратилось на насъ копейки лишней.
Коль дѣти мимо кабинета шли,
Какъ можно незамѣтнѣй и неслышнѣй
Старались проскользнуть; отъ всѣхъ вдали,
Хранимые лишь волею Всевышней,
Мы въ кучѣ десять человѣкъ росли,
Покинутые нѣмкѣ и природѣ,
Какъ овощи въ забытомъ огородѣ.

XVI.

Володя, Саша, Надя... безъ конца, —
И въ этомъ мертвомъ домѣ мы другъ друга
Любили мало; чтобъ звонкомъ отца
Не потревожить, такъ же какъ прислуга,
Мы приходили съ чернаго крыльца.
А между тѣмъ, не вѣдая досуга,
Здоровья не щадя, отецъ служилъ,
И все копилъ, онъ все для насъ копилъ.

XVII.

Подъ бременемъ запасовъ гнулись полки
Въ березовыхъ шкапахъ — мѣха, фарфоръ,
Бѣлье, игрушки, лакомства для Елки.
Зайдешь, бывало, въ пыльный корридоръ,
Во внутренность шкаповъ глядишь сквозь щелки,
И то, чего не видишь, манитъ взоръ,
И чувствуешь въ восторгѣ молчаливомъ,
То миндалемъ пахнетъ, то черносливомъ.

XVIII.

Я съ ключницей всегда ходить былъ радъ
Въ таинственный подвалъ, гдѣ кладовая.
Здѣсь тоже длинные шкапы стоятъ;
На мрачныхъ сводахъ — плѣсень вѣковая,
Мѣшковъ съ картофелемъ и банокъ рядъ...
Трещить тихонько свѣчка, догорая,
И мышь изъ-подъ огромнаго кула
На насъ глядитъ, усами шевеля.

XIX.

И только разъ въ году на именинахъ
Вся роскошь вдругъ являлась на столѣ.
Сидѣли дамы въ пышныхъ кринолинахъ
И старички — рядъ лицъ, какъ въ полумглѣ
На старомодныхъ, выщѣтшихъ картинахъ...
И въ мараскинномъ трепетномъ желѣ
Свѣча, пріятнымъ пламенемъ краснѣя,
Мерцала — тонкихъ поваровъ затѣя.

XX.

Но важный видъ гостей пугаль меня...
Холодныхъ блюдей — остатковъ именинной
Трапезы намъ хватало на три дня.
Все приходило вновь въ порядокъ чинный:
Сесъ и сидѣла, скучный видъ храня,
Съ учительницей музыки въ гостиной, —
Навстрѣчу раннимъ пасмурнымъ лучамъ
Былъ слышенъ звукъ однообразныхъ гаммъ.

XXI.

Унылый знакъ привычекъ экономныхъ, —
Торжественная мебель — вся въ чехлахъ.
Но чудилась мнѣ тайна въ нишахъ темныхъ,
Въ двухъ гипсовыхъ амурахъ, въ зеркалахъ,
Въ чуланахъ низкихъ, въ комнатахъ огромныхъ, —
Все навѣвало непонятный страхъ;
И скучную казенную квартиру
Уподоблялъ я сказочному міру.

XXII.

Мнѣ житія угодниковъ святыхъ
Разсказывала няня, какъ съ бѣсами
Они боролись въ пѹстыняхъ глухихъ.
Почтенная старушка въ бѣдномъ хламѣ
Межъ душегрѣекъ въ сундукахъ своихъ
Хранила четки, ладонку съ мощами
И крестика Аѳонскаго янтарь.
Я узнавалъ, какъ люди жили встарь;

XXIII.

Какъ нѣкое заклятіе трикраты
Монахъ надъ чернымъ камнемъ произнесъ
И въ воздухѣ разсыпался проклятый,
Подобно стаѣ вороновъ, утесъ:
Я слушалъ няню, трепетомъ объятый
И любопытствомъ, полный чудныхъ грѣзъ,
Отъ ужаса я Отче нашъ въ кроваткѣ
Твердилъ всю ночь въ мерцаніи лампадки.

XXIV.

Позналъ я нѣгу безотчетныхъ грѣзъ,
Позналъ я грусть, — чуть вышелъ изъ пеленокъ.
Рождало все мучительный вопросъ
Въ душѣ моей; запуганный ребенокъ,
Всегда одинъ, въ холодномъ домѣ росъ
Я безъ любви, угрюмый, какъ волченокъ,
Боясь лица и голоса людей,
Дичился братьевъ, бѣгалъ отъ гостей

XXV

И ждалъ чудесъ въ тревогѣ непрестанной:
Порой не могъ заснуть и весь дрожалъ,
Все кто-то длинный, длинный и туманный,
Чернѣе мрака въ комнатѣ стоялъ..
Мнѣ ужасъ вѣялъ въ душу несказанный,
И громко звалъ я няню, и кричалъ.
И старшіе, вокругъ моей постели,
То на меня сердились, то жалѣли.

XXVI.

И лакомствъ мнѣ давала мать, отецъ
Шутилъ; его насмѣшливыя рѣчи
Я слушалъ молча, блѣдный, какъ мертвецъ.
И приносили въ спальню лампы, свѣчи:
— „Вонъ тамъ, въ углу... смотрите!..“ — Наконецъ
Онъ исчезалъ; но жду я новой встрѣчи
Съ Невѣдомымъ и знаю, что опять
Его предъ смертью долженъ увидать.

XXVII.

Съ тѣхъ поръ донынѣ въ буряхъ и въ покоѣ,
Бѣгу ли я въ толпу или подъ сѣнь
Дубравъ пустынныхъ, — чую роковое
Всегда, вездѣ, — и въ самый свѣтлый день.
То древнее, безумное, ночное
Присутствуетъ въ душѣ моей, какъ тѣнь,
Какъ ужаса непобѣдимый трепеть,
Какъ вѣщей Парки неотвязный лепеть.

XXVIII.

Но на прогулку съ нянею спѣша,
Въ знакомой лавкѣ у Цѣпного моста
Я покупалъ себѣ на два гроша
Коврижки бѣлой, твердой, какъ береста,
И утреннюю свѣжестью дыша,
Опять на мѣръ смотрѣлъ легко и просто
И для меня былъ счастья вѣнецъ
Малиновый прозрачный леденецъ.

XXIX.

Въ суровомъ домѣ, мрачномъ, какъ могила,
Во мнѣ лишь ты, родимая, спасла
Живую душу, и святая сила
Твоей любви отъ холода и зла,
Отъ гибели ребенка защитила;
Ты ангеломъ хранителемъ была,
Многострадальной нѣжностью твоею
Мнѣ все дано, что въ жизни я имѣю.

XXX.

Отецъ сердился, вреднымъ баловствомъ
Считалъ любовь; бывало, ты украдкой
Меня спѣшила осѣнить крестомъ,
Склонясь въ лампадномъ свѣтѣ надъ кроватью,
И засыпалъ я безмятежнымъ сномъ
При шепотѣ твоей молитвы сладкой,
Но чувствовалъ сквозь поцѣлуй любви
Я жалобы безмолвныя твои.

XXXI.

Однажды денегъ взявъ Богъ вѣсть откуда,
Она тайкомъ осмѣлилась купить
Игрушку мнѣ, чудеснаго верблюда;
Отецъ увидѣлъ, сталъ ее бранить.
Внутри была бисквитовъ сладкихъ груда:
И жадности не могъ я побѣдить, —
За мать страдая, молча, — какъ убитый, —
Я съ горькими слезами ѣлъ бисквиты.

XXXII.

Когда на службѣ былъ отецъ съ утра,
Мать въ кабинетъ за столъ меня пускала.
Я помню дѣлъ казенныхъ нумера,
Сургучъ, портретъ старинный генерала,
Изъ хризолита ручку для пера,
Изъ камня цвѣта млечнаго опала
Коробочку для марокъ, ножъ, бюваръ,
Карандаши и ящикъ для сигаръ:

XXXIII.

Предметы жадныхъ, робкихъ наслажденій!..
 Но какъ-то разъ я рукавомъ свалилъ
 Чернильницу съ головкою оленьей:
 Ни живъ, ни мертвъ, смотрю, какъ потопиль
 (Что мнѣ казалось верхомъ преступленій)
 Зеленое сукно потокъ чернилъ.
 Вдругъ — голоса, шаги отца въ передней;
 Вотъ, думаю, пришелъ мой часъ послѣдній

XXXIV.

Я убѣждалъ, чтобъ грознаго лица
 Не увидать; и начались упреки,
 Неумолимый гнѣвный крикъ отца,
 На трату денегъ вѣчные намеки,
 И оправданья мамы безъ конца.
 Я понималъ, что грубы и жестоки
 Его слова, и слышалъ я мольбы,
 Усилия безпомощной борьбы...

XXXV.

Въ нихъ — долгихъ лѣтъ покорная усталость. —
 Хотя бы могъ я розогъ ожидать, —
 Лишь простоялъ въ углу за эту шалость:
 Спасла меня заступничествомъ мать.
 Я чувствовалъ мучительную жалость,
 Семейныхъ драмъ не въ силахъ угадать,
 За маму, тихій и покорный съ виду,
 Я затаилъ въ душѣ моей обиду.

XXXVI.

И съ нею вмѣстѣ я жалѣлъ себя:
Подъ одѣяломъ спрятавшись въ кроваткѣ,
Молился я, родная, за тебя,
Твой поцѣлуй въ бреду и лихорадкѣ,
Твое дыханье чувствовалъ, любя:
Такъ жгучія тѣ слезы были сладки,
Что, все прощая, думалъ объ отцѣ
Я съ радостной улыбкой на лицѣ.

XXXVII.

Онъ не чины, не ордена, не ленты
Наградою трудовъ своихъ считалъ:
Въ невидимо растушіе проценты,
Въ незыблемый и вѣчный капиталъ,
Въ святыню денежныхъ бумагъ и ренты,
Какъ въ добродѣтель, вѣру онъ питалъ,
Хотя и не былъ скупъ, но слишкомъ долго
Для денегъ портилъ жизнь изъ чувства долга.

XXXVIII.

Чиновникъ съ дѣтства до сѣдыхъ волосъ,
Житейскій умъ, суровый и негибкій,
Не думая о счастья, молча несъ
Онъ бремя скучной жизни безъ улыбки,
Безъ малодушья, ропота и слезъ,
Не вѣдая ни страсти, ни ошибки.
И добродѣтельная жизнь была —
Какъ въ сѣрыхъ мутныхъ окнахъ — дождь и мгла.

XXXIX.

Кругомъ въ семьѣ царила безмятежность:
 Дѣтей обилѣе — Божья благодать, —
 Приличная супружеская нѣжность.
 За насъ отецъ готовъ былъ жизнь отдать...
 Но вѣчныхъ мукъ предвидя неизбѣжность,
 Уже давно имъ покорилась мать:
 Въ хозяйствѣ, въ кухнѣ, въ дѣтской мелочами
 Ее онъ мучилъ цѣлыми годами.

XL.

Безъ горечи не проходило дня.
 Но съ мужествомъ отчаянья, ревниво,
 Послѣдній въ жизни уголокъ храня,
 То хитростью, то лаской боязливой,
 Она съ отцомъ боролась за меня.
 Онъ уступалъ съ враждою молчаливой,
 Но дружба наша крѣпла, и вдвоемъ
 Мы жили въ тихомъ уголкѣ своемъ.

XLI.

Съ нимъ долгій путь она прошла не даромъ:
 Я помню мамы вѣчную мигрень,
 Въ лицѣ уже больномъ, хотя не старомъ,
 Унылую, страдальческую тѣнь...
 Я цѣловалъ ей руки съ дѣтскимъ жаромъ, —
 Души я помню, — бѣлую сирень...
 И пальцы были тонкимъ цвѣтомъ кожи
 На руки дѣвственныхъ Мадоннъ похожи...

XLII.

О, только бы опять увидѣть васъ
И послѣ долгихъ, долгихъ дней разлуки
Поцѣловать еще единый разъ,
Давно въ могилѣ сложенныя руки!
Когда придетъ и мой послѣдній часъ, —
Ужели тамъ, гдѣ нѣтъ ни зла, ни муки, —
Ужель напрасно я горюя жду, —
Что къ вамъ опять устами припаду?

XLIII.

Отецъ по службѣ ѣздилъ за границу,
На попеченье старой нѣмки домъ
Съ дѣтьми покинувъ; и старушка въ Ниццу
Писала аккуратно обо всемъ.
Порой отъ мамы нѣжную страницу
Съ отцовскимъ краткимъ дѣловымъ письмомъ
И съ ящичкомъ конфетъ мы получали,
И забывалъ я о моей печали.

XLIV.

Бывало, съ горстью лакомыхъ конфетъ,
Съ растрепаннымъ Арабскихъ Сказокъ томомъ
Садился я туда, гдѣ ярче свѣтъ
Знакомой лампы на столѣ знакомомъ,
И большаго, казалось, счастья нѣтъ,
Чѣмъ шоколадъ съ благоуханнымъ ромомъ.
Быль сумерекъ уютный тихій часъ;
Въ стеклѣ шумѣлъ голубоватый газъ.

XLV.

Я до сихъ поръ люблю, Шехеразада,
Твоихъ султановъ, евнуховъ и женъ,
Скитаньями волшебными Синдбада
И лампой Алладиновой плѣненъ. —
Порой — увы! — среди чудесъ Багдада
Я, лакомствомъ и книгой увлеченъ,
Мать забывалъ, какъ забываютъ дѣти, —
Какъ будто не было ея на свѣтѣ,

XLVI.

И только въ горѣ вспоминалъ опять. —
Изъ Ревеля почтенная старушка
Умѣла такъ хозяйствомъ управлять,
Чтобъ лишняя не тратилась полушка:
Случится ль дѣтямъ что-нибудь сломать,
Въ буфетѣ ль чая пропадетъ осьмушка, —
Она весь домъ бранила безъ конца,
Предвидя строгій выговоръ отца.

XLVII.

Я помню туфли, темные капоты,
Сѣдыя букли, круглые очки,
Чепецъ, морщины, полныя заботы,
И ночью трепеть старческой руки,
Когда она записывала счета
И все твердила: „Рубль за башмаки...
Картофель десять, масло три копейки“ ...
И цифру къ цифрѣ ставила въ линейки.

XLVIII.

Старушки тѣнь я видѣлъ на стѣнѣ
Огромную, поднять не смѣя взгляда:
И магіей порой казались мнѣ
Всѣ эти банки, шпильки и помада,
Щипцы на свѣчкѣ въ трепетномъ огнѣ, —
Отъ нихъ знакомый ѣдкій запахъ чада:
Она сѣдую жиденькую прядь
Привыкла на ночь въ букли завивать.

XLIX.

До старости была она кокеткой:
И сморщившись давно, и пожелтѣвъ, —
Хотя у насъ бывали гости рѣдко, —
Съ лукавствомъ трогательнымъ старыхъ дѣвъ
Шиньонъ свой древній, съ новой черной сѣткой,
На голову дрожашую надѣвъ,
Еще пришпилить красненькую ленту,
И какъ бѣдняжка рада комплименту!

L.

Душа моя печальна и свѣтла,
И жалко мнѣ моей старушки дряхлой.
Священна жизнь, хотя бы то была
Невидимая жизнь былинки чахлой.
Мы любимъ, славя громкія дѣла,
Чтобъ отъ людей великихъ кровью пахло, —
Но подвигъ есть и въ сѣрыхъ скучныхъ дняхъ,
Въ невидимыхъ презрѣнныхъ мелочахъ.

LI.

Старушки взглядъ всегда былъ живъ и зорокъ:
Къ намъ дѣвушкой молоденькой вошла
И посѣдѣла, сгорбилась, лѣтъ сорокъ
Съ дѣтьми возилась, жизнь имъ отдала.
Ей каждый грошъ чужой былъ святъ и дорогъ...
Амалии Христьяновнѣ — хвала:
Она свершила подвигъ безъ награды.
Какъ мало въ жизни было ей отрады!

LII.

Какъ много скуки, горестныхъ минутъ,
Людскихъ обидъ, и холода, и злости!
И вотъ она забыта, и гнѣють
Въ невѣдомой могилѣ на погостѣ,
Найдя послѣдній отдыхъ и пріютъ,
Измученныя старческія кости...
Какъ по землѣ — тѣней людскихъ тьмы темъ, —
И ты прошла, — Богъ вѣсть куда, зачѣмъ...

LIII.

Увы, что значить эта жизнь? Надъ нею,
Какъ надъ загадкой темною, стою,
Мучительнѣй, чѣмъ надъ судьбой твоею,
Герой безсмертный, — душу предаю
Вопросамъ горькимъ, отвѣчать не смѣю...
Невѣдомыхъ героевъ я пою.
Простыхъ людей, о Муза, помоги мнѣ
Возславить міру въ сладкозвучномъ гимнѣ.

LIV.

Да будутъ же стихи мои полны
Гармоніей спокойной и унылой.
Ничтожество могильной тишины
Мгновенный шумъ великихъ дѣлъ покрыло:
Послѣдній будетъ первымъ, — всѣ равны.
Какъ то поютъ, что въ древнемъ Римѣ было, —
Въ торжественныхъ октавахъ я пою
Амалию Христьяновну мою.

LV.

Старушка Эмма у нея гостила
Въ очкахъ и тоже въ букляхъ, какъ сестра. —
Я помню всѣхъ, кого взяла могила,
Какъ будто видѣлъ лица ихъ вчера. —
Амалия Христьяновна любила,
Съ ней наслаждаясь кофеємъ съ утра
И ревельскими кильками въ жестянкахъ, —
Посплетничать о кухнѣ и служанкахъ.

LVI.

Былъ мужъ ея предобрый старичокъ
Въ ермолкѣ съ трубкой; кофту, вмѣсто шубы,
Онъ надѣвалъ и длинный сюртучокъ,
Съ улыбкой дѣтской морщилъ ротъ беззубый.
Пусть мелочи ненужныхъ этихъ строкъ
Осудить вѣкъ нашъ дѣловой и грубой, —
Но я люблю на прозѣ давнихъ лѣтъ
Поэзіи вечерній полусвѣтъ...

LVII.

На Островахъ мы лѣто проводили :
Вокругъ дворца я помню древній садъ,
Куда гулять мы съ нянею ходили, —
Оранжереи, клумбы и фасадъ
Двухъ флигелей въ казенномъ важномъ стилѣ,
Дорическихъ колоннъ высокій рядъ,
Террасу, дворъ и палисадникъ тощій,
И жидкія Елагинскія рощи.

LVIII.

Тамъ дѣтскую почувствовалъ любовь
Я къ нашей бѣдной сѣверной природѣ.
Я съ прошлогодней ласточкою вновь
Здоровался и бѣгалъ на свободѣ,
И съ радостнымъ волненіемъ морковь
И огурцы сажалъ на огородѣ,
Ходилъ съ тяжелой лейкою на прудъ :
Блаженствомъ новымъ мнѣ казался трудъ.

LIX.

Въ двухъ грядкахъ всѣ работы земледѣлья
Я находилъ, про цѣлый міръ забывъ . . .
О, гдѣ же ты, безумнаго веселья
Давно уже невѣдомый порывъ,
И суета, и хохоть новоселья.
„Milch trinken, Kinder!“ форточку открывъ,
За шалость дѣтямъ погрозивъ сначала,
Амалія Христьяновна кричала.

LX.

И ласточекъ летѣвшихъ черезъ дворъ,
Былъ вешній крикъ пронзительнъ и молодъ...
Я помню первый чай на дачѣ, соръ
Раскупоренныхъ ящиковъ и холодъ
Сквозного вѣтра, длинный корридоръ
И послѣ игръ счастливый, дѣтскій голодъ
И теплый хлѣбъ съ холоднымъ молокомъ
Въ зеленыхъ чашкахъ съ тонкимъ ободкомъ —

LXI.

Позолоченымъ: ихъ любили дѣти, —
Особенная прелесть въ нихъ была.
Въ сосновомъ, пахнущемъ смолой, буфетѣ
Стоялъ сервизъ для дачнаго стола.
Съ тѣхъ поръ забылъ я многое на свѣтѣ —
Любовь, обиды, важныя дѣла,
Но, кажется, до смерти помнить буду
Ту милую зеленую посуду.

LXII.

И связанъ съ ней былъ чудный лѣтній сонъ
Всегда одинъ и тотъ же, мимолетный,
Чѣмъ облачныя тѣни, озаренъ
Таинственнымъ лучемъ, — и беззаботный
Я ничего не знаю: дальній звонъ,
Какъ будто тихій благовѣстъ субботный...
Большая комната, — гдѣ солнца нѣтъ,
Но внутренній, прозрачно-мягкій свѣтъ...

LXIII.

Гляжу на свѣтъ, не удивляясь чуду,
И не могу насытить жадный взоръ...
На длинныхъ полкахъ вижу я посуду, —
Пронизанный сіяніемъ фарфоръ,
И золотой, и разноцвѣтный, всюду —
На чашкахъ бѣлыхъ, тоненькихъ — узоръ...
Я — какъ въ раю, — такая въ сердцѣ сладость
И чистота, и неземная радость.

LXIV.

Той радостью душа еще полна,
Когда проснусь, бывало: я безпечень
И тихъ весь день подъ обаяніемъ сна.
Хотя для сердца памятенъ и вѣченъ,
Какъ молодость, какъ первая весна, —
О милый сонъ, ты былъ недолговѣченъ
И въ темные порочные года
Уже не повторялся никогда.

LXV.

Я полюбилъ Эмара, Жюля Верна,
И Робинзонъ въ тѣ дни былъ мой кумиръ.
Я темными колодцами — безмѣрна
Ихъ глубина — сходилъ въ подземный міръ,
И быстрота была неимовѣрна,
Когда помчался въ бомбѣ чрезъ эфиръ
Я на луну; мечтой любимой стали
Мнѣ корабли подводные изъ стали.

LXVI.

Я находилъ въ Елагинскихъ поляхъ
Пустынные и дикіе Тампасы;
Блуждалъ — въ пріютѣ воробьевъ — въ кустахъ
Черемухи, какъ Немо, Гаттерасы
Иль Робинзоны въ дѣвственныхъ лѣсахъ.
Я ждалъ порой межъ тощихъ пальмъ террасы
Среди безумныхъ и блаженныхъ игръ,
Что промелькнетъ гиппопотамъ иль тигръ.

LXVII.

Я не забуду въ темномъ переплетѣ
Разорванныхъ библіотечныхъ книгъ.
Фантазія въ младенческомъ полетѣ
Не вѣдала покоя ни на мигъ:
Я жилъ въ волненьи вѣчномъ и заботѣ, —
Мнѣ въ каждой ямѣ чудился тайникъ
И ходъ подземный въ глубинѣ сѣрая.
Какъ я мечталъ, дрожа и замирая;

LXVIII.

Какъ жаждалъ я открытыя новыхъ странъ!
Готовъ принять былъ дачниковъ семейныхъ
За краснокожихъ, прудъ — за океанъ,
И часто, полный грезъ благоговѣйныхъ,
Заглядывалъ въ таинственный чуланъ
Съ осколками горшковъ оранжерейныхъ,
И на чердакъ зайдя иль сѣноваль,
Америку, казалось, открывалъ.

LXIX.

Я съ братьями ходить любилъ по крышѣ,
Чтобъ сапогами не гремѣтъ, — въ чулкахъ.
Я въ ужасѣ просилъ ихъ: „тише, тише, —
„Амалія Христьяновна!..“ Въ ухахъ
Быль вѣтра свистъ, и мнѣ хотѣлось выше.
У спутниковъ на лицахъ видѣлъ страхъ, —
Но самъ душою страху недоступной
Я наслаждался волею преступной.

LXX.

За погребомъ былъ гладкій, какъ стекло,
И сонный прудъ; на немъ плескались утки;
Плакучей ивы старое дупло,
Гдѣ свѣсились корнями незабудки,
Потопленное, мохомъ обросло;
Играютъ въ тинѣ желтыя малютки —
Семья утятъ, и чертитъ легкій кругъ
По влагѣ быстрый водяной паукъ.

LXXI.

Я съ книгой такъ садился межъ вѣтвями,
Чтобъ за спиной конюшни были, домъ
И клумбы мнѣ противныя съ цвѣтами,
И видя только чашу ивъ кругомъ
И дремлющую воду подъ ногами,
Воображалъ себя въ лѣсу глухомъ:
Такъ страстно мнѣ хотѣлось, чтобы дикимъ
Быль Божій міръ, пустыннымъ и великимъ.

LXXII.

И каждой смѣлой вѣткой дорожа,
Я возмущался, что по глупой модѣ
Акаціи стригутъ, или служа,
Казенному обычаю въ природѣ, —
Метутъ въ лѣсу тропинки сторожа.
Стремясь туда, гдѣ нѣтъ людей, къ свободѣ, —
Прибивъ доску межъ двухъ вѣтвей къ соснѣ,
Я гнѣздышко устроилъ въ вышинѣ;

LXXIII.

И каждый день взлѣзалъ къ нему, какъ бѣлка.
За длинною просѣкою вдали
Виднѣлася Елагинская Стрѣлка,
На блѣдномъ тихомъ взморѣ корабли;
Нева желтѣла тамъ, гдѣ было мелко...
Какъ по дорожкамъ дачники ползли,
Я наблюдалъ съ презрѣньемъ, гордъ и веселъ,
И голый сукъ казался мягче кресель.

LXXIV

Идетъ лакей придворный по пятамъ
Сѣдой и чинной фрейлины-старушки...
Здѣсь модные духи пріѣзжихъ дамъ —
И запахъ первыхъ листьевъ на опушкѣ,
И разговоръ французскій — пополамъ
Съ таинственнымъ пророчествомъ кукушки,
И смѣшанное съ дымомъ папирось
Вечернее дыханье блѣдныхъ розъ...

LXXV.

Въ оранжереи, къ плотничьей артели
Я уходилъ: тамъ острая пила
Визжала, стружки бѣлыя летѣли,
И съ дерева янтарная смола,
Какъ будто кровь изъ раны въ нѣжномъ тѣлѣ,
Сіяющими каплями текла;
Мнѣ нравился ихъ ярославскій говоръ,
Когда шутилъ съ работниками поваръ,

LXXVI.

Спѣша на ледникъ съ блюдомъ черезъ дворъ;
И бралъ отъ нихъ рукою неискусной
Я долото, рубанокъ иль топоръ,
Изъ котелка любилъ я запахъ вкусный,
И щи, и ложекъ липовыхъ узоръ;
При звукахъ пѣсни ихъ живой и грустной
Кого-то вдругъ мнѣ становилось жаль:
Я сердцемъ чуялъ русскую печаль...

LXXVII.

Мы подъ дворцомъ Елагинскимъ въ подвалѣ
Однажды дверь открытую нашли:
Мышей летучихъ тѣни ужасали,
Когда мы въ темный корридоръ вошли;
Казалось намъ, что лабиринтъ едва ли
Ведеть не къ сердцу матери-земли.
Затрепетавъ, упалъ отъ спички сѣрной
На плѣсень влажныхъ сводовъ лучъ невѣрный.

LXXVIII.

Не долетаетъ шумъ дневной сюда;
Столѣтнимъ мохомъ кирпичи покрыты,
Сочится съ низкихъ потолковъ вода;
Сквозь щель, сіянемъ голубымъ облиты,
Роняя на полъ слезы иногда,
Неровные бѣлѣютъ сталактиты
Въ могильномъ снѣ... Какъ солнцу я былъ радъ,
Изъ глубины подземной выйдя въ садъ.

LXXIX.

Вдыхая запахъ влажный и тяжелый
Медовыхъ травъ, черезъ гнилой заборъ
Перескочивъ, отважный и веселый,
Въ кустахъ малины крадусь я, какъ воръ;
Надъ парникомъ съ жужжаньемъ вьются пчелы,
И какъ рубинъ, виситъ, чаруя взоръ,
Подъ свѣжими пахучими листьями
Смородина прозрачными кистями.

LXXX.

Съ младенчества людей плѣняетъ грѣхъ:
Я съ жадностью незрѣлый ѣмъ крыжовникъ,
Затѣмъ, что плодъ запретный слаще всѣхъ
Плодовъ земныхъ; царапаетъ шиповникъ
Лицо мое, и, возбуждая смѣхъ,
Напрасно пугало твое, садовникъ,
Какъ символъ добродѣтели стоитъ,
Храня торжественный и глупый видъ.

LXXXI.

Елагинъ пусть, — вдали умолкъ коляски
 Послѣдній гуль, и бѣлой ночи свѣтъ
 Тамъ, надъ заливомъ полонъ тихой ласки,
 Какъ неземной таинственный привѣтъ, —
 Все мягкія болѣзненные краски...
 Далекой тони черный силуэтъ,
 Кой-гдѣ межъ дачъ овесъ и тощій клеверъ...
 Тебя я помню, бѣдный, милый Сѣверъ!

LXXXII.

Когда сквозь дымъ полуденныхъ лучей
 Съ утесовъ Капри вижу даль морскую,
 О сумракѣ березовыхъ аллей
 Я съ нѣжностью задумчивой тоскую:
 Люблю унынье сѣверныхъ полей
 И блѣдную природу городскую,
 И сосенъ тѣнь, и съ милой кашкой лугъ,
 Люблю тебя, Елагинъ, старый другъ.

LXXXIII.

Но скоро дни заботъ пришли на смѣну
 Веселымъ днямъ, и въ мрачный старый домъ
 Вернулся вновь я къ духотѣ и плѣну.
 И въ комнатѣ передъ моимъ окномъ
 Неумолимую глухую стѣну
 Донынѣ помню: видъ ея знакомъ
 До самыхъ мелкихъ трещинокъ и пятенъ,
 Казенный желтый цвѣтъ былъ непріятенъ.

LXXXIV.

Разносчицы вдали я слышать могъ
Пѣвучій голосъ: „ягода морошка“.
Небесъ едва былъ виденъ уголокъ
Надъ крышами, гдѣ пробиралась кошка
И трубочистъ; со сливками горшокъ
Кухарка ставитъ въ ящикъ за окошко;
И какъ воркуетъ пара голубей,
Я слышу въ тихой комнатѣ моей.

LXXXV.

Когда же Лѣтній Садъ увидѣлъ снова,
Я оцѣнилъ свободу лѣтнихъ дней.
Съ презрѣніемъ, не говоря ни слова,
Со злобою смотрѣлъ я на дѣтей,
Играющихъ у дѣдушки-Крылова,
И всѣмъ чужой, одинъ въ толпѣ людей
Старался няню, гордый и пугливый,
Я увести къ аллеѣ молчаливой.

LXXXVI.

Въ сквозной тѣни трепещущихъ березъ
На мраморную нимфу или фавна
Смотрѣлъ я, полный нелюдимыхъ грезъ;
И статуя Тиберія забавна, —
Меня смѣшилъ его отбитый носъ,
Замаскою приклеенный недавно.
Сентябрь дубы и клены позлащаль,
Крикъ ворона ненастье предвѣщаль...

LXXXVII.

Стучится дождь однообразно въ стекла.
 Къ экзаменамъ готовлюсь я давно,
 Зѣвая, годъ рожденья Ѡемистокла
 Твержу уныло и смотрю въ окно:
 Въ грязи шагая, охтенка промокла...
 И сердце скукой мертвою полно.
 Рѣшить не въ силахъ трудную задачу,
 Надъ грифельной доской едва не плачу.

LXXXVIII.

Но вотъ пришелъ великій грозный часъ:
 Вступая въ храмъ классической науки,
 Чтобы держать экзамень въ первый классъ, —
 Я полонъ дикой робости и муки.
 Смотрю въ тетрадь, не подымая глазъ,
 Лицо въ чернилахъ у меня и руки,
 И подъ диктовку въ словѣ „осѣнять“
 Не знаю, что поставить — е иль ѣ.

LXXXIX.

Я помню мѣсто на второй скамейкѣ,
 Подъ картою Австраліи, для книгъ
 Мой пыльный ящикъ, карандашъ, линейки,
 Казенной формы узкій воротникъ,
 Мучительный для дѣтской, тонкой шейки.
 Спряженіе глаголовъ я постигъ
 Съ большимъ трудомъ; и вотъ я — въ новомъ мірѣ,
 Гдѣ божество — директоръ въ вицмундирѣ.

ХС.

Отъ слезъ дрожаль невѣрный голосокъ
Когда твердилъ я: *lupus... conspicavit...*
In ture pascebatur... и не могъ
Припомнить дальше; единицу ставить
Мнѣ золотушный нѣмецъ педагогъ.
Томительная скука сердце давить:
Потратили мы чуть не цѣлый годъ,
Чтобы пѣнять отличие *quin* и *quod*;

ХСІ.

А говорить по-русски не умѣли.
И въ сокровенный смыслъ частицы *ut*
Стараясь вникнуть, съ каждымъ днемъ глупѣли.
Гимнастика ума — полезный трудъ,
Направленный къ одной великой цѣли:
Намъ выправку казенную дадутъ
Для русскаго, чиновничьяго строя,
Бумагъ, служебныхъ дѣлъ и геморроя.

ХСІІ.

Такъ укрощали въ молодыхъ сердцахъ
Вольнолюбивыхъ мыслей духъ зловредный;
Теперь уже о дѣвственныхъ лѣсахъ,
О странствіяхъ далекихъ мальчикъ бѣдный
Не помышлялъ: потухла жизнь въ очахъ.
Въ мундиръ затянуть, худенькій и блѣдный,
По петербургской слякоти пѣшкомъ
Я возвращался въ нашъ холодный домъ.

XCIII.

Манить ребенка воля перестала:
Цариль надъ нами духъ военныхъ ротъ.
Какъ въ тонкихъ стѣнкахъ твоего кристалла,
Гомункулъ, умный маленькій уродъ,
Душа безъ жизни въ дѣтяхъ жить устала...
Болѣзненный и худосочный родъ —
Къ молчанію, къ терпѣнью предназначень,
Чуть не съ пеленокъ, дѣловитъ и мраченъ.

XCIV.

Въ тотъ часъ, какъ темной грифельной доски
И словарей коснулся лучъ послѣдній
Туманнаго заката, и тоски
Напѣвъ былъ полонъ въ комнатѣ сосѣдней
Старухи няни, штопавшей чулки, —
Далекій шумъ слышался въ передней...
Мнѣ было скучно, и на груды книгъ
Я головой усталою поникъ...

XCV.

Вдругъ голосъ мамы, шорохъ платья милый,
Ея шаговъ знакомый легкій звукъ...
Я поблѣднѣлъ и алгебры постылой
Учебникъ на полъ выронилъ изъ рукъ.
Не отъ любви съ неудержимой силой
Забилось сердце, — это былъ испугъ:
Я въ классицизмѣ, въ мертвомъ книжномъ хламѣ
Такъ одичалъ, что позабылъ о мамѣ

XCVI.

За годъ разлуки: какъ угрюмый звѣрь
Со злобою смотрѣлъ на злыя лица
Учителей; казалася теперь
Мнѣ падежей неправильныхъ таблица
Важнѣй любви... Отъ матери за дверь
Я спрятался; какъ пойманная птица
Дрожалъ въ углу, безмолвіе храня, —
И вдругъ она увидѣла меня..

XCVII.

Но я ужъ самъ къ ней бросился въ объятъя,
Про все забывъ, — сестеръ не слышалъ крикъ
И не видалъ, какъ прибѣжали братья,
Закрывъ глаза, къ ея груди приникъ,
Вдыхая тонкій, нѣжный запахъ платья...
То былъ блаженства незабвенный мигъ.
Она меня ласкала: „мальчикъ бѣдный,
Какой ты худенькій, какой ты блѣдный!“

XCVIII.

Подъ взорами возлюбленныхъ очей
Я воскресалъ отъ холода и скуки,
Отъ этихъ долгихъ безнадежныхъ дней;
Пугливый, все еще боясь разлуки,
Не вѣря счастью, прижимался къ ней:
Она глаза мнѣ цѣловала, руки
И волосы, и согрѣвала вновь
Меня, какъ солнце, вѣчная любовь.

ХСІХ.

И улыбаясь, плакали мы оба,
И все, въ чемъ сердце бѣдное могло
Окаменѣть — ожесточенье, злоба
И мертвенная скука — все прошло:
Такъ не боится зимняго сугроба,
Почуявъ жизни первое тепло,
Когда ручей поеть и блещеть звонкій, —
На трепетномъ стеблѣ подснѣжникъ тонкій.

С.

Не могъ расторгнуть нашихъ вольныхъ узъ
Духъ строгости, порядокъ жизни чинный,
И тайно крѣпъ нашъ дружескій союзъ:
Ловиль я звукъ шаговъ ея въ гостиной;
Бывало, рода женскаго на us
Она со мной твердила списокъ длинный,
И находилъ поэзію при ней.
Я въ правилахъ кубическихъ корней.

СІ.

Подъ сладостной защитой и покровомъ,
Когда ласкался къ мамѣ при отцѣ,
Я видѣлъ ревность на его суровомъ
Завистливо нахмуренномъ лицѣ...
Я былъ плѣненъ улыбкой, каждымъ словомъ,
И брилліантомъ на ея кольцо,
И шелестомъ одежды, и духами,
И дѣвственными, юными руками.

СII.

На завтракъ бѣлый рябчика кусокъ,
Обсахаренный вкусный померанецъ,
Любимую конфету, пирожокъ
Она тихонько прятала мнѣ въ ранецъ;
Когда я въ классѣ вынималъ платокъ
Съ ея духами, вспыхивалъ румянецъ
Любви стыдливой на моихъ щекахъ,
Сіяла гордость дѣтская въ очахъ.

СIII.

Я чувствовалъ ея очарованье
Среди учебныхъ книгъ и словарей,
Какъ робкое весны благоуханье
Въ холодной мглѣ осеннихъ мрачныхъ дней, —
И по ночамъ любимыхъ устъ дыханье
Надъ дѣтскою кроваткою моею:
Такъ ласкъ ея недремлющая сила
Меня тепломъ и свѣтомъ окружила.

СIV.

Коль въ сердцѣ, полномъ горечи и зла
Донинѣ есть поэзія живая, —
Твоя любовь во мнѣ ее зажгла.
Ты слышишь ли меня, о тѣнь родная?
Пусть ненужна тебѣ моя хвала,
Но счастливъ я, о прошломъ вспоминая, —
И вотъ невѣдомую пѣснь мою
Тебѣ, какъ эти слезы, отдаю.

CV.

Когда стремлюсь я къ неземной отчизнѣ,
Слабѣя, грѣшный, на земномъ пути,
Я внемлю тихой нѣжной укоризнѣ...
Не отвергай меня, молю, прости, —
Какъ ты дитя свое хранила въ жизни,
Такъ предъ Судомъ Верховнымъ защити,
Отчаяньемъ и долгою разлукой
Измученное сердце убаюкай.

CVI.

Слетаешь ты, незримая, ко мнѣ,
Какъ сладкаго покоя дуновенье,
Какъ дальній звукъ въ полночной тишинѣ...
Я чувствую твое благословенье
И къ моему лицу, какъ бы во снѣ,
Твоихъ безплотныхъ рукъ прикосновенье...
О милая, надъ бездною храня,
Любовью вѣчною спаси меня!

CVII.

У волка есть нора, у птицъ жилища, —
Лишь у тебя, служитель красоты, —
Нѣтъ на землѣ родного пепелища:
Одинъ, среди холодной пустоты,
Я собираю съ тихаго кладбища
Воспоминаній блѣдные цвѣты,
И въ душу вѣетъ запахомъ могилы
Сквозь аромать ихъ дѣвственный и милый...

CVIII.

Давно привыкъ я будущихъ скорбей
Угадывать нелживыя примѣты;
Жизнь съ каждымъ днемъ становится мрачнѣй...
Ни славою, ни дружбой не согрѣты,
Лишь памятью невозвратимыхъ дней
Питаемся мы, жалкіе поэты,
Какъ собственною лапою медвѣдь,
Чтобъ съ голода зимой не умереть.

CIX.

Пою, свирѣль на тихій ладъ настроя:
До подвиговъ намъ съ Музой дѣла нѣтъ.
Я говорю, увидѣвъ тѣнь героя:
„Не заслоняй мнѣ солнца вѣчный свѣтъ!“
Отъ міровыхъ скорбей ищу покоя
И ухожу я въ прозу давнихъ лѣтъ,
Какъ Діогенъ — въ циническую бочку...
Но здѣсь для риѣмы я поставлю точку. —

CX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой случайный другъ, —
Студентъ-ли въ кельѣ сумрачной и дымной,
Чиновникъ-ли съ бумагами вокругъ,
Курсистка, баринъ ли гостепріимный,
Питомецъ-ли классическихъ наукъ, —
Не требую любви твоей взаимной, —
Но мнѣ близка теперь душа твоя,
Но ты мнѣ другъ, ты человѣкъ, какъ я.

СХІ.

Ты также горькимъ опытомъ наказанъ...
Минутной благосклонности твоей
Я самой чистой радостью обязанъ:
Ты дальше всѣхъ, ты ближе всѣхъ друзей,
И я съ тобой свободной дружбой связанъ.
Теперь, прощаясь съ Музою моею,
Забудь вражду, прости, читатель, скуку:
Мы — люди мы несчастны — дай мнѣ руку!

СХІІ.

Тебѣ на судъ я отдаю себя:
Одинъ ли ты иль въ многолюдномъ свѣтѣ,
Хлопочешь ли для славы жизнь губя
Или для денегъ, — вспомни о завѣтѣ
Того, кто, дѣтство милое любя,
Училъ насъ: „будьте просты вы, какъ дѣти“.
Какъ ни былъ бы ты золъ и мудръ и старъ, —
Подумай, жизнь — прекрасный Божій даръ;

СХІІІ.

Смягчись на мигъ въ борьбѣ ожесточенной,
На прошлое съ улыбкою взгляни:
Не правда ли, тамъ, солнцемъ озаренный,
Есть уголокъ родимый, есть они,
Мой братъ, какъ я, познаемъ отягченный,
Невѣдѣнья безоблачные дни!
Отъ суеты и злобы на минуту
Вернись душою къ тихому пріюту, —

СХІV.

И пусть морщины скуки и труда
Разглядятся!.. Какъ сонъ недолговѣчный,
Тѣ дни прошли... Ты лучше былъ тогда,
Довѣрчивый, свободный и безпечный.
Ужели больше нѣтъ отъ нихъ слѣда,
Отъ этихъ думъ, отъ простоты сердечной?..
О, только бы ты пожалѣлъ о нихъ, —
И дѣла нѣтъ мнѣ до враговъ моихъ.

СХV.

Пусть хмурить брови Аристархъ журнальный:
Въ печальномъ сердцѣ — тихо и свѣтло;
Въѣзжаю въ гавань, — конченъ путь мой дальнй..
О другъ, утѣшься, подыми чело
Съ улыбкою спокойной и печальной,
Прощая Богу смерть и людямъ зло:
Въ сіяньи солнца есть еще отрада...
Ты улыбнулся, — вотъ моя награда!

Пѣсня вторая.

I.

Уже никто не вдѣнетъ ногу въ стремя, —
Ты одряхлѣлъ, классическій Пегасъ,
Тебѣ подсѣкло крылья злое Время:
Влачишься ты по улицамъ у насъ,
Гдѣ давить сердце вѣчной скуки бремя,
Гдѣ въ мутной снѣжной тьмѣ чуть брежжитъ газъ,
Гдѣ нѣтъ ни воли, ни любви, ни солнца, —
Хромою клячей бѣднаго чухонца...

II.

Отъ риѣмы я отвыкъ, и мнѣ начать
Вторую пѣснь труднѣй, чѣмъ сдвинуть гору.
Но если часъ пришелъ — нельзя молчать:
Слетающихъ видѣній внемля хору,
Ихъ голосамъ я долженъ отвѣчать;
И какъ цвѣтникъ въ полуденную пору —
Жужжаньемъ пчелъ, какъ берегъ — шумомъ волнъ,
Созвучьями не даромъ слухъ мой полнъ.

III.

Ихъ музыка подобна поцѣлюю:
И риѣма съ риѣмой — нѣжная чета —
Сливаются въ гармонію живую;
Такъ ищутъ устьъ влюбленныя уста.
Я близость бога сладостнаго чую:
Когда душа уныла и пуста, —
Поэзія — отъ всѣхъ скорбей лѣкарство.
Уйдемъ же къ ней мы въ призрачное царство!

IV.

Тамъ нѣтъ ни зла людского, ни добра,
Тамъ даже смерти не страшна угроза.
Луна порой въ нѣмые вечера
На стеклахъ блѣдныя цвѣты мороза
Вдругъ оживитъ: что значить ихъ игра
Безцѣльная?.. Холодной жизни проза,
Гори, гори и ты въ стихѣ моемъ,
Какъ этотъ ледъ, таинственнымъ огнемъ!

V.

О, юность бѣдная моя, какъ мало
Ты вольныхъ игръ и счастья мнѣ дала:
Классической премудрости начало,
Словарь латинскій, холодъ, скука, мгла...
Какъ часто я бранилъ тебя, бывало;
Но все прошло, — теперь не помню зла:
Не до конца сумѣли въ пыльной грудѣ
Нелѣпныхъ книгъ тебя испортить люди.

VI.

За сладостный, невинный жаръ въ крови,
За первыя неопытныя грезы,
За дѣтское предчувствіе любви
Среди унынья, холода и прозы,
За маленькія радости твои,
За одинокія, нѣмыя слезы,
О, молодость, за красоту твою
Тебя люблю, тебѣ я гимнь пою!

VII.

Врата несуществующаго рая,
Ненаступившихъ радостей залогъ,
Благословлю обманъ твой умирая:
Я никогда проклясть тебя не могъ,
О горькая, о жалкая, святая,
Тебя непообѣдимой создалъ Богъ:
Въ тебѣ есть холодъ, дѣвственная нѣга
И чистота нетронутаго снѣга...

VIII.

Однажды мы весною въ первый разъ
Открыли окна слишкомъ рано, въ мартѣ:
Пахнулъ къ намъ свѣжій воздухъ въ душный классъ;
На стѣнахъ съ пятнами чернилъ, на партѣ,
Изрѣзанной ножами въ скучный часъ
Закона Божьяго, на пестрой картѣ
Америки лучъ солнечный блестяль,
Въ листахъ грамматикъ вѣтеръ шелестѣль.

IX.

Я думаю, Армидинъ садъ, и ты бы
Намъ болѣе счастливыхъ не даль грезъ,
Чѣмъ грязный дворъ, гдѣ льда сѣдого глыбы
Кололи дворники; не запахъ розъ,
А москательныхъ лавокъ, мяса, рыбы —
Зефиръ весенній съ рынка намъ принеси...
А воробьи на крышахъ стаяй шумной
Чирикали отъ радости безумной.

X.

Смотрѣли жадно мы на красный домъ,
Влюбившись сразу въ барышню-сосѣдку.
Къ окну подходить — видно за стекломъ, —
Чтобы крупы насыпать птицѣ въ клѣтку.
Тетради, книги наши подъ столомъ:
Какъ мотылекъ, попавшій дѣтямъ въ сѣтку,
Трепещетъ сердце, и волнуется кровь
Мнѣ глупая и милая любовь.

XI.

Пусть наглухо опять окно закрыли:
Проснувшись вдругъ отъ мертвеннаго сна,
Сквозь мутное стекло подъ слоемъ пыли,
Глядимъ, — душа надеждою полна,
Мгновенно всю грамматику забыли.
Ты побѣдила, вѣчная весна!
Такъ молодость въ тюрьмѣ находитъ радость
И горечь жизни превращаетъ въ сладость...

XII.

Мнѣ эта улица мила съ тѣхъ поръ:
 Въ галантерейной маленькой лавчонкѣ
 Донынѣ все еще плѣняетъ взоръ
 И тѣ же чувства будятъ, какъ въ ребенкѣ, —
 Знакомыхъ ситцевъ пестренькій узоръ,
 Духи, помада, зеркальца, гребенки
 И волны подвѣчной кисеи —
 Соблазны юной прачки и швеи.

XIII.

Душа волненъемъ сладкимъ вновь объята,
 Когда по тѣмъ мѣстамъ я прохожу;
 Какъ тихій свѣтъ унылаго заката,
 Я въ улицѣ безмолвной нахожу
 Слѣды тѣхъ дней, которымъ нѣтъ возврата...
 И самъ не знаю, чѣмъ въ нихъ дорожу;
 Но жизнь кругомъ — холодная пустыня,
 Лишь въ прошломъ все — отрада и святыня.

XIV.

Люблю я запахъ Елки въ Рождество,
 Когда она таинственно и жарко
 Горить, и всѣ мы ждемъ Богъ вѣсть чего...
 Пускай бѣду пророчить злая Парка, —
 Я вѣрю въ Елку, вѣрю въ торжество,
 Попрежнему отъ Бога жду подарка.
 Какъ Елка, ты — въ огняхъ ночная твердь,
 Ужель подарокъ Бога — только смерть?

XV.

Все мимолетно — радости и мука,
Но вѣчное проклятiе боговъ —
Не смерть, не старость, не болѣзнь, а скука,
Нѣмая скука долгихъ вечеровъ.
Скучать съ приличнымъ видомъ есть наука
Важнѣйшая для умныхъ и глупцовъ:
Подруги наши — страсть, любовь иль злоба,
А Скука — вѣчная жена до гроба.

XVI.

О, темная владычица людей,
Какъ рано я узналъ твои морщины,
Недвижный взоръ твоихъ слѣпыхъ очей,
Лицо мертвѣе сѣрой паутины
И тихій лепетъ злыхъ твоихъ рѣчей!..
Но оживлять унылыя картины
Не буду вновь: ужъ я сказалъ о томъ,
Чѣмъ былъ нашъ мрачный и холодный домъ.

XVII.

Все важно въ немъ и сонно и прилично.
Отецъ любилъ дѣтей, но издали:
Онъ каждую субботу педантично,
Просматривая баллы, за нули
Нотаціи читать умѣлъ отлично.
Безъ дружбы, вѣчно ссорясь, мы росли
Всѣ вмѣстѣ, кучей, какъ въ тѣни древесной
Семья грибовъ: намъ было слишкомъ тѣсно...

XVIII.

Съ Сергѣемъ мы ходили въ тотъ же классъ.
 Напоминая бойкую лисичку,
 Зрачки зеленоватыхъ быстрыхъ глазъ
 Лукаво щурить онъ имѣлъ привычку;
 Лицо въ веснушкахъ помню какъ сейчасъ,
 Пронырливый и острый носикъ, кличку
 Всему давалъ онъ мѣтко: былъ актеръ
 И дипломатъ, насмѣшливъ и хитеръ.

XIX.

А неуклюжій Саша, молчаливый,
 Съ лицомъ румянымъ и тупымъ, въ очкахъ, —
 Какъ медвѣженокъ, дикій и лѣнивый;
 Въ монахи собирался онъ, въ дѣлахъ
 Земныхъ не видя толку; горделивый
 Тотъ замыселъ погибъ и сталъ монахъ —
 Немало въ жизни всякихъ превращеній —
 Чиновникомъ особыхъ порученій.

XX.

Благоразумень, важенъ, какъ старикъ,
 Былъ Коля гимназистомъ идеальнымъ;
 Премудрость всѣхъ учебниковъ постигъ.
 Съ лицомъ худымъ, безкровнымъ и печальнымъ,
 Питая страсть, какъ первый ученикъ,
 Къ пятеркамъ съ плюсомъ и листамъ похвальнымъ,
 Смиряться онъ умѣлъ, терпѣть и ждать
 И всякому начальству угождать.

XXI.

Но иногда, романтикъ добродушный,
Про все забывъ, какихъ-то вѣдьмъ и фей,
И рыцарей, и замокъ ихъ воздушный
Чертилъ перомъ въ тиши воскресныхъ дней,
Воображеню странному послушный,
Онъ на поляхъ латинскихъ словарей,
Влюбленный въ этотъ мѣръ необычайный:
Онъ вѣрилъ въ сны, пророчества и тайны...

XXII.

У насъ въ крови — неугасимый жаръ
Мистическаго бреда; это — сходство
Семейное, опасный людямъ даръ,
Наслѣдственный недугъ иль превосходство,
Подъ пепломъ жизни тлѣющій пожаръ, —
Не вѣдаю — талантъ или уродство...
Вольнолюбивый, непокорный духъ,
Донинѣ въ насъ огонь твой не потухъ.

XXIII.

Обычный въ жизни путь ему невѣдомъ,
Противенъ будничной и тѣсной кругъ.
Былъ Костя старшій братъ мой правовѣдомъ;
Но поступилъ онъ, возмущившись вдругъ,
И полный нигилизма моднымъ бредомъ,
На факультетъ естественныхъ наукъ:
Не слѣдуя отцовскому примѣру,
Онъ погубилъ блестящую карьеру.

XXIV.

Самонадѣянъ и уменъ и гордъ,
Нашъ мертвый домъ чиновничій и сѣрый
Онъ презираль: настойчивъ, волей твердъ,
Въ добрѣ и злѣ безъ удержу, безъ мѣры,
Отъ микроскоповъ ждалъ онъ и ретортъ
Невѣдомыхъ чудесъ и новой вѣры.
Любила мать его; съ отцомъ всегда
Была у Кости тайная вражда.

XXV.

Мнѣ помнится подъ колбою стеклянной
Спиртовой лампочки дрожащій блескъ
И жидкости опаловой, туманной
Въ прозрачныхъ стѣнкахъ легкій звонъ и плескъ,
Волшебной искры, голубой и странной
На гальванической машинѣ трескъ...
Въ густой тѣни большого кабинета
Желтели кости пыльнаго скелета.

XXVI.

Мнѣ объяснялъ фанатикъ молодой
Открытья, чудеса лабораторій,
Неясныя мелькали предо мной
Отрывки дерзновеннѣйшихъ теорій;
Показываль онъ въ каплѣ водяной
Другъ друга пожиравшихъ инфузорій,
И слушалъ я, потупивъ робкій взоръ,
Про Дарвиновъ естественный подборъ.

XXVII.

Я чувствовалъ, что онъ неправъ во многомъ:
Краснѣя, запинался я, дрожалъ,
Ребяческимъ и неумѣлымъ слогомъ
На доводы науки возражалъ,
Когда, смѣясь надъ чортомъ и надъ Богомъ,
Онъ все, во что я вѣрилъ, разрушалъ...
Хотя и страшно было мнѣ и больно, —
Запретный плодъ прельщалъ меня невольно.

XXVIII.

И любопытство жадное влекло
Къ опасности на крайнія ступени,
И въ первый разъ на дѣтское чело
Уже недѣтскихъ думъ ложились тѣни:
Плѣняетъ душу человѣка зло.
Какъ нѣкогда Адаму въ райской сѣни —
„Вкуси и будешь богомъ“ — мудрый Змѣй,
Коварный далъ совѣтъ душѣ моей.

XXIX.

Въ столовой разъ за чаемъ мы сидѣли;
Здѣсь маятникъ медлительныхъ часовъ,
Влачившихся безъ отдыха, безъ цѣли,
Вкусъ тѣхъ же булокъ, звуки тѣхъ же словъ
И тусклые обои надоѣли
Знакомымъ видомъ желтенькихъ цвѣтовъ.
На ужинъ экономно разогрѣты
Унылыя вчерашнія котлеты.

XXX.

Изъ всѣхъ угловъ ползеть ночная тѣнь,
 Цѣдится струйка жиденькаго чая
 Сквозь ситечко; смотрѣть и думать — лѣнь,
 Царить безмолвье, мысли удручая...
 У матери — всегдашняя мигрень.
 И лампа блѣдная горитъ, скучая,
 И силы нѣтъ дремоты превозмочь, —
 Скорѣй бы сонъ безчувственный и ночь.

XXXI.

Вдругъ настезь дверь, — и дрогнулъ воздухъ сонный,
 И старшій братъ съ улыбкой на устахъ
 Вошелъ, и нашей скукой изумленный,
 Тотчасъ притихъ; румянецъ на щекахъ
 Еще горитъ, морозомъ оживленный,
 Пылинки снѣга таютъ въ волосахъ:
 Онъ съ улицы принесъ душистый холодъ,
 Глаза блестятъ, — онъ радостень и молодъ.

XXXII.

Отецъ спросилъ: „Откуда?“ — „Изъ суда, —
 Присяжные Засуличъ оправдали!“
 „Какъ? ту, что въ Трепова стрѣляла?“ — „Да“. —
 „Не можетъ быть!..“ — „Такой восторгъ былъ въ залѣ,
 „Какого не бывало никогда:
 „Мы полную побѣду одержали!“
 Отецъ сердито молвилъ: „Что за вздоръ!“
 И вспыхнулъ вдругъ ожесточенный споръ.

XXXIII.

И шопотомъ безпомощныхъ моленій
Напрасно мама хочетъ ихъ унять:
То споръ былъ вѣчный, распря поколѣній, —
Не уступаютъ оба ни на пядь,
Не слушаютъ другъ друга: „Убѣжденій
„Вы права не имѣете стѣснять!“
Кричитъ студентъ; они вскочили оба, —
Въ очахъ старинная слѣпая злоба.

XXXIV.

„Наука доказала“... — „Чушь и гиль —
„Твоя наука... Вѣчныя основы
„Религіи...“ — „Основаи ваши — гниль!
„Предъ истиною всѣ онѣ готовы
„Разсыпаться, какъ мертвый прахъ и пыль...
„Намъ Спенсеръ далъ для жизни принципъ новый!“
„А Богъ?..“ — „Нѣтъ Бога!“ — „Спенсеръ твой —
дуракъ!“
Дошли до Бога, — это скверный знакъ.

XXXV.

Теперь конецъ ужъ ясенъ бѣдной мамѣ, —
Ей скажетъ мужъ: „Во всемъ — твоя вина.
„Дѣтей избаловала!“ Въ этой драмѣ
Нѣмою жертвой быть обречена,
Печальными и кроткими глазами,
Безпомощнаго ужаса полна,
Глядитъ на нихъ и вся мольбою дышитъ:
Никто ее не видитъ и не слышитъ.

XXXVI.

„Прочь, негодяй, изъ дома моего!..“
 „Кричитъ отецъ, блѣднѣя. „Ради Бога,
 „Не будь къ нему жестокъ, прости его, —
 „Ну, хоть меня ты пожалѣй немного!“
 — „Нѣтъ, не просите, мама, — ничего —
 „Не надо! — Костя ей кричитъ съ порога, —
 „Я радъ уйти: мнѣ воля дорога, —
 „Не будетъ больше здѣсь моя нога!

XXXVII.

„Вамъ оскорблять себя я не позволю...“
 И онъ дверями хлопнулъ. Мать жалѣлъ,
 Но думалъ я, что Костя выбралъ долю
 Завидную: какъ былъ онъ гордъ и смѣлъ!
 И за героемъ я рвался на волю,
 Я самъ дрожалъ отъ злобы и горѣлъ:
 Душа была смятеніемъ объята;
 Я раздѣлить хотѣлъ бы участь брата.

XXXVIII.

И долго я въ ту ночь не могъ уснуть:
 Все чудились мнѣ тихія рыданья;
 Предчувствіемъ бѣды сжималась грудь.
 Я всталъ; лишь уличныхъ огней мерцанье
 По комнатѣ мнѣ озаряло путь,
 Когда среди глубокаго молчанья,
 Какъ воръ прокравшись въ темный длинный залъ,
 Я разговоръ изъ спальни услыхалъ:

XXXIX.

„Онъ можетъ повредить моей карьерѣ...
 „Каковъ щенокъ, мальчишка, нигилистъ!“
 — „Ну денегъ дай ему по крайней мѣрѣ:
 „Онъ вспыльчивъ, сердцемъ же онъ добръ и чистъ...“
 Я ухо приложилъ къ закрытой двери.
 И въ темнотѣ внималъ, дрожа какъ листъ,
 И страшно было мнѣ, стучали зубы:
 Слова отца безжалостны и грубы.

XL.

Съ тѣхъ поръ прошли года, но помню то,
 Что слышалъ тамъ: осталось въ сердцѣ жало.
 „Онъ — сынъ твой, не губи его, — за что?..“
 — „Вѣдь я сказалъ: дамъ сорокъ въ мѣсяць“. — „Мало“.
 — „А сколько жъ?“ — „Сто“. — „Ну, пятьдесятъ...“
 — „Нѣтъ, сто...“

Мольбою долгой, долгой и усталой
 Упрямой силою любви своей
 Она боролась съ нимъ изъ-за грошей.

XLI.

Я словъ уже не слышалъ, — только звуки
 Все тѣхъ же просьбъ: такъ падаетъ вода
 И точить твердый камень; лишь отъ скуки
 Онъ дѣлалъ ей уступку иногда.
 Она ему въ слезахъ цѣлуетъ руки,
 Терпѣньемъ побѣждаетъ, какъ всегда,
 Смирениемъ глубокимъ и притворствомъ
 И жертвъ незримыхъ медленнымъ упорствомъ.

XLII.

Мы грѣшны всѣ: я не сужу отца.
Но ужаса я полнъ и отвращенья
Къ семейной пыткѣ, къ битвѣ безъ конца,
Безъ отдыха, гдѣ нѣтъ врагу прощенья,
Гдѣ только блѣдность кроткаго лица
Иль вздохъ невольный выдаетъ мученья:
Внутри — убійство, а извнѣ хранить
Законный бракъ благопристойный видъ.

XLIII.

Когда же утромъ мы при лампѣ встали
И за окномъ, скъвозь мокрый снѣгъ и тѣнь,
Съ предчувствіемъ заботы и печали
Рождался вновь ненужный сѣрый день,
За кофіемъ отъ няни мы узнали,
Что мать больна, что у нея мигрень:
И вѣщая тоска мнѣ сердце сжала.
Три дня она въ постели пролежала.

XLIV.

И можетъ быть, то первый приступъ былъ
Болѣзни тяжелой, длившейся годами,
Неисцѣлимой; все же гнѣвный пылъ
Отца смягченъ былъ долгими мольбами.
Хотя онъ ссоры съ Костей не забылъ.
Но поневолѣ, уступая мамѣ,
Не одобряя баловства дѣтей, —
Не сорокъ даль ему, а сто рублей.

XLV.

И жизнь пошла чредой однообразной:
Зазубрины и пятнышки чернилъ
Все тѣ же на моей скамейкѣ грязной,
Родной языкъ коверкая, долбилъ
Я тотъ же вздоръ латыни безобразной,
И года три подъ мышками тѣснилъ
Все въ томъ же мѣстѣ мнѣ мундирчикъ узкій,
На завтракъ тотъ же сыръ и хлѣбъ французскій.

XLVI.

Лимониусъ директоръ, глухъ и старъ,
Софокла намъ читалъ и Одиссею,
Насъ усыплять имѣя рѣдкій даръ;
Но до сихъ поръ предъ нимъ благоговѣю,
Лишь вспомню, съ крѣпкимъ запахомъ сигаръ,
Я вицмундиръ передъ скамьей моею
И тонкій пухъ сѣдыхъ его волосъ
И въ голубыхъ очкахъ багровый носъ.

XLVII.

Урокъ по спрятанной въ рукавъ бумажкѣ,
Бывало, всякій бойко отвѣчалъ.
При немъ играли въ карты мы и въ шашки:
Намъ добродушный нѣмецъ все прощалъ;
Но вдругъ за бѣлый воротникъ рубашки
Неформенной, за галстухъ онъ кричалъ
Съ нежданнымъ пыломъ ярости безмѣрной
И тѣмъ внушалъ намъ трепеть суевѣрный.

XLVIII.

Честнѣйшій нѣмецъ Кесслеръ — латинистъ,
 Заросшій волосами, бородатый,
 На видъ угрюмъ, но сердцемъ добръ и чистъ, —
 Какъ древніе Катоны, Цинцинаты
 И Сцеволы; большой идеалистъ,
 Изъ года въ годъ, отчаяньемъ объятый,
 Всѣмъ существомъ грамматику любя,
 Онъ насъ терзалъ и не жалѣлъ себя.

XLIX.

Отвѣтовъ ждалъ со страхомъ и томленьемъ,
 Краснѣя самъ, смущаясь и дрожа:
 Ему казалась личнымъ оскорбленьемъ
 Неправильная форма падежа,
 Ему глаголь съ невѣрнымъ удареньемъ
 Изъ нашихъ устъ былъ какъ ударъ ножа.
 Земному чуждый, пламенный фанатикъ,
 Писалъ онъ рядъ ученѣйшихъ грамматикъ.

L.

Читалъ Платона Бюрикъ — не педантъ,
 Напротивъ, весельчакъ, но злѣйшій въ мирѣ,
 Весь бѣлый, бритый, выхоленный франтъ,
 Въ обрызганномъ духами вицмундирѣ;
 Къ жестокимъ шуткамъ онъ имѣлъ талантъ:
 Того, кто зналъ урокъ, оставивъ въ мирѣ,
 Онъ робкаго лѣнтяя выбиралъ
 И долго съ нимъ какъ съ мышью котъ игралъ.

LI.

Несчастный мальчикъ, съ мнимою отвагой,
Къ доскѣ уже блѣднѣя подходилъ,
Тотъ ободрялъ его, шутилъ съ бѣднягой
И понемногу въ дебри заводилъ,
Не торопясь; но покрывались влагой
Глаза его, онъ медленно цѣдилъ
Слова сквозь зубы и въ дремотѣ сладкой
Ласкалъ тихонько подбородокъ гладкій.

LII.

Какъ выступалъ на лбу ученика
Холодный потъ, съ улыбкой сладострастной
Слѣдилъ, и мухой въ лапахъ паука
Тотъ бился все еще въ борьбѣ напрасной:
Томила жертву смертная тоска;
„Скорѣй бы нуль!“ мечталъ уже несчастный,
Въ схоластикѣ блуждая безъ руля,
А смерти нѣтъ, и нѣтъ ему нуля!

LIII.

Но въ старшихъ классахъ алгебры учитель
Былъ хуже нѣмцевъ — русский буквоѣдъ,
Поповъ, родной казенщины блюститель;
Храня военной выправки завѣтъ,
Незлобивый старательный мучитель,
Онъ страшень былъ душѣ моей, какъ бредъ...
Въ лицѣ — подобѣ блѣдной мертвой маски —
Мерцали хитрые свиные глазки.

LIV.

Въ немъ было все противно: глупый носъ
 И на челѣ торжественномъ и плоскомъ
 Начальственная важность, цвѣтъ волосъ
 Прилизанныхъ и рѣдкихъ съ желтымъ лоскомъ;
 Онъ — неуклюжь, горбать и хромъ, и косъ, —
 Казался жалкимъ, страннымъ недоноскомъ. —
 Всегда покорень и застѣнчивъ, разъ
 Я дерзкимъ бунтомъ удивилъ нашъ классъ.

LV.

Мнѣ отъ Попова слушать надоѣло —
 „Ровнѣй держитесь, выпрямите груди!“ —
 Я на скамью — неслыханное дѣло —
 Сѣлъ, опершись локтемъ, чтобъ отдохнуть
 И пуговицъ, ему отвѣтивъ смѣло,
 На сюртукѣ дерзнулъ не застегнуть;
 Онъ закричалъ, но я рѣшилъ упрямо:
 Умру, не застегну, не сяду прямо!

LVI.

Лимониусъ съ инспекторомъ пришли,
 И сторожа меня на новоселье
 Въ сырой, холодный карцеръ повели
 И заперли на ключъ въ позорной кельѣ, —
 Жилищѣ крысъ, но тамъ, во тьмѣ, въ пыли,
 Я чувствовалъ неожиданое веселье:
 Подвижникомъ себя воображалъ
 И въ лихорадкѣ сладостной дрожалъ.

LVII.

Какъ жаждалъ сердцемъ правды я и мщенья!
Не все ль равно, за что возстать — за міръ
И всѣ его обиды и мученья,
Или за право разстегнуть мундиръ?
Тебя позналъ я, демонъ возмущенья:
Утративъ сердца прежній дѣтскій миръ,
Я чувствовалъ, — хотя былъ бунтъ напрасень,
Что ты, Злой Духъ, мой темный Богъ — прекрасень!

LVIII.

Тебѣ остался вѣренъ я съ тѣхъ поръ
И, соблазненный Ангеломъ суровымъ,
Не покорясь, всю жизнь веду я споръ,
Изъ-за несчастныхъ пуговицъ съ Поповымъ:
Душа безумно рвется на просторъ.
За то, что я къ мірамъ стремился новымъ,
За то, что рабства я терпѣть не могъ, —
Меня казнилъ Лимоніусъ и Богъ.

LIX.

Въ тѣ дни ужъ я томился у преддверья
Сомнѣній горькихъ, и когда нашъ попъ,
Находчивый и полный лицемѣрья,
Доказывалъ, наморщивъ умный лобъ,
Чтобъ истребить въ насъ плевелы невѣрья,
Научною теоріей потопъ,
Иль логикой — существованье Бога, —
Рождалась въ сердцѣ вѣщая тревога.

LX.

И бѣсъ меня смущалъ: насъ каждый день
 Водили въ церковь на Страстной недѣлѣ;
 Напѣвъ дьячка внушалъ мнѣ сонъ и лѣнь:
 Мы по казеннымъ правиламъ говѣли;
 И неуютною казалась тѣнь,
 Недружески огни лампадъ блестяли;
 Рука творила знаменье креста,
 Но мертвая душа была пуста.

LXI.

Кошунственная мысль была упряма;
 И чистая святая бѣлизна
 Просвирки нѣжной, запахъ оиміама,
 Вкусъ теплаго церковнаго вина,
 И голубь, Духъ Святой, на сводѣ храма,
 За царскими вратами глубина,
 Не вѣютъ въ душу прежней сладкой тайной:
 Рождаетъ все лишь страхъ необычайный.

LXII.

Но по привычкѣ давней передъ сномъ
 Я начиналъ молитву, умиленный:
 Съ подаркомъ няни — сахарнымъ яйцомъ
 На алой лентѣ, съ вербой запыленной,
 Былъ образокъ такъ родственъ и знакомъ...
 Когда же вновь опомнюсь, пробужденный, —
 Какъ будто вдругъ въ душѣ потухнетъ свѣтъ,
 И ужасаетъ мысль, что Бога нѣтъ.

LXIII.

Скребется мышь, страшать ночные звуки,
На улицѣ умолкъ послѣдній шумъ.
А я сижу во тьмѣ, ломая руки,
И отогнать не въ силахъ грѣшныхъ думъ:
Съ мятежнымъ духомъ, дьяволомъ науки
Изнемогая борется мой умъ,
И ангела хранителя напрасно
На помощь я зову съ надеждой страстной.

LXIV.

Что избавленіе должно придти,
Я чувствую, не вѣдая, откуда.
Цѣлуя образъ, я молилъ: „прости!
„Не вѣрю я и знаю -- это худо,
„Но вѣдь Тебѣ легко меня спасти:
„О, дай мнѣ знакъ, о, только сдѣлай чудо,
„Теперь, сейчасъ, до наступленья дня, —
„Хоть маленькое чудо для меня!“

LXV.

Миссіонеръ для обращенья Кости,
Ученый попъ, былъ приглашенъ отцомъ:
Онъ приходилъ къ намъ по субботамъ въ гости;
Въ лиловой рясѣ съ золотымъ крестомъ.
Пить чай умѣлъ, въ бесѣдахъ, чуждыхъ злости,
Лобъ вытирая шелковымъ платкомъ,
Съ баранками и сливками такъ вкусно
И Дарвина опровергалъ искусно.

LXVI.

И спорамъ ихъ о Богѣ безъ конца
Я съ жадностью внималъ, дохнуть не смѣя:
Доказывалъ онъ Промыселъ Творца,
И, объясняя книги Моисея,
Съ пріятной тихой важностью лица
Цитатами изъ книгъ ученыхъ сѣя,
По поводу Адама говорилъ
Онъ о строеньи черепа гориллъ.

LXVII.

Но дерзкаго невѣрья злое сѣмя
Въ душѣ моей росло: я помню, разъ
Нашъ батюшка въ гимназіи, въ то время
Къ принятію Тайнъ Святыхъ готова классъ,
Моихъ сомнѣній увеличилъ бремя:
Смутилъ меня о грѣшникѣ разсказъ,
Вкусившемъ недостойно отъ Причастья:
Я слушалъ, полонъ жаднаго участья.

LXVIII.

Какъ Тайнами Христовыми сожженъ,
Языкъ его лукавый былъ раздвоенъ
И въ трепетное жало превращенъ...
Я былъ, какъ этотъ грѣшникъ, недостойнъ;
Въ кошунственные мысли погруженъ,
Я ждалъ бѣды, угрюмъ и безпокоенъ,
И, вѣря, что меня накажетъ Богъ,
Раскаяться хотѣлъ я и не могъ.

LXIX.

Съ непобѣдимымъ трепетомъ боязни
Объ исповѣди думалъ, и тоска
Мнѣ грызла сердце, холодъ непріязни
Внушалъ одинъ лишь видъ духовника:
Я представлялъ весь ужасъ этой казни
И чувствовалъ, какъ вмѣсто языка
Во рту моемъ шипѣло и дрожало
Змѣиное раздвоенное жало.

LXX.

Но вышло все такъ просто, безъ чудесъ,
Что я почти жалѣлъ о томъ, и съ шумомъ
Весеннихъ водъ напѣвъ „Христоръ воскресъ“
Теперь въ молчаніи слушалъ я угрюмомъ:
Веселый праздникъ для меня исчезъ, —
Уже ни пасха бѣлая съ изюмомъ,
Ни съ розаномъ, нѣжны и горячи,
Не радовали сердца куличи.

LXXI.

Я съ нянею пошелъ на балаганы:
Здѣсь ныла флейта, и пицалъ фаготъ,
И съ бубнами гудѣли барабаны.
До тошноты мнѣ гадокъ былъ народъ:
Фабричные съ гармониками, пьяный
Ихъ смѣхъ, яйцомъ пасхальнымъ полный ротъ,
Самодовольство праздничнаго вида, —
Все для меня — уродство и обида.

LXXII.

А въ тучкахъ — нѣжень золотой апрѣль.
Царицынъ Лугъ ужъ пылень былъ и жарокъ;
Скрипя колеса вертятъ карусель,
И къ облакамъ ликующихъ кухарокъ
Возносить въ небо пестрая качель:
Въ лазури цвѣтъ платковъ ихъ желтыхъ ярокъ...
И безобразье вѣчное людей
Рождаетъ скорбь и злость въ душѣ моей.

LXXIII.

И благовѣсть колоколовъ побѣдный,
Какъ приговоръ таинственный, гудѣлъ...
Я въ эти дни, къ прискорбью мамы бѣдной,
Какъ будто въ злой болѣзни, похудѣлъ:
По комнатамъ, какъ тѣнь, слонялся, блѣдный
И нелюдимый, плохо спалъ и ѣлъ,
И спрашивала мать меня порою
Въ отчаяньи: „Мой мальчикъ, что съ тобою?..“

LXXIV.

Но я молчалъ, стыдился думъ моихъ,
Лишь изрѣдка, не говоря ни слова,
Къ ней подходилъ, беспомощень и тихъ,
И маленькимъ, не думающимъ снова
Я дѣлался отъ ласкъ ея простыхъ,
Когда она, жалѣя, какъ больного,
И мудрое безмолвіе храня,
Съ улыбкою баюкала меня.

LXXV.

Спасителемъ моимъ Елагинъ милый
Былъ, какъ всегда: экзамены прошли,
И, какъ покойникъ, вставшій изъ могилы,
Я свѣжестью дышалъ сырой земли,
Отъ солнца щурился, больной и хилый,
Но радовали въ морѣ корабли,
Знакомый прудъ, и ледникъ, и дорожка
Межъ грядками душистаго горошка.

LXXVI.

Все трогало меня почти до слезъ —
Съ полупрозрачною зеленью опушка
И первый шелестъ молодыхъ березъ,
И вѣщая, унылая кукушка,
И дряхлая подруга дѣтскихъ грезъ —
Родная ива, милая старушка,
И дачный вкусъ парного молока,
И теплыя живыя облака.

LXXVII.

Катались мы на лодкѣ съ братомъ Сашей:
Покинувъ весла, зонтикъ дождевой
Мы ставили, какъ парусъ, въ лодкѣ нашей;
Казался куполь неба надъ водой
Лазурной опрокинутою чашей,
И на пустынной отмели порой
Съ гнѣющимъ остовомъ ладьи рыбачей
Картофель мы пекли въ золѣ горячей.

LXXVIII.

Закусывая парой огурцовъ
 И слушаю великое молчанье
 Зеркальныхъ водъ и медленныхъ коровъ
 Протяжное унылое мычанье
 И въ стебляхъ желтыхъ водяныхъ цвѣтовъ
 Лѣнивыхъ струекъ слабое журчанье, —
 Я всѣ мои грамматики забылъ,
 Не думалъ, есть ли Богъ, и счастливъ былъ.

LXXIX.

Скучать въ домашней церкви за обѣдней
 По праздникамъ въ Елагинскій дворецъ
 Водили насъ: я помню, въ аркѣ средней
 Межъ ангелами рѣялъ Богъ Отецъ.
 Но суетныхъ мой умъ былъ полонъ бредней,
 Я думалъ: службѣ скоро ли конецъ?
 Смотрѣлъ, какъ небо въ перистыхъ волокнахъ
 Высокихъ тучъ блеститъ въ открытыхъ окнахъ.

LXXX.

Крикъ ласточекъ сквозь пѣніе псалмовъ,
 Шумящіе подъ свѣжимъ вѣтромъ клены,
 Дыханіе сиреневыхъ кустовъ,
 Все манитъ прочь изъ церкви въ садъ зеленый,
 И кажется мнѣ страшнымъ ликъ Христовъ
 Сквозъ зарево свѣчей во мглѣ иконы:
 Любовью, чуждой Богу, міръ любя,
 Язычникомъ я чувствовалъ себя.

LXXXI.

И въ этой церкви разъ въ толпѣ воскресной,
Среди дѣвицъ уродливыхъ и дамъ,
Увидѣлъ профиль дѣвушки прелестной,
Смотрѣлъ я жадно, волю давъ очамъ:
Мнѣ было все въ ней тайною чудесной,
Подобной райскимъ непонятнымъ снамъ,
И я въ благоговѣннѣи не замѣтилъ,
Цвѣтъ глазъ ея былъ темень или свѣтель.

LXXXII.

Лишь смутно помню, что она была
Вся въ бѣломъ кружевѣ; глубокой тѣнью
Рѣсницъ и томной блѣдностью чела
Я изумленъ и преданъ былъ смятеню:
Казалось мнѣ, воздушна и бѣла,
Она принцессой Бѣлою Сиреню,
Окутанною въ сказочный туманъ:
Тайкомъ невинный начался романъ.

LXXXIII.

И образъ твой, Елагинская фея,
Донинѣ сердцу памятенъ и милъ;
Тамъ, гдѣ къ пруду спускается аллея,
За бѣлымъ платьемъ иногда слѣдилъ
И прятался я, подойти не смѣя;
Ни разу въ жизни съ ней не говорилъ,
Любви неопытную душу предаль
Хоть имени возлюбленной не вѣдалъ.

LXXXIV.

Когда въ затишьи знойныхъ вечеровъ
 Гармоника кухарокъ собирала
 Въ конюшню — царство важныхъ кучеровъ,
 И въ облакахъ былъ нѣжный цвѣтъ коралла,
 Съ толпою неуклюжихъ юнкеровъ
 Въ крокетъ моя владычица играла
 И бѣгала, смѣялась громче всѣхъ:
 Донынѣ въ сердцѣ — этотъ милый смѣхъ.

LXXXV.

И, крадучись, какъ воръ, къ рѣшеткѣ сада
 За дачей, гдѣ она жила, тайкомъ
 Я подходилъ, и было мнѣ отрада
 Смотрѣть на ветхій деревянный домъ,
 Хотя мѣшала пыльная ограда
 Кустовъ колючихъ; къ тѣмъ, кто съ ней знакомъ,
 Я завистью былъ жгучей пожираемъ,
 И садикъ бѣдный мнѣ казался раемъ.

LXXXVI.

Но холодъ жизни ранній цвѣтъ убилъ,
 И все, что было мнѣ еще неясно,
 Что я въ душѣ лелѣялъ и хранилъ,
 Едва родившись, умерло безгласно, —
 И никогда я больше не любилъ
 Такъ пламенно, такъ нѣжно и напрасно,
 Какъ въ тѣхъ мечтахъ, погибшихъ навсегда
 Безъ имени, безъ звука, безъ слѣда...

LXXXVII.

Мы въ сердцѣ вѣчную таимъ измѣну:
Ужъ привлекалъ вниманіе мое
Иной предметъ: однажды прачку Лену
Я увидалъ, стиравшую бѣлье;
Я помню мыла тающую пѣну,
Когда сквозь паръ смотрѣлъ я на нее,
Румяную, съ веснушками, съ глазами
Почти безъ мысли, съ голыми руками.

LXXXVIII.

А въ прачечной и въ кухнѣ былъ пожаръ
Сіянія вечерняго: блеснули
Ведро, кофейникъ, яркій самоваръ,
Зрочки кота, дремавшаго на стулѣ,
И полымемъ объята, какъ жаръ,
Кругомъ на полкахъ мѣдныя кастрюли;
И Лена, вся здоровіемъ дыша,
Была въ огнѣ заката хороша.

LXXXIX.

И весело мнѣ было рядомъ съ нею:
Подъ нѣжнымъ солнцемъ въ тонкихъ завиткахъ
Коротенькихъ волосъ я видѣлъ шею
И ямочки на розовыхъ локтяхъ.
Хотя любилъ я сказочную фею,
Но эта баба съ утюгомъ въ рукахъ,
Богиня синьки, мыла и крахмала,
Мое воображенье занимала.

ХС.

Зачѣмъ ты далъ намъ двѣ души, Господь?
Другъ друга ненавидя и страдая,
Напрасно въ людяхъ спорять духъ и плоть,
Любовь небесная, любовь земная:
Одна другой не можетъ побороть.
Съ Владыкой Тьмы враждуетъ Ангелъ рая:
Кому изъ нихъ я первенство отдамъ,
Кто побѣдитъ меня, — че знаю самъ.

ХСІ.

Не смѣйся же, читатель благосклонный,
Что мы съ тобой нежданно перешли
Отъ прачки Лены съ барышней Мадонной
Къ противорѣчьямъ неба и земли:
Одинъ законъ владѣеть непреклонный
Созвѣздыями, горящими вдали,
Съ ихъ правильнымъ восходомъ и закатомъ,
И силой, движущей незримый атомъ.

ХСІІ.

Такъ сразу я въ двухъ женщинъ былъ влюбленъ:
Мнѣ самому казалось это дикимъ...
Уже тогда съ младенческихъ временъ
Лукавымъ духомъ, Янусомъ двуликимъ,
Неопытный мой умъ былъ соблазненъ,
И съ этихъ поръ я съ ужасомъ великимъ
Всю жизнь внималъ, какъ съ Богомъ спорить бѣсъ,
Духъ грѣшной плоти съ ангеломъ небесъ.

ХСІІІ.

Тотъ узелъ Гордіевъ чей мечъ разрубить?
О, если бы рѣшить я только могъ,
Кого душа моя сильнѣе любить,
Кто сердцу ближе: Демонъ или Богъ!
Ихъ двойственный соблазнъ меня погубить:
Я все еще стою межъ двухъ дорогъ,
И съ прачкой Леной борется богиня —
Съ кощунствомъ вѣчнымъ — вѣчная святыня.

ХСІV.

Я осенью въ тотъ годъ увидѣлъ Крымъ:
Казался край далекій сномъ волшебнымъ.
Я не изъ тѣхъ, кому пріятенъ дымъ
Отечества, и былъ всегда цѣлебнымъ
Мнѣ путь далекій къ небесамъ инымъ.
Отецъ мой ѣхалъ по дѣламъ служебнымъ;
Его давно уже молила мать
Меня съ собой на Южный берегъ взять.

ХСV.

Изъ царства моха, кочекъ и рябины
Перелетѣлъ я въ дремлющій аулъ
Въ уютной нѣгѣ солнечной долины;
Мнѣ яркій мѣсяцъ въ очи заглянулъ;
Въ тиши ночной таинственной пучины
Я полюбилъ многоголосый гулъ,
Смотрѣлъ, какъ въ небѣ серебрится тополь
И при лунѣ бѣлѣетъ Севастополь.

XCVI.

Тамъ, гдѣ шумятъ немолчные валы,
Гдѣ вознеслись надъ моремъ великаны —
Изъ чернаго базальта двѣ скалы,
И стелются надъ пропастью туманы,
Гдѣ рѣютъ съ хищнымъ клетотомъ орлы,
Быль нѣкогда великій храмъ Діаны, —
Тамъ нынѣ мрачный и глухой пустырь,
А рядомъ — крестъ и бѣдный монастырь.

XCVII.

Въ обители Георгія Святого
Здѣсь иноки нашли себѣ пріютъ,
Но по ночамъ на мысѣ дикомъ снова
Колонны храма бѣлаго встаютъ —
Языческіе призраки былого,
И волны гимнъ торжественный поютъ..
Тамъ я бродилъ, и сердце грустью ныло,
А колоколь вдали звучалъ уныло.

XCVIII.

О, боги древности, я чуюль васъ,
Когда въ безмолвной и печальной тризнѣ
Сюда вашъ рой слеталъ въ предзвѣздный часъ:
Казалось мнѣ, — въ иной далекой жизни
Я съ вами здѣсь бывалъ уже не разъ
И нынѣ вновь пришелъ къ моей отчизнѣ;
Съ видѣнными боговъ наединѣ
И сладостно, и страшно было мнѣ...

XCIX.

Обвѣянъ прелестью твоей, Эллада,
Въ какія былъ я думы погруженъ,
Чему душа была безумно рада,
Когда горѣлъ полдневный небосклонъ
И волнъ дышала вѣчная прохлада
На высотѣ межъ греческихъ колоннъ
Той полукруглой маленькой веранды
Надъ рощами тѣнистой Ореанды.

C.

Тамъ я любилъ по цѣлымъ днямъ мечтать:
Въ благоуханьи мяты и шафрана
И въ яркости твоей, морская гладь,
И въ блѣдной дымкѣ знойнаго тумана —
Во всей природѣ южной — благодать
Великаго языческаго Пана.
О, древній богъ, подъ сѣнью рощъ твоихъ
Сложилъ я первый неумѣлый стихъ.

CI.

Но долго я скрывалъ подруги тайной,
Стыдливой Музы, нѣжные грѣхи:
Хромой сонетъ о блѣдной розѣ чайной
Восторженной былъ полонъ чепухи.
Но, музыкаю риѣмъ необычайной
Я упивался: глупые стихи
Казались мнѣ предѣломъ совершенства,
И я надъ ними плакалъ отъ блаженства.

СII.

Я Пушкину безстыдно подражалъ,
 Но ослѣпленъ туманомъ романтизма,
 Въ Онѣгинѣ я только риѣмъ искалъ:
 Нужна была мнѣ сказочная призма —
 Луна и пурпуръ зорь, и груды скаль;
 Мятежный Пушкинъ, полный байронизма
 И пышныхъ грезъ, мнѣ нравился тогда,
 Какимъ онъ былъ въ двадцатые года.

СIII.

Я пѣлъ коварныхъ дѣвъ, красы Эдема
 И соловья надъ розой при лунѣ,
 И лучшую изъ тайныхъ розъ гарема,
 Тебя, которой бредилъ я во снѣ
 И наяву, о милая Зарема.
 Стихи журчали, и казалось мнѣ,
 Что мой напѣвъ былъ полонъ нѣги райской,
 Какъ лепеть твой, фонтанъ Бахчисарайской!

СIV.

Я не люблю родныхъ моихъ, друзья
 Мнѣ чужды, бракъ — тяжелая обуза.
 Въ томительной пустынѣ бытія
 Гонимая отверженная Муза —
 Единственная спутница моя.
 И болѣе надежнаго союза
 Нѣтъ на землѣ: съ младенчества храня,
 Она, какъ мать, лелѣяла меня.

CV.

Не вѣдали мы съ нею шумной славы,
Но въ дни унынья ты была со мной,
Богиня кроткая, въ тѣни дубравы,
Или у водъ, объятыхъ тишиной,
Гдѣ сонныя благоухаютъ травы,
Ждала меня съ улыбкой неземной,
Таинственную прелестью дышала
И ласкою невинной утѣшала.

CVI.

И былъ въ чертахъ прекраснаго лица
Глубокій слѣдъ божественной печали.
Лавровой тѣнью гордаго вѣнца
Твоей главы друзья не увѣнчали.
Ты слышала и брань и судъ глупца,
Сообщниковъ немногихъ мы встрѣчали.
Но, совершая долгъ своимъ путемъ,
Всегда мы шли и до конца пойдемъ.

CVII.

Съ тобой нестрашенъ ночи мракъ беззвѣздный:
Направь мои невѣрныя стопы.
Надъ пропастью цвѣты тебѣ любезны,
Растущіе не на путяхъ толпы,
И ты ведешь меня по краю бездны
На узкія необщія тропы,
Откуда виденъ отблескъ на вершинахъ
Зари еще невѣдомой въ долинахъ.

CVIII.

Пусть годы память обо мнѣ согрутъ,
 Слезой умильной юноши и дѣвы
 Не освѣтятъ мой незамѣтный трудъ,
 Пусть не дано взошедшіе посѣвы, —
 Очамъ моимъ увидѣтъ, и замрутъ
 Безъ отклика негромкіе напѣвы:
 Я сердцемъ чистъ, я дѣлалъ все, что могъ, —
 Тебя, о Муза, оправдаетъ Богъ.

CIX.

Мы не нашли въ сердцахъ людей отвѣта,
 Но только бы онъ до конца горѣлъ,
 Огонь, которымъ жизнь моя согрѣта, —
 Не даромъ я любилъ, страдалъ и пѣлъ.
 Благословенъ святой удѣлъ поэта,
 Благословенъ изгнанниковъ удѣлъ,
 Мой уголь бѣдный, тихая лампада
 Моихъ ночей и тайныхъ слезъ отрада.

CX.

Когда я съ Музой начиналъ мой путь
 И ждалъ побѣды, дерзостенъ и молодъ,
 Какъ страшно было въ Летѣ потонуть,
 Какъ мучилъ славы ненасытный голодъ!
 Но въ тридцать лѣтъ ровнѣе дышитъ грудь,
 Сулитъ покой намъ Леты вѣчный холодъ:
 Отрада есть въ ея ночной волнѣ, —
 Въ молчаніи, въ забвеньи, въ тишинѣ...

СХІ.

А можетъ быть и то: подъ слоємъ пыли
Межъ тѣхъ, чьи книги только мышъ грызеть,
Кого давно на чердакъ забыли,
Историкъ важный и меня найдетъ
И пѣснь мою о стародавней были
Съ улыбкою внимательной прочтетъ,
И гордую въ изгнаніи суровомъ
Помянетъ Музу нашу добрымъ словомъ.

СХІІ.

Теперь, съ тобой прощаясь, мы почтимъ,
Богиня, ту, что тихо спитъ во гробѣ,
Кто ангеломъ хранителемъ твоимъ
Была во мракѣ, холодѣ и злобѣ.
Возлюбленную тѣнь благословимъ:
Вы были мнѣ заступницами обѣ,
И вѣрую, что въ часъ послѣдній вновь
Меня спасетъ великая любовь.

СХІІІ.

Ты въ горестный и страшный часъ, родная,
Придешь ко мнѣ не съ горестнымъ лицомъ,
Не слабая, не жалкая, больная,
Такой, какъ ты была передъ концомъ,
Но съ дѣвственной улыбкой, молодая,
Съ торжественно сіяющимъ вѣнцомъ,
Меня въ преддверьи новой жизни встрѣтишь
И радостно на мой призывъ отвѣтишь.

СХІV.

Сотрешь съ чела въ предсмертной тишинѣ
Холодный потъ моей послѣдней муки.
Чтобъ слаще мнѣ спалось въ могильномъ снѣ,
любя Баюкая, нащія руки
Возьмешь меня и тихо скажешь мнѣ:
„Не бойся же, — нѣтъ смерти, нѣтъ разлуки.
„Тебѣ я пѣсню прежнюю спою, —
„Усни, мой мальчикъ, баюшки-баю“

СХV.

Великаго обѣта не нарушу:
О, мама, скоро я къ тебѣ приду!
Какъ погибающій пловецъ — на сушу,
Стремлюсь къ тебѣ и радуюсь, и жду:
Душа обниметь родственную душу,
Въ твоихъ чертахъ любимыхъ я найду, —
Какъ разрѣшишь ты всѣ земныя узы, —
Черты моей богини, вѣчной Музы.

Алфавитный указатель.

	Стр.
Богъ	3
Будда	83
Будущій Римъ	63
Веселыя думы	74
Весеннее чувство	42
Вечеръ	40
Волны	31
Голубое небо	9
Двойная бездна	65
Двѣ пѣсни шута	33
De profundis	22
Донъ Кихоть	111
Дѣти ночи	7
Дѣтское сердце	69
Если розы тихо осыпаются	38
Изгнанники	8
И хочу, но не въ силахъ любить я людей	14
Иовъ	87
Леда	77
Леонардо да Винчи	97
Любовь-Вражда	18
Маркъ Аврелій	80
Мартъ	44
Мать	49
Микель Анжело	99
Молитва о крыльяхъ	73
Молчаніе	15
Morturi	5
На озерѣ Комо	52
Нирвана	37
Ноябрь	45

	Стр.
Одиночество	12
Одиночество въ любви	20
О, если бы душа полна была любовью	67
Осенніе листья	48
Осенью въ Лѣтнемъ саду	46
Пантеонъ	61
Парки	26
Паренонъ	57
Помпея	53
Признаніе	16
Природа	36
Проклятiе любви	21
Протопопъ Аввакумъ	123
Пустая чаша	25
Разслабленный	114
Римъ	60
Скука	28
Смѣхъ боговъ	55
Сталь	50
Старинныя октавы	171
Старость	30
Такъ жизнь ничтожествомъ страшна	64
Темный ангель	10
Титаны	58
Трубный гласъ	71
Уголино	106
Усни	39
Успокоенные	47
Францискъ Ассизскій	138
Франческа Римини	103
Христось, Ангелы и Душа	118
Что ты можешь?	29